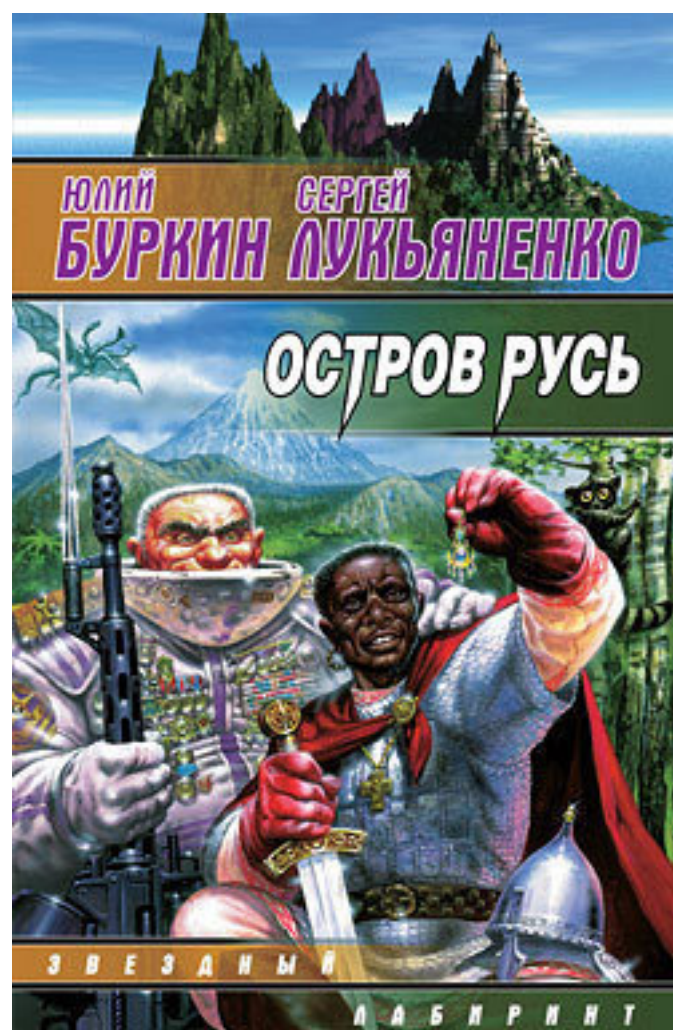

Остров Русь

Сергей Лукьяненко

Остров Русь (сборник)

«АСТ»

Лукьяненко С. В.

Остров Русь (сборник) / С. В. Лукьяненко — «АСТ», — (Остров Русь)

«Сегодня, мама!», «Остров Русь» и «Царь, царевич, король, королевич...» – это развеселая и разудалая трилогия, сочиненная Сергеем Лукьяненко на пару с Юлием Буркиным. Это безудержный полет фантазии, невероятное, причудливое развитие сюжета и, конечно, брызжущий, искрометный юмор!

© Лукьяненко С. В.

© АСТ

Содержание

Сегодня, мама!	6
Предисловие	6
Часть первая	15
Глава первая,	15
Глава вторая,	21
Глава третья,	28
Глава четвертая,	35
Глава пятая,	40
Глава шестая,	45
Глава седьмая,	50
Глава восьмая,	56
Глава девятая,	61
Часть вторая	63
Глава первая,	63
Глава вторая,	68
Глава третья,	74
Глава четвертая,	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин

Остров Русь (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Сегодня, мама!

Предисловие

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

Я проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот, заворочался на подушке и ткнул меня в нос хвостом. Хвост был мягкий, на самом кончике белый и особенно пушистый.

Когда персидские коты линяют – это плохо. А если они при этом еще и любят спать на твоей подушке, это кошмар. Я осторожно взял Ирбиса за кончик хвоста и сделал вид, что собираюсь дернуть. Кот презрительно посмотрел на меня медно-красными глазами и отвернулся. Чихать он на меня хотел. Двенадцатилетние мальчики нигде не считаются священными, а вот коты – да: в Египте.

– Стас, – тихонько позвал я. – Стас, ты дрыхнешь?

Брат не ответил, лишь сверху доносилось его сонное посапывание. Он спит надо мной – у нас двухэтажная кровать, и мой одноклассник Валька Мельник сказал однажды, что это как в тюрьме. Я не нашелся что ответить, а Стас сразу поблагодарил Вальку за информацию, потому что мы в тюрьме еще не бывали. Вышло так, будто Валька сидел в тюрьме. Он обозлился, обругал за это Стаса и плюнул в него. Но не попал.

– Стас! – позвал я для порядка еще разок, подхватывая Ирбиса под теплое толстое брюхо, встал и заглянул на его кровать. Разумеется, брат спал, подушка у него не была усыпана кошачьими волосами, и только в ногах лежал маленький беспородный котенок, которого мама принесла вчера вечером.

Я положил Ирбиса Стасу под щеку, чтобы коту не было скучно в моей пустой постели, а беспородного, не имеющего еще клички котенка засунул ему под одеяло. Котенок начал искать выход из плена, а я побежал умываться.

В коридоре царило легкое утреннее столпотворение. Папа кормил тех кошек, что уже соизволили проснуться, а мама, стоя перед зеркалом, торопливо подкрашивала ресницы. Вот интересно: кошки – хобби мамино, а возиться с ними приходится нам с папой. Но любит она кошек прямо ненормально. Хотя вообще-то она не сумасшедшая. Просто у нее есть «пунктики» – так папа говорит.

Однажды кошки начали беситься, чуть ли не по потолку бегать. Потом оказалось, что кошка по имени Собака котят ждет, а в этом случае остальные кошки психуют. Завидуют, наверное. Но мама тогда этого не знала и решила показать их ветеринару. Приходит в ветлечебницу и говорит:

– Доктор, посмотрите моих кошек.

– А где они? – спрашивает тот.

– Здесь, – отвечает мама, кладет на стол чемоданчик и открывает его. А там лежат восемь кошек по стойке «смирно». Лапы связаны и морды забинтованы – чтобы не орали. Только хвосты – туда-сюда, влево-вправо.

Вся лечебница бегала посмотреть...

Так вот, вышел я в коридор, а мама, накрашиваясь, увидела меня в зеркало и сказала:

– Хухер-мухер¹, Костя.

¹ Доброе утро (возможно, др.-егип.).

– Хухры-мухры, цурюка², – торопливо пробормотал я.

Мама оторвалась от зеркала, повернулась ко мне и с возмущением переспросила:

– Цурюка? Зап ардажер, сердев ынау-мынау³!

– Эй! – возмутился папа, переставая раскладывать корм по мискам. – Я тоже немного язык знаю! Это кто же тогда ынау-мынау? Я?

– Ардажер, хухры-мухры, мухры-хухры, – затараторил я. – Зап Сет тага горк минерап. Зап шердап. Лапсердюк. Ыкувон, генекал ардажер. Ынау-мынау ардажер ук. Зап ынау-мынау. (Ну, сможете сами перевести? Слабо? Позор... «Мама, доброе утро два раза подряд. Сет⁴ отуманил мой разум во сне. Я кривоязыкий. Мое уважение огромно. Папа, не ругайся с мамой; пустынным шакалом мама назвала меня. Я пустынный шакал».)

– Вот так-то, – миролюбиво сказала мама, переходя на русский. Из-за легкого узбекского акцента казалось, что она с родного языка перешла на иностранный. Мама выросла в Ташкенте. Во время землетрясения ее родители пропали, и она жила в детдоме. Но рассказывать об этом не любит. Зато о Ташкенте может часами говорить. Если ее послушать, то на свете нет города красивее и солнечнее. И люди там особенные, и персики там, и вообще... Это ее пункт № 2 – после кошек. Нет, № 3, второй – это древнеегипетский.

На самом-то деле никто не знает, как древние египтяне говорили, ведь их язык сохранился только в древних надписях, и одни специалисты, например, считают, что пустынный шакал произносится «ынау-мынау», а другие – «еня-меня». Но если уж маме пришлось в голову учить нас древнеегипетскому... Мы со Стасом сначала бунтовали, но потом передумали; никто этого языка не знает, и у нас будет свой секретный шифр.

Проскользнув в ванную, я принялся ожесточенно чистить зубы. Хорошо, что сегодня суббота. Не надо учить уроки, особенно английский. А то у меня все перепуталось. В среду был пересказ текста, и я два раза «школу» вместо «скул» назвал «цурах»⁵. Хорошо еще, что глуховатая Елена Константиновна, наша учительница, больше внимания обращает на уверенный тон, чем на то, что говоришь.

Бормоча детскую считалочку: «Каргаз, ушур, нердак тушур» (раз, два, третий – крокодил), в ванную вошел Стас. На плече у него, вцепившись когтями в майку и вздыбив шерсть, сидел безымянный котенок. Первым делом Стас пихнул меня, оттесняя от раковины, и начал намазывать зубную щетку, не переставая нудить: «Нердак тушур, перум, южур...»

– Будешь пихаться, схлопочешь, каракуц болотный, – предупредил я. Стасу всего одиннадцать, но все время приходится напоминать ему, кто у нас старший. – Отпусти котенка, ему же страшно.

– Хухер-мухер, – невинно сказал Стас. – Ничего ему не страшно.

– Он кот или кошка? – поинтересовался я.

Стас скосил глаза на котенка и сказал:

– Не знаю. Он еще маленький. И пушистый. Признаки пола не выражены.

– Это у тебя не выражены, дубина пушистая, – разозлился я. – Его же назвать как-то надо!

– Назовем Вале́й, – беззаботно предложил Стас. – Это и мужское имя и женское.

– А почему именно Вале́й? – удивился я.

– Мельнику назло. А то плюется, как курдеп⁶, – буркнул Стас, изучая в зеркале свою белобрысую физиономию. Он весь в папу, а я как мама: черноволосый и худой.

Я вытерся полотенцем и съязвил:

² И тебе доброго утра, подружка (возм., др.-егип.).

³ Подружка?! Я твоя мать, сын пустынного шакала! (возм., др.-егип.).

⁴ Сет – довольно неприятный др. – египетский бог. – Примеч. авторов.

⁵ школа (возм., др.-егип.).

⁶ верблюд (возм., др.-егип.).

– Что, усы ищешь?

Стас неожиданно покраснел и зашипел:

– Каваока Сет шенгар⁷!

– Окавака Сет шенгар⁸! – не остался я в долгу.

Дверь открылась, и вошел папа. Как раз в ту минуту, когда мы готовились вцепиться друг в друга. Папа снял котенка со Стаськиного плеча и спросил:

– Чего-то не поделили, полиглоты?

– Нет, папа, – дуэтом ответили мы.

– Точно? – усомнился папа. – Не ссорьтесь. Чтобы драться не пришлось.

Держа котенка за шкурку, он вышел. А мы со Стасом понимающе переглянулись. Если папа начал говорить с уточнениями («выключи свет, чтобы темно стало», «позови Стаса, чтобы пришел»), – значит, он погружен в обдумывание...

– Опять инопланетян ищет, – обреченно сказал Стас.

– Точно, – любимым папиным словечком ответил я. – Чтобы жить веселее было.

Папа у нас тоже не сумасшедший. Честное слово. Он археолог, так же как и мама. Просто папа верит в палеоконтакт. Знаете, что это такое? Те, кто верит в палеоконтакт, думают, что на Землю прилетали инопланетяне. Только не сейчас, а давным-давно, еще в первобытные времена. Так что если покопаться хорошенько в древних развалинах или просто в земле, то можно найти скелет инопланетянина, его любимый бластер или даже целый космический корабль. И это вовсе не для того, чтобы прославиться. Просто папа считает, что когда имеешь перед собой такую трудную задачу, то жить веселее и интереснее. Я с этим согласен. Жить веселее. Особенно окружающим. Стас немного помолчал, потом неохотно сказал:

– Ладно, Костя, кеп-хур-ушурбац⁹.

– Кеп-хур-ушурбац, – согласился я.

И мы пошли завтракать.

Папа ел молча, о чем-то сосредоточенно размышляя, а мама первая никогда говорить не начинает. Она у нас сдержанная и невозмутимая. «Так и должна вести себя женщина Востока, – говорит она, – это традиция». А папа шутит: «За это я тебя и полюбил». А дело было так. Когда папа учился на четвертом курсе Ленинградского археологического, а мама – на первом, они на практике вместе попали на раскопки старинной мечети. И папа там выкопал инопланетный череп. Нужно было срочно бежать за фотоаппаратом и фиксирующим раствором, но начался дождь. Папа испугался, что, пока он бежит, череп будет поврежден водой. Тут только он и заметил первокурсницу, которая молча копалась возле него.

– Вас как звать? – спросил он.

– Галина, – ответила наша будущая мама.

– Вот что, Галя, – сказал он, – идите сюда. Чтобы помочь. Это очень важно. – Он указал на череп. – Я сейчас вернусь, а вы постойте. Чтобы сберечь. Вот так, – и он продемонстрировал, встав над черепом на четвереньки.

Папа все никак не мог найти раствор, а дождь стал сильнее и превратился в ливень. Только минут через сорок с фотоаппаратом, раствором и зонтиком папа примчался к своей находке... и был поражен тем, что увидел: первокурсница Галя, о которой он уже и думать забыл, все так же, не меняя позы, стояла под проливным дождем.

Но еще больше она поразила его позже, когда в Ленинграде, в студенческой аудитории, папа горячо защищал свою версию неземного происхождения найденного черепа. Студенты и преподаватели спорили до хрипоты, а потом кто-то спросил молчаливую девушку:

⁷ Рот Сета, вымазанный гнилой едой (*возм., др.-егип.*).

⁸ Нецензурно.

⁹ мир; точнее – «время-между-войнами» (*возм., др.-егип.*).

– Галя, а ты на этот счет что думаешь?

– Я думаю, это череп ишака, – ответила мама. – Даже не думаю, а знаю. Я из Ташкента, я там их и раньше видела.

Папа вскричал:

– Что же вы раньше не сказали?!

А она ответила:

– Вы не спрашивали.

Вот тут он в нее и влюбился. Такая у нас семейная легенда...

Мы молча ели, пихаясь со Стасом под столом, а только что названный котенок Валька думал, что это мы с ним играем, и кусал нас обоих за ноги. Вдруг папа очнулся и, торопливо дожевывая яичницу, спросил:

– Стасик, ты не знаешь, где у нас зубило?

За инструменты у нас отвечает Стас, но от этого вопроса и он растерялся. Зубилом мы давно не пользовались.

– На балконе, в ящике с инструментами, – сказал он. И, подумав, добавил: – Наверное.

– Спасибо, Стас, – очень ласково поблагодарил папа, – я посмотрю. Нужно зубило, чтобы...

Папа замолчал и стал прихлебывать горячий чай. Мама как ни в чем не бывало продолжала гладить настоящего египетского моа, улегшегося у нее на коленях. А мы со Стасом переглянулись. Что-то явно затевалось.

Но до самого вечера все было тихо.

Мама собралась, погудела в прихожей пылесосом и ушла в музей – она там работает старшим научным сотрудником. Через полчаса, подточив зубило напильником, пошел на работу и папа. В тот же самый музей, где он, как и мама, старший научный сотрудник. Только мама специалист по Египту, а папа – по доисторическим временам и по старинному вооружению, от австралийских боевых бумерангов до алеутских панцирей из моржовой шкуры.

У меня почему-то были сомнения, на работу ли идет папа: если уж он снова занялся поисками пришельцев, то на мелочи отвлекаться не станет. Дождавшись, когда папа кончил пылесоситься и хлопнул дверью, я выскочил в лоджию. Мы живем совсем рядом с музеем, буквально через улицу, по диагонали от него. Но папа действительно шел на работу, жизнерадостно помахивая портфелем. Пользуясь отсутствием прохожих (а откуда им взяться в полседьмого субботнего утра?), папа временами делал движения, напоминающие прием каратэ мавашигири. Получалось у него плохо. Папа теоретик, а не практик.

Когда за папой захлопнулась музейная дверь, я вернулся на кухню. Стас развалился на табуретке (как на ней можно развалиться – не знаю, это умеет только мой брат) и очищал бутерброд с кошачьим волосом от меда. То есть наоборот, бутерброд с медом от кошачьих волос.

– Как думаешь, папа что нашел, бластер или космический корабль? – задумчиво спросил Стас. Он был еще молод и не утратил оптимизма.

– Городскую канализацию, – грубо ответил я, потому что помнил прошлогодний папин конфуз, из-за которого во всем квартале не было воды и соседи смотрели на нас волками.

– Да-а, – протянул Стас и поскущел. – Что сегодня делать-то будем?

– Не знаю, – сказал я, пытаюсь сообразить, какие вообще бывают на свете дела.

– Может, пойдем по музею пошляемся, на Неменхотепа посмотрим? – предложил Стас.

Неменхотеп – это фараон, точнее – мумия фараона, которая лежит в саркофаге у мамы в египетском зале. И мы иногда ходим поглядеть на него. Все-таки интересно понимать, что перед тобой не кукла какая-то, а мертвый человек, который был живым много-много веков назад. У него сморщенное злое лицо, а на руках – браслеты. Только сегодня поглазеть не получится, и я объяснил Стасу почему:

– Мама сказала, что ее зал к ремонту готовится и Неменхотепа в запасник унесли. Его к тому же еще и реставрировать будут.

– Как это, интересно, можно человека реставрировать?

– Он не человек, – ответил я, – он экспонат.

Стас удовлетворенно кивнул, откусил кусок бутерброда и стал разглядывать зулусский ассегай, висящий над кухонным столом. Потом лицо его оживилось, и он внимательно посмотрел на резное деревянное панно на противоположной стене. Кухня у нас длинная, и я сразу понял его идею – потренироваться в метании ассегая. Я торопливо сказал:

– Стас, сегодня же суббота! У Димки отец на дачу уезжает, компьютер свободный!

Стас перестал жевать, подумал и сказал:

– Ага, свободный. Димка сядет в «Цивилизацию» играть, и до самого вечера.

Димка – это наш сосед, он живет над нами, на втором этаже. У его отца есть старый айбиэмовский компьютер.

– А мы прямо сейчас к нему пойдем, – нажимал я, – и сядем вместе в «Варлордов» играть.

Слава Осирису¹⁰, удалось мне Стаса отвлечь от смертоубийственных планов. «Варлорд» – тоже воинственная штука, но она хоть на экране, и ассегай над головой не летают. Мы со Стасом дружно натянули шорты и рубашки, потом пошли в прихожую, где у нас лежит всегда включенный в сеть пылесос «Шмель», и почистили друг друга от шерсти. Наглая рыжая кошка по кличке Собака дождалась отключения пылесоса и бросилась тереться о наши ноги. Но мы быстро выскочили за дверь.

– Надо еще один «Шмель» купить, – сказал Стас, давя на кнопку Димкиного звонка.

– Точно, – согласился я, – в два раза быстрее будем собираться. Только как родителей уговорить?

– Ерунда, – отмахнулся Стас, – проводок перережем, они решат, что пылесос сломался, и новый купят. А мы тут же старый починим.

– А если они его уже выкинут?

– Так они же нас выкидывать пошлют, а мы его припрячем.

Заспанный Димка открыл дверь, и мы нырнули навстречу приключениям.

«Варлорд» – это такая игра! Такая! Если вы в нее не играли, то и объяснять бесполезно. А вот если играли, то я вам коротенько расскажу: борьба шла на Иллурийской карте, против пяти варлордов, Димка играл за зеленых, Стас за красных, а я за оранжевых. У Димки было три помолвившихся визарда, у Стаса четыре дракона, причем два с силой девять, а у меня только рыцарь, зато с луком Элдроса и малиновым знаменем. Все. Кто знает, тот поймет, почему мы и глазом моргнуть не успели, как оказалось, что день уже прошел. Да мы, наверное, и как ночь прошла не заметили бы, если бы не услышали, как на первом этаже хлопнула наша дверь.

– Папа с мамой вернулись, – сказал Стас, а минуту спустя, когда его драконы легли у стен моего города, предложил: – Пойдем домой, пожевать хочется.

Если дома кто-то есть, дверь у нас не запирается. Мы вошли молча, потому что все эмоции израсходовали за игрой. Наши шумели на кухне. Тихо так шумели, уютно. Родители разговаривали, постукивая посудой, а кошки нестройно мяукали, требуя ужин.

– Есть хочется, – повторил Стас. Я кивнул. И тут до нас донесся папин голос:

– И все-таки, Галина, давай поговорим, пока детей нет. Чтобы не лезли.

Мы со Стасом затаили дыхание.

– Давай, – ответила мама. – Только не говори мне, что нашел инопланетный корабль.

– Нашел, – убитым голосом отозвался папа. – Ты как узнала, Галь?

– Ты их все время находишь.

¹⁰ Осирис – один из самых уважаемых др. египтянами богов. – Примеч. авторов.

Мяуканье прекратилось – мама начала кормить кошек, и в наступившей тишине особенно отчетливо было слышно, с какой виноватой интонацией папа рассказывает об очередном космическом корабле.

– Галь, помнишь, как мы с грузчиками вчера глыбу в запасник перетаскивали? Чтобы ремонту не мешала.

– Помню, конечно, – ответила мама.

– И что ты об этой глыбе знаешь?

– Все знаю. Ее нашли где-то возле сфинкса. По всей поверхности – иероглифы, но такие стерты, что реставрации не подлежат. Я сама писала заключение: «Научной ценности не представляет».

– Ага! – внезапно завопил папа. – Не представляет?! А как мы втроем могли ее передвинуть, ты не подумала? Каменную глыбу размером три на пять метров!

Мама молчала. Потом неуверенно спросила:

– А вы ее что, втроем перетаскивали?

Папа саркастически рассмеялся.

– Вот так-то! Ближе к народу надо быть!

– К грузчикам ближе? Ну, если ты настаиваешь... – покорно сказала мама. Мы со Стасом ухмыльнулись.

– Галина! Не остри! Не время. – Папа, похоже, был настроен сурово. – Я привык к твоему юмору. У меня иммунитет на твои выходки. Я даже не спорю, когда бедные ребята учат никому не нужный древнеегипетский...

– В жизни пригодится, – отрезала мама.

– Галина! – возмутился папа. – Ты же восточная женщина! Ты не должна пререкаться с мужем!

– Извини, дорогой, – как ни в чем не бывало ответила мама. Когда хочет, она ведет себя как восточная женщина, а когда хочет – как очень даже европейская. – Так что там с глыбой?

– Я отбил от нее кусок, – твердо сказал папа.

Наступила гробовая тишина. Потом мама сказала:

– Милый, только не волнуйся. Я приклею его на место, никто и не заметит.

– Не надо, я цемента маленько плеснул и приладил.

– Ванда! – охнула мама. – Ты же не реставратор! Ценна та глыба или нет, но ей уже пять тысяч лет! – От волнения она заговорила стихами.

– А под тонким слоем камня – отполированный металл, – парировал папа.

Снова стало тихо-тихо. Аж слышно, как кошки чавкают.

Я зажал себе рот руками, чтобы не заорать. Ай да папа! А я не верил...

– Какой металл? – спросила мама испуганно.

– Незвестный науке! – провозгласил папа. Правда, через секунду менее уверенно добавил: – Мне, во всяком случае, неизвестный. Голубовато-серый, очень твердый. Я зубилом царапал – никаких следов. Галя! Внутри глыбы, которой пять тысяч лет, – пустотелый металлический предмет. Точно! Это может быть лишь инопланетный космический корабль.

– Что будем делать? – очень тихо и послушно спросила мама.

– Встанем рано, чтобы долго не спать, чтобы не терять время, – ответил папа. У меня глаза на лоб полезли. Впрочем... Раз уж папа нашел космический корабль, то вправе на радостях составлять и трехступенчатые фразы. У каждого лауреата Нобелевской премии должна быть своя маленькая странность, а то журналистам скучно будет.

– Обколем весь камень с корабля, – продолжал он тем временем. – Люк поищем, чтобы внутрь забраться, чтобы корабль осмотреть, чтобы первыми все узнать... Потом позовем журналистов и покажем. А то, если коллегам сказать, полмузея к открытию примажется. И твой начальник Ленинбаев – в первую очередь. – Папа скрипнул зубами.

– Он такой же мой, как и твой, – ледяным голосом сказала мама. – И не цепляйся к нему зря, он человек серьезный...

– Ну конечно, – язвительно согласился папа, – уж он-то космические корабли не ищет. Чтобы время зря не терять. – И закончил торжествующе: – И не находит!

Мама что-то примирительно ответила, но что – я не расслышал, потому что мне в ухо возбужденно зашипел Стас:

– Пошли отсюда, пошли, – и поволол за рукав обратно на площадку.

– Ты что?! – возмутился я уже за дверь.

– Что, что! – передразнил Стас. – Слышал же, папа сказал, «чтобы не лезли». Они без нас туда пойдут!

– А мы попросимся, – неуверенно возразил я.

– Так тебя и взяли! – Он презрительно усмехнулся. – Нет уж, если сами не пойдем, последние корабль увидим. Или вообще не увидим.

И, не советуясь больше со мной, он позвонил в дверь, как будто мы только что подошли.

Если бы за ужином папа или мама хоть раз заикнулись о корабле, я бы, наверное, не согласился на авантюру брата. Но, как и утром, за столом царила напряженная тишина, прерываемая только цоканьем когтей Ирбиса, которые ему лень втягивать в подушечки на лапах.

Стас не жуя проглотил свою порцию сосисок с макаронами, залпом выпил чай и, пнув меня под столом, объявил:

– Мы спать пошли.

– Угу, – подтвердил я, давась сосиской.

Мама взглянула подозрительно (обычно нас в постель загоняют со скандалом), но папа обрадованно поддержал:

– Точно, идите спать, чтобы выспаться.

– Мухер-хухер, ардажер, вдеп сьер-га сакжер-сакжер¹¹, – хором продекламировали мы традиционное вечернее прощанье, и мама, успокоившись, ответила как всегда:

– Минерап саг зел азет, ытар бас, ук мытар, Сет¹².

Проходя по коридору в нашу комнату, Стас мимоходом выудил из кармана маминого плаща связку ключей.

Мы разделись, переложили кошек с кроватей на коврики, погасили свет и нырнули под одеяла. За стенкой папа с мамой принялись что-то оживленно обсуждать.

– Стас, – тихонько сказал я, – а за ключи нам влетит.

– Не влетит, – уверенно ответил он. – Через час вернемся и на место положим.

Не нравилась мне его затея, и я, устроившись поудобнее, закрыл глаза. Я надеялся, что, до того как затихнут родители, мы оба заснем.

Но не тут-то было. Я проснулся оттого, что Стас, светя в лицо фонариком, щекотал меня под мышкой:

– Вставай, каракуц сонливый, пришельцев проспим.

Распахнув окно, я первым прыгнул на землю, взял у Стаса фонарик и помог ему спуститься. Перебежав улицу, мы знакомой дорогой добрались до ворот музея и перелезли через ограду. Звеня связкой, Стас принялся лихорадочно подбирать ключ к двери.

– Посвети, темно, – шепнул он. Направив луч на замочную скважину, я понял, что попасть в нее ключами Стасу мешает не столько темнота, сколько дрожь в руках. Я и сам чувствовал себя соучастником преступления.

Но вот щелкнул замок, дверь скрипнула, и мы, протиснувшись в темное фойе, на цыпочках побежали под лестницу – к запаснику. Тут проблем не было, дверь открылась сразу.

¹¹ Спокойной ночи, мама, ночь делает веки тяжелыми (возм., др.-егип.).

¹² Спите крепко, но и во сне не водите дружбы со слугами Сета (возм., др.-егип.).

Первым, что попало в круг света моего фонарика, было злобное лицо Неменхотепа. Я вздрогнул, а Стас ухватил меня за руку.

– Ни-никакой он не э-экспонат, – выдавил он, заикаясь.

Я вытер пот со лба и предложил:

– Может, домой пойдем?

Но Стас уже взял себя в руки.

– Ну уж нет, – решительно ответил он. – Первое слово дороже второго. – И двинулся мимо Неменхотепа к каменной глыбе.

Светя фонариком, мы обследовали ее и без труда нашли приляпанный папой осколок. Я легонько ковырнул ногтем, и осколок отпал. Плохой из папы штукатур.

В неровной дыре блеснул металл.

– Понял?! – забыв все страхи, вскрикнул Стас так, будто сам сделал и эту глыбу, и металлический предмет внутри нее. – Я же говорил! – и он любовно погладил голубовато-матовую поверхность.

И тут в ватной тишине запасника раздался хруст, глыба дрогнула и раскололась широкой вертикальной щелью. Мы отскочили в сторону, а щель становилась все шире, и камень, как скорлупа с яйца, осыпался с гладкой поверхности металлического предмета.

Что-то со стуком выпало из этой щели, но мы, зачарованные, не отрывая глаз смотрели на капсулу космического корабля, уже совершенно очистившуюся от каменной скорлупы.

Корабль имел форму приплюснутого шара и стоял перед нами на боку, не падая, потому что его поддерживала широко открывшаяся крышка люка. А то, что капсула на боку, я понял, разглядев внутри два пилотских кресла.

Выйдя из оцепенения первым, Стас подскочил к кораблю, уперся в него руками и крикнул мне:

– Помоги поставить!

Но помогать не пришлось. С диким грохотом капсула рухнула днищем на пол, и облако музейной пыли за клубилось в свете фонарика.

– Ты что, – закричал я, – сторож проснется!

– Да ладно, – махнул он рукой и полез в корабль.

Я тоже решил подойти к нему, но запнулся и чуть не упал. Посветив под ноги, я увидел то, что выпало из корабля. Это была металлическая скульптура спящего сфинкса размером с большую собаку.

– Стас! – позвал я. – Посмотри!

Он высунулся и посмотрел на скульптуру без всякого интереса:

– Ты что, сфинксов не видел? Лезь сюда, тут такое!..

Я тоже забрался в корабль, и минут пять мы занимались тем, что, нажимая на разные кнопки и рычажки, играли в полет через Вселенную.

– Навигатор! – кричал Стас. – Приборы отказали! Посмотри в иллюминаторы, куда летим!

– Есть посмотреть в иллюминаторы! – ответил я, хотя никаких иллюминаторов в капсуле не было. И тут же решил возмутиться, что Стас без всякого права узурпировал на корабле неограниченную капитанскую власть. Но вдруг в углу, у самого входа в запасник, раздался звук, похожий на сдавленный хрип.

Слегка струхнув, я посветил туда и увидел... Я увидел, как из своего саркофага медленно поднимается мумия Неменхотепа.

– Стас! – закричал я шепотом, чувствуя, как шевелятся волосы на голове.

– Это нам снится, – спокойно ответил Стас. – Точно-точно. – И укусил себя за запястье. После чего сказал: – Нет, не снится. – И заорал: – А-а-а!

Не сговариваясь, мы ухватились за внутренние рукоятки крышки капсулы и что есть силы потянули ее вниз. Без особого труда крышка захлопнулась, а затем раздалось короткое тихое гудение и щелчок. Я сразу понял, что это сработали автоматические запоры, делающие капсулу герметичной.

С полминуты в наступившей тишине слышался только нестройный стук наших зубов. Наконец я, собравшись с духом, спросил:

– Ты что видел?

– Мумию, – ответил Стас и тут же предположил с надеждой: – А может, показалось?

– Обоим одно и то же?

– А что, – подбадривая самого себя уверенным голосом, заявил он, – вот миражи, например, сразу многие видят...

– Может, выйдешь тогда? – коварно предложил я.

– Нет-нет-нет, – торопливо ответил Стас и, помолчав, спросил: – А что же делать?

Я тоже этого не знал. В темной капсуле было не очень-то весело, а главное – душно. И дышать становилось все труднее. Я понял, что часа через два мы просто задохнемся.

– Костя, а помнишь, как прошлым летом мы с папой в лесу заблудились?

– Ну? – сказал я, стараясь, чтобы голос не выдал паники, в которую я начинал впадать.

– Так я тогда два раза покойников видел. Стоят прямо как живые, руки тянут...

– Кончай пугать, дурак, и так страшно!

– Да я не пугаю, я наоборот. Подойдем к покойнику, а это – дерево... Может, нам все-таки померещилось?

– Показалось, – притворно согласился я, понимая, что внутри мы погибнем точно. – Давай вылезать.

Но сказать это оказалось намного легче, чем сделать: сколько мы ни давили в крышку, встав ногами на пульт управления, она не подалась ни на миллиметр.

– Надо какую-то кнопку нажать, – догадался Стас.

– Ты дави на крышку, а я буду нажимать, – сказал я ему, сполз на сиденье и принялся жать на все подряд, подсвечивая себе фонариком. А он светил уже очень слабо, потому что батарейка была старая.

Ничего не выходило. Я уже чуть не расплакался от страха и жалости к себе, когда в правом нижнем углу пульта фонарик высветил из темноты вкривь и вкось нацарапанную надпись над большой красной кнопкой: «ВЫХОД». Даже не успев удивиться, я надавил на эту кнопку, и в тот же миг неимоверная тяжесть вжала меня в спинку, а Стас и вовсе свалился в щель за креслом.

Пульт вспыхнул десятками разноцветных огоньков, и пронзительный визг резанул по ушам. Я успел увидеть, как прямо передо мной фосфором высветилось зеленое табло, а на нем быстро менялись красные четырехзначные числа. Еще я услышал, как Стас за спиной выкрикнул: «Ардажер!»

И я провалился во тьму.

Часть первая Послезавтра

Глава первая, *где мы понимаем, что произошло, но потом выясняется, что мы все поняли неправильно, а также сталкиваемся с проблемами, о которых космонавты не говорят*

«Интересно, – подумал я, прежде чем открыть глаза, – обо что это я так треснулся?» В голове у меня все кружилось и звенело, а руки и ноги не слушались совершенно. Может, это крышка люка с такой силой откинулась? Не зря же дышать легко стало. И свет, кстати, появился.

Первое, что я увидел, был Стас. Он стоял на спинке кресла на одной ноге. Гимнаст!.. Тем более что космический корабль перевернулся и кресла были на потолке!

Я помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. И догадался: корабль перевернулся, а Стас зацепился за спинку и болтается вниз головой.

– Стас! – заорал я.

Брат пошевелился, вскинул голову и спросил:

– Ты чего на потолке делаешь?

– Это ты на потолке! – попытался я объяснить и встал. То есть хотел встать, а вместо этого перекувыркнулся. Ощущение было таким, словно я падаю, но почему-то остаюсь на месте. Рядом с моими растопыренными руками проплыл рифленый потолок космического корабля.

– Ух ты! – сказал Стас, схватился за подлокотники кресла и стал очень плавно в него садиться. – Костя, ты только не падай мне на голову...

И тут я все понял.

– Не упаду, – обреченно сказал я. – Мы в невесомости, Стас.

Между нами, медленно вращаясь, проплыл потухший фонарик. Мягко стукнулся о пульт и поплыл обратно. Стас проводил его взглядом и спросил:

– А почему мы в невесомости?

– Курдеп плешивый! – заорал я. – Мы в космос вылетели! Понимаешь? Телевизор надо смотреть!

– А! – обрадованно воскликнул Стас. – А я-то уж думал...

Что он думал, я так и не понял, потому что Стас привстал с кресла, взлетел, ударил меня головой в живот и промчался дальше. Я налетел на потолок, потом рикошетом на стенку. А еще через мгновение очень крепко держался за кресло, откуда стартовал Стас. Он в это время дрейфовал под потолком, держась за голову. Потом обиженно сказал:

– Я думал, в невесомости стукаться не больно...

Торопливо оглядевшись, я вытащил из-под кресла ремень безопасности. Он болтался во все стороны, как сонный удав, но я все же ухитрился намотать его на руку. Потом легонько оттолкнулся от кресла и повис в воздухе.

– Стас, хватайся за ногу!

– У тебя кроссовки грязные, – буркнул Стас, но все же ухватился. Я стал подтягивать нас к моему креслу.

Через минуту мы сидели в нем, пристегнувшись и тесно прижавшись друг к другу.

– Что будем делать? – поинтересовался Стас.

Я промолчал. Опыта пилотирования космических кораблей у меня не было, разве что в компьютерной игре «Гиперспейс»... Тут у меня возникла жуткая мысль:

– Стас, ты думаешь, мы просто на орбиту вышли или прыгнули через гиперпространство?

– Через ноль-пространство, – поправил меня Стас, он был поклонником Стругацких.

Потом задумался. А я, как идиот, ожидал его решения.

– Через ноль-пространство, – твердо сказал Стас. – На планету инопланетян.

– Почему? – с ужасом спросил я.

– Так интереснее, – объяснил Стас.

Тут началась миниатюрная психбольница, с двумя пациентами, но без врачей. Я начал уговаривать Стаса изменить решение, потому что... потому что просто выйти на орбиту Земли тоже интересно. Как будто Стаськино мнение чего-то меняло!

– Представляешь, – с жаром говорил я, таращась на пульт, – нас всей планетой спасать будут!

– Да? – неуверенно спросил Стас.

– Конечно! Американцы «Шаттл» запустят, а мы «Буран»!

– «Буран» Казахстан национализировал, – резонно ответил Стас. Телевизор он все-таки смотрел.

– Значит, и казахи спасать будут! – уверил я. – Американцы на «Шаттле», русские на «Союзе», а казахи на «Буране».

Стас помрачнел и сказал, что не хочет быть спасенным такой ценой. За спасательные работы придется столько заплатить, что вся папина Нобелевская премия уйдет. А он компьютер хочет.

– Да мы же теперь герои, а значит, ни за что не платим! Если американцы нас спасут, то в Диснейленд свозят!

Стас заколебался, но снова помрачнел:

– А если наши, то в парк имени Горького? Чего я там не видел! Не, мы не в Солнечной системе.

И тут мы оба опомнились. Разом. Стас помолчал и начал всхлипывать. А я разозлился – я всегда злюсь, когда Стас ревет. В конце концов, может, мы и не в космосе? Может, это внутри корабля антигравитация включилась, а он так и стоит в музее? Я стал разглядывать пульт, где возле кнопок были дурацкие иероглифы, а потом заметил, что они разделены на группы. И возле каждой группы – маленький схематический рисуночек. Наверное, объясняет, что эти кнопки делают. Около предательской красной кнопки был совершенно непонятный знак вроде пружинки со стрелочками на концах. А рядом, над несколькими кнопками, был нарисован самый обыкновенный глаз.

«Гуманоиды», – с радостью подумал я. И нажал на одну из этих кнопок.

– Балда! – испуганно завопил Стас.

В нескольких местах корпус корабля стал таять. И в образовавшиеся дырки был виден самый настоящий черный космос с очень яркими и разноцветными звездами. Я понял, что действительно дурак. Но воздух почему-то не выходил.

– Это иллюминаторы, – прекращая реветь, сказал Стас. – Здорово...

Он ужом выскользнул из-под ремня и ухватился за второе кресло. Устроился в нем поудобнее и сказал:

– Мы в глубоком космосе. Планет не видно.

– А у меня есть одна, – похвастался я, заглядывая в иллюминатор со своей стороны.

– Какая? На Землю похожа?

– Нет, – критически сказал я, разглядывая краешек планеты. – На Луну похожа, только куда больше и серая. Атмосферы нет.

Стас вернулся ко мне, и мы стали разглядывать чужую планету. Она вся была в кратерах и казалась необитаемой. Садиться на нее не хотелось.

– Не упадем? – деловито поинтересовался Стас.

– Сет его знает, – ответил я. – Может, тут еще где-то планета есть? Надо во все иллюминаторы посмотреть.

– А как до них добраться? Невесомость. Я не полезу.

Я стал прикидывать расстояние до других иллюминаторов. А Стас помолчал и задумчиво произнес:

– Невесомость... А как, интересно, космонавты в невесомости ходят в туалет?

– Эй, ты не вздумай! – заорал я. – Потерпеть немножко не можешь!

– Немножко могу, – угрожающе сказал Стас. И принялся изучать пульт.

Я вслушался в ощущения собственного организма и с тревогой сказал:

– Должен же быть способ. Помнишь, мы читали книжку, не то «Трое с Мочамбы», не то «Три Мамбы»?

– Ну?

– Там двое пацанов и девчонка попали в космос и несколько суток летели. Они что делали?

– Ничего, – угрюмо сказал Стас. – Я еще удивился. Терпели, наверное.

– Значит, и мы потерпим, – твердо сказал я. – Пока сможем.

– На несколько суток не рассчитывай, – огрызнулся Стас.

Мы помолчали. Я почувствовал, как укрепила наше братство общая проблема, и обнял Стаса за плечи.

– Двигатели надо включить, – сказал Стас. – Прыгать к Земле и высаживаться. Или искать местных жителей.

– Знать бы, где здесь жители, – сказал я, оглядывая пульт. – Вот если я эту кнопку нажму...

– Не надо.

Мы замолчали. Нет, плохая все-таки работа быть космонавтом. Любая мелочь превращается в проблему. Как же они все-таки...

– Ты у нас фантастику любишь, – сказал Стас. – Ворочай мозгами. Вспоминай.

– Ты тоже любишь, – ответил я.

– Я Стругацких люблю, а это не фантастика, а литература, – папиной фразой ответил Стас.

– Может, как раз в литературе наши проблемы и описаны... – не выдержал я.

– Не говори этого слова! – быстро сказал Стас. – Лучше вспомни, где обычно инопланетяне рации устанавливают.

– В скафандрах.

– А еще?

– Они телепаты.

– Тогда как из таких ситуаций выпутываются?

– Так! – заорал я и ткнул обеими руками по кнопкам.

Нас слегка тряхнуло, под потолком загорелись желтые лампочки, а звезды в иллюминаторах затянуло голубой дымкой.

– Это мы силовое поле включили, – сообразил Стас. – Хорошо, теперь нас метеориты не продырявят. Дай-ка я попробую...

Возможно, мы бы куда-нибудь и прилетели таким образом. Или взорвались бы, не знаю. Но Стас уставился через мое плечо в иллюминатор и начисто забыл о своих экспериментаторских настроениях.

Я тоже посмотрел в иллюминатор. К нам приближался самый настоящий инопланетный корабль.

Больше всего он напоминал имперский крейсер из «Звездных войн». Весь угловатый, блестящий, большой, как стадион, и ошетиненный пушками. В разных местах на корабле мигали разноцветные огоньки. Потом корабль остановился, и несколько пушек стали разворачиваться в нашу сторону.

– Это очень агрессивная цивилизация, – с тревогой сказал Стас. – Костя, если нас захватят, мы не должны выдавать расположения Земли. А то они всех сошлют на урановые рудники.

– Ты что, знаешь, где Земля находится? – спросил я.

– Знаю. Возле Солнца, чуть ниже Марса.

Из одной «пушки» вырвался яркий белый луч. Ударил прямо в нас – и, отразившись от голубой дымки защитного поля, исчез в космосе.

– Ура! – завопил Стас. – Нас голыми руками не возьмешь!

На пульте замигали разноцветные огоньки. Я подумал и нажал наугад какую-то кнопку. Ничего не произошло.

– Торпедировать их надо, – забормотал Стас, склонившись над пультом. – Пока дезинтеграторы не включили...

«Крыша едет», – подумал я.

Из вражеского корабля, явно озадаченного нашим сопротивлением, вырвался еще один луч.

– Съели?! – злорадно засмеялся Стас.

Но голубая дымка вокруг нашей капсулы погасла. Как будто батарейки кончились.

– Съели, – подтвердил я. – Стас... Ты извини, что мы ругались.

Стас шмыгнул носом. Виногато сказал:

– Ты тоже извини, Костя. На прошлой неделе я тебе в сочинение лишних запятых наставил...

– Каких лишних? Я же четверку получил, потому что трех запятых не хватало...

Но разобраться с запятыми мы так и не успели. В борту вражеского корабля открылся огромных размеров люк. И нашу скорлупку потащило внутрь инопланетного крейсера. Именно потащило, потому что нас со Стасом прижало к спинке кресла. «Искусственная гравитация», – догадался я.

– Пытать будут, – сказал Стас.

Огромное, ярко освещенное пространство – внутренности крейсера, где мы оказались, – на мгновение мелькнуло в иллюминаторах. Затем они потемнели, словно их окатили из ведра густой черной краской.

– Слепили, – печально сказал Стас. – Теперь уже недолго...

Словно в подтверждение его слов стены нашего кораблика задрожали. По линии закрытого люка пробежал тонкий лучик света.

– Лазером, что ли, вырезают? – с неуместным любопытством спросил меня Стас. – Как ты думаешь?

– Не знаю, – пробормотал я, не отрывая глаз от люка. – Какая, на фиг, разница?

– Лазером, – однозначно решил Стас. – Как в фильме «Чужие».

И зачем только Стас вспомнил про этот фильм! Я пихнул его, но было уже поздно. Мы оба замолчали, старательно пытаясь не вспоминать тех жутких инопланетян и то, что они обычно с людьми делали.

И в этот момент... в люк постучали!

– Заходите, – машинально пискнул Стас и зажал рот руками. А люк, вырезанный из петель, с грохотом вывалился наружу. Мы закрыли глаза и попытались спрятаться друг за друга, не вылезая из кресла.

Совсем рядом раздались шаги. Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и увидел что-то высокое, желтое, маслянисто блестящее, обросшее поверху зелено-белым мхом. Почти так же страшно, как если бы вошел Чужой...

– Братки! – жизнерадостно сказал вошедший. – С чувством глубокого удовлетворения встречаем мы вас! От имени всей шараги...

Мы со Стасом вылупив глаза смотрели на говорившего. Это был высокий крепкий мужчина лет сорока в желтом комбинезоне. С пояса у него свисали пара жутко выглядевших пистолетов и широченный нож. На лице играла радостная полуулыбка, с трудом пробивающаяся сквозь толщу коротенькой, но густой бороды. И борода, и пучки сохранившихся на голове волос были смешанного зелено-белого цвета. Словно бы от рождения были зеленые, а нынче поседели.

– ...и уполномочены заявить, – проникновенным баритоном продолжал мужчина, – что мы рады приветствовать вас у нас. Ух, как я припарился переводить торжественную речь для нашего командующего!

Последнюю фразу полужелтый произнес все тем же торжественным тоном. И до меня дошло – он заученно повторяет переведенный кем-то текст, не зная самого языка.

– А вы по-русски говорите? – осторожно спросил я.

Мужчина протянул руку, потрепал меня по щеке и торжественно произнес:

– Не волнуйся, крошка, сейчас придет дядя-переводчик, все скажет.

– Они что, по штатовским боевикам русский учили? – слабым голосом произнес Стас. Заерзал, слезая с моих коленок, и с воскресшим оптимизмом добавил: – Они гуманоиды, а это дает нам шансы. Зеленые волосы не беда, мы не расисты. Видимо, в них хлорофилл...

– А в оранжевых – апельсиновый сок? – поинтересовался я, глядя на еще одного входящего. Стас поперхнулся. Новый инопланетянин действительно имел волосы ярко-оранжевого цвета, перетянутые над глазами узким белым бинтиком. Сам он был молод, костляв и носил очки вполне земного вида. Этим привычные человеческие черты исчерпывались. Из непривычных были: очень большие и оттопыренные уши, шишки на висках и перепонки между пальцами рук, как у лягушки.

– Это два вида гуманоидов, – уверенно объяснил Стас, – первый питается за счет фотосинтеза, а второй с болотистой планеты, где воздух разрежен и звук распространяется плохо.

Я настолько был поражен эрудицией брата, что не нашелся, чем достойно ответить. Наверное, у него от волнения произошел интеллектуальный всплеск, но с каким-то странным завихрением... Паузу нарушил оранжевоголовый.

– Не, чувак, ты гонишь, – с непередаваемой интонацией произнес он. – Какой я тебе гуманоид с болотистой планеты? У тебя башка белая, а у него, – в мою сторону вытянулись сразу два перепончатых пальца, – темная. Но вы оба люди, и я – тоже.

Мы уже ничему не удивлялись. Лишь для порядка Стас огрызнулся:

– А для чего у вас перепонки на пальцах?

– Чего? А... – Оранжевоголовый гордо оглядел руку. – Я плавать люблю. В большой ванне. Вот и вырастил прошлым летом.

Мы потихоньку начали расслабляться. Ни пытать, ни убивать нас никто не собирался. По крайней мере пока. Увешанный оружием зелено-белый кротко улыбался, наблюдая за разговором. Потом сказал что-то непонятное. Молодой оранжевоголовый так же непонятно ответил.

– Это не английский и не русский, – сказал Стас.

– И даже не древнеегипетский, – подтвердил я.

Между тем наши собеседники окончили короткое совещание, и оранжевоголовый откашлялся.

– Давайте знакомиться, детишки, – сладким голосом сказал он. – Я дядя Смолянин, младший майор космолота Земли, переводчик.

– Земли? – ахнули мы с братом.

– А он, – Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, – генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.

Выдержав короткую паузу, он добавил:

– На вид он – хитрый перец. Но душа у него добрая, ребяташки.

– Где мы? – требовательно прервал его Стас.

– На окологалактической орбите, – успокаивающе ответил Смолянин.

– Ура, – неуверенно сказал Стас и прошипел в мою сторону: «На Луну не похоже...» – Ура. А мы-то думали, что улетели в другую звездную систему.

– Не, вы провалились в будущее, в две тысячи пятьсот тридцатый год. Все в порядке.

Потребовалось секунд пять, чтобы улыбка облегчения сползла с наших лиц. Стас, пораженный крахом своих гипотез, притих. А я спросил:

– Так это... то, в чем мы были... это не космический корабль инопланетян?

– Нет, – слегка сочувственно ответил Смолянин. – Это ихняя машина времени. Или не ихняя.

...Как рассказал генерал-сержант Кубатай (сам он по-русски больше говорить не пытался, его переводил Смолянин), встретить нас со Стасом было делом всей его жизни. Вообще-то не нас, как уточнил Кубатай, а машину времени, в которой мы прилетели. И лишь попутно – спасти нас и доставить на Землю.

Мне это уточнение не понравилось. Но Кубатай нашего мнения не спросил, а, нахмурившись, посмотрел в пространство и тоскливо добавил:

– Теперь судьба хронопатрульной службы под вопросом...

Мы со Стасом не особенно много поняли. Но переспрашивать не решились.

Снаружи, за открытым люком нашей машины времени, мелькали какие-то люди в желтой форме и беретах на разноцветных волосах. С волосами здесь явно не церемонились и перекрашивали их в любые цвета. Может быть даже, их попросту красили под цвет рубашки. Во всяком случае, у Смолянина из-под комбинезона выглядывала оранжевая футболка.

Кубатай предложил нам всем пройти в рубку крейсера «из этого злополучного хроно-скафа». Честно говоря, выходить нам было страшновато. Все-таки мы с этим самым «хроно-скафом» много чего вместе испытали. Но была одна веская причина не отказываться. Стас не выдержал и спросил:

– Смолянин, а у вас на корабле туалет есть?

Наш переводчик наморщил лоб, явно вспоминая слово, и кивнул:

– Конечно, корешок.

И действительно, тут у них все оказалось в порядке. Но это все-таки неприлично, и не буду описывать... Тьфу, опять это слово! В общем, все было в порядке. Между делом я раздумывал о том, что сказал по дороге Смолянин: оказывается, на Земле никаких стран уже давно нет, язык у всех – всеземной, и экипаж в корабле – интернациональный. Здорово...

Но толком обдумать это светлое будущее человечества я не смог, потому что в дверь туалета заскреблись, потом приоткрыли ее, и Смолянин нетерпеливо крикнул в проем:

– Эй, малолетки! Шевелитесь чуть-чуть! Из-за вас торжественную церемонию задерживают! Вся шобла ждет! Освобождайте толчки!

– И он у них – лучший переводчик?! – возмущался Стас, выскакивая из своей кабинки как ошпаренный. – Он что, в зоне языка учился?

– Он, наверное, про свою узкую область, русский язык, прочел все, что смог, – предположил я. – И учил по всем словарям, включая блатной, и по видюшным фильмам, и по книжкам дурацким...

Но когда мы увидели «торжественную церемонию», всякая охота обсуждать проблемы языковедения у нас исчезла.

Вместе с экипажем мы выстроились возле огромного экрана-иллюминатора, в который во всей своей красе была видна удаляющаяся капсула нашего хроноскафа. А еще был виден ствол пушки, торчащий из-под иллюминатора.

Генерал-сержант Кубатай коротко скомандовал, и один из членов экипажа рванул какой-то рычаг. Ствол пушки дернулся, пол под нашими ногами дрогнул, и на месте хроноскафа образовался яркий огненный шар. Через мгновение он погас, и экипаж сорвал с голов желтые береты. Некоторые всплакнули.

– А как же мы теперь?.. – начал Стас. Но я оборвал его:

– Молчи. Может, наш хроноскаф – одноразовый? Может, у них таких – тысяча?

– А если нет?

– Ну, тогда... Тогда... – Я не знал, что сказать. – Тогда этот все равно уже не вернешь...

И мы растерянно переглянулись.

Глава вторая, в которой все веселятся по секрету, а Стас объявляет себя холостяком

Я не раз замечал, что комфорт – штука странная. Каждый его понимает по-своему. Когда мы на шлюпке отчалили к Земле, то, вместо того чтобы любоваться полетом, я, Стас и Смолянин впали в гипнотический сон. Пилотировать шлюпку вызвался Кубатай, так как лично должен был отчитаться на Земле за проделанную операцию. Он и объяснил нам через Смолянина, что теперь всякое нудное ожидание – в дороге, в очереди или когда просто нечего делать – люди проводят в гипносе. И в нем совсем не старятся.

– Очень клево, – с энтузиазмом сообщил нам Смолянин, поправляя очки, которыми страшно гордился, будучи единственным очкариком в мире. – Приходишь, например, к другу, а его дома нету. Входишь в гостиную, и автоматически включается генератор гипноса. Прорысываешься, когда друг уже вернулся домой. Вот только плохо, если его несколько дней нет. Гостей много скапливается.

Мне это удобство не понравилось, и я сказал, устраиваясь на откидной полке:

– Я бы, перед тем как в гости пойти, сначала по телефону позвонил.

– По видеофону, – поправил меня Смолянин и продолжил сокрушенно: – Не, не катит, у всех автоответчики есть. Звонишь – а тебе говорят: заходи, дорогой.

– Ну я бы сразу определил, что это автомат, – сказал я.

– А как? – удивился Смолянин. – Они же так врут, что не подкопаешься...

Стас, оказавшийся на полке надо мной, прямо как дома, свесился с нее, ехидно покрутил пальцем у виска и хотел мне что-то сказать, но так, свесившись, и заснул. Через миг отключился и я.

А когда проснулся, Стас ворочался на полу: он, балбес, не пристегнулся. Так ему и надо, нечего обзывать, даже жестами.

Я-то думал, что мы выйдем на огромном космодроме, но шлюпка оказалась почему-то не на открытом воздухе, а в застекленном ангаре, похожем на большой парник. Сходство усиливалось тем, что пол устилала зеленая травка, а не какой-нибудь заурядный бетон.

Мы вышли, разминая затекшие руки и ноги. Стас потирал огромную шишку на голове, и Смолянин, поправляя свой бинтик, понимающе ему улыбнулся. Но тут Кубатай значительным тоном что-то произнес, и младший майор начал переводить:

– Добро пожаловать на Землю, корешки. Вы находитесь на территории специального космопорта Департамента Защиты Реальности. К сожалению, пока вам не разрешено свободное передвижение по планете. Кроме того, никто не должен знать, кто вы и откуда.

– Будущее называется, – проворчал Стас, – тюрьма какая-то, а не будущее.

Внезапно из отверстия в стене слева от нас выпрыгнуло что-то сверкающее и поскакало к нам. Сделав последний прыжок, нечто размером с легковой автомобиль шлепнулось в паре шагов от нас. Это и был автомобиль – только не на колесах, а на двух суставчатых лягушачьих лапах.

– Ква-ква, – шутя поздоровался Стас, чтобы скрыть испуг.

– Ква-ква! – широко улыбаясь, ответил розовощекий усатый мужчина в полосатом комбинезоне, выглядывая из прыгохода. Видно, он решил, что так на русском звучит приветствие.

Я тихонько пихнул Стаса и шепнул:

– Теперь со всеми так здоровайся, понял?

– У них что, чувства юмора нет?

– Есть или нет, потом разберемся, а пока...

Закончить я не успел, потому что розовощекий что-то быстро затараторил. Смолянин дождался паузы и перевел:

– Специальный инспектор Департамента Защиты Реальности Кейсеролл. Приветствую вас и балдею от встречи с представителями древней цивилизации. Уполномочен сделать официальное приглашение на сабантуйчик в вашу честь. Миру – мир. Все в кайф.

Кейсеролл жестом позвал нас в урчащий прыгоход. Входное отверстие за нами затянулось блестящей пленкой, и такая же пленка вмиг отделила нас от кресла водителя, в котором устроился Кейсеролл. И вновь мы неожиданно впали в проклятый гипносон.

Выбравшись из прыгохода, мы опять оказались в сверкающем ангаре, но гораздо меньшего размера. Кейсеролл провел нас довольно унылым тоннелем, и через минуту мы вошли в просторный вестибюль с ковром на полу, безвкусными люстрами под потолком и портретами на стенах. Я с удивлением узнал тех, кто был изображен на ближайших: Эйнштейн, Наполеон, Пол Маккартни и Ленин. Смолянин перевел гордо сказанную Кейсероллом фразу:

– Тут, ребятишки, все адаптировано под ваше столетие.

Мы подошли к высоким дверям, и они распахнулись.

Огромный зал был полон людей все в тех же желтых комбинезонах. Люди сидели за длинным-предлинным столом. Мы шагнули в зал. Гул возбужденных голосов смолк. Кто-то коротко скомандовал, все вскочили с мест, вытянулись в струнку и хором прокричали:

– Ква-ква!

– Ква-ква, – приветливо махнул рукой Стас, а мне вполголоса бросил: – Работает разведка.

Я тоже смущенно квакнул, и нас, как виновников торжества, усадили во главе стола. Смолянин, Кубатай и Кейсеролл устроились рядом. Пахло очень вкусно, и только тут я понял, как проголодался.

Все сели, но никто не прикасался к еде. Стоять остался только абсолютно лысый, пожилой, но крепкий и атлетически сложенный человек на другом конце стола. Одет он был в такой же, как у остальных, желтый комбинезон, но весь усыпанный разноцветными нашивками и кисточками.

– Это Ережеп, генеральный директор Департамента, – шепнул Смолянин доверительно, – он тут самый крутой.

Ережеп откашлялся и гнусаво затянул долгую торжественную речь. Я огляделся. Слава Осирису, наши далекие потомки были почти нормальными людьми. Никаких следов вырождения и радиоактивных мутаций я не заметил. Все смуглые и скуластые. Кое-кто был выбрит наголо, но большинство носили коротенькие аккуратные прически. Доминировал розоватый

цвет волос, довольно часто встречались зеленый и синий, а у одного, выглядевшего особо молодо, волосы были клоками выкрашены в разные цвета. Парень беззастенчиво тарасился на нас, в то время как остальные лишь изредка с любопытством косились, глядя в основном на генерального директора.

Смолянин начал переводить:

– Секите, чуваки, кто перед нами! Славные путешественники во времени, легендарные аргонавты. Они же по нашим законам являются и величайшими преступниками. Но все мы врубамся, что там, откуда они прибыли, законов этих не было. Это прикол.

Гости заулыбались и закивали головами.

– Факт их присутствия здесь стал отмажкой тех огромных затрат, которые делались народом Земли на содержание славного флота хронопатрульной службы. А ведь нередко раздавались в наших рядах голоса разных козлов, которые уверяли, что хронопатрульная служба – бессмысленное расточительство, что семьдесят процентов – это еще не повод. Тем больший героизм проявили те сотни клевых парней, которые взялись за выполнение этой неблагодарной миссии.

От этого перевода я немного ошалел.

– Сегодня мы наглядно удостоверились: их героизм и труд не пропали даром. Но сколько классных бойцов космофлота не дожили до этого дня?.. Будем же благодарны судьбе и возрадуемся – и за себя, и за всех, кто уже не может этого сделать. Особо хочу отметить то, что если и раньше наш труд был круто засекречен, то все, что касается нынешних событий, имеет категорию тайны всемирной крутизны...

Гости понимающе закивали, сохраняя суровые выражения лиц.

– И еще, – продолжил Ережеп. – Уверен, и те служащие Департамента Защиты Реальности, которые сегодня несут тяжелую, но почетную вахту на других наших фронтах, например исследуя и охраняя известный вам остров, так же, как и хронопатруль сегодня, рано или поздно будут праздновать свою славную победу. Я закончил. Поприветствуем наших клевых гостей!

Зал взорвался криками, топотом, хлопками и свистом. Прямо как на рок-концерте. Мы подскочили от неожиданности, но Смолянин успокоил нас одним словом:

– Тащатся.

Председательствующий Ережеп еще что-то коротко произнес и уселся на место. Смолянин перевел:

– Ответную речь сказать не запаadlo будет?

Мы переглянулись. Гости в ожидании молчали.

– Давай, Стас, – тихо сказал я, потому что чувствовал: сам под пристальными взглядами сотен глаз вряд ли смогу выдать из себя и пару слов.

Стас резво вскочил. Откашлялся. Потом почесал в затылке. Затем шмыгнул носом и вытер его. Наконец сказал хрипло и пискляво:

– Ну, это. Ква-ква, короче.

Смолянин перевел, гости опять бурно зааплодировали и засвистели. Стас начал было присаживаться, но вновь наступила тишина, и на него снова уставились в ожидании. Стас осмелел, но, кажется, забыл, что мы не у инопланетян.

– От имени всех людей Земли, – начал он, но я шепнул: «Стас, мы на Земле!» – и он поправился:

– Точнее, от всех людей двадцатого века всем привет. Мы тут с братом посовещались, – я удивленно глянул на него, – и вот что решили. Давайте поедим сначала, а потом уж поговорим.

Присутствующие обескураженно молчали, но Ережеп махнул рукой, грянула незнакомая торжественная музыка, и в распахнувшиеся боковые двери в зал, ни на что не опираясь, вплыли круглые плоские платформочки с тремя гибкими тонкими руками-манипуляторами на невысоком штыре посередине.

Я понял, что это – механические официанты. Стас, красный от волнения, сел и отер со лба пот.

– Как я, а? – гордо спросил он.

– Нормально, – ответил я, хоть и не был уверен, что его речь была достаточно весомой для такого случая. Сидевший рядом с нами Кейсеролл тем временем поглядел на часы, схватился за голову и выбежал из зала. «Очень занятой мужик», – шепнул мне Смолянин.

А платформы-официанты двинулись вдоль стола, раскладывая пищу. Ароматы усилились.

– Антигравитация? – важно спросил Стас у Смолянина, кивнув на платформы.

– Да, – подтвердил Смолянин, – антигравитация – привилегия Департамента.

– Почему? – удивился я.

– Антигравитация и движение во времени – явления одной природы, для обычных людей все это насмерть засекречено.

– Почему? – повторил я.

– Мне этого вам нельзя рассказывать. А лапшу на уши вешать не хочется. Пускай другие объясняют.

Вокруг уже ели, только к нам платформы все не подъезжали. Стас потянулся было к какому-то блюду, но я заметил, что никто тут ничего не берет со стола сам, и шикнул на него, хоть у меня тоже текли слюнки:

– Ып-сарап, каракуц нямбек. Ук юртак¹³.

Смолянин удивленно покосился на меня: таких слов в русском языке он не знал.

И тут мы поняли, в чем дело. Люди будущего решили обслуживать нас сообразно традициям нашего времени. Как они их себе представляли. С подносами в руках в зал вошли два официанта. Но что это официанты, я понял не сразу. Одеты они были в черные фраки, ермолки и лапти, а на ремнях у них почему-то болтались огромные сабельные ножны. Приплясывая под музыку, они поравнялись с нами и, поклонившись с деревянными улыбками на лицах, положили на наши тарелки еду. Я не верил своим глазам. Передо мной лежали серые, слипшиеся, такие до боли знакомые столовские пельмени. А на удивительной красоте резной подставке рядом – консервная банка с неаппетитной бурой массой. У меня челюсть отпала, когда я прочел надпись на этикетке (на русском!!!): «Кильки в томатном соусе. Рыбзавод ГКО «Волгорыбхоз», пос. Завгородний Волгоградской области».

– Ненавижу, – простонал Стас. В этот миг Кубатай заговорил с нескрываемой гордостью в голосе (я специально больше не употребляю идиотских словечек Смолянина, потому что мне это надоело):

– Сюрприз! То, что вам подали, стоит в десятки раз больше всего остального на этом столе. Более ста лет назад в вечной мерзлоте Таймыра были обнаружены останки древней экспедиции. Специалисты установили, что запасы провианта, пролежавшие там почти пятьсот лет, вполне пригодны к употреблению. Все последующие годы находка в холодильной камере ожидала прибытия предсказанных гостей из прошлого. И вот привычная вам пища дождалась встречи со своими современниками. Любой из присутствующих здесь отдаст полжизни за право отведать эти блюда.

– Так это... – замялся Стас, – пусть отведают. Я вообще что-то есть не хочу.

– И я, – согласился я, отодвигая неаппетитную тарелку.

Сидящие возле нас обменялись недоуменными взглядами. Но я придумал, как выйти из неудобного положения, и попросил Смолянина перевести.

– По русской традиции нашего времени мы предлагаем откусать «пельмень мира».

¹³ Сядь на место, каракуц голодный. Не дома (возм., др.-егип.).

С этими словами я взял на вилку серый комочек, надкусил отдающее бумагой тесто, положил вилку в тарелку и передал ее Смолянину. Стас, приснув, сделал то же и отдал свою тарелку Кубатаю. И тарелки поплыли по столу. Каждый из гостей откусывал понемножку, блаженно закатывал глаза, причмокивал и, передавая блюдо соседу, что-то приговаривал. (Смолянин перевел: «Ништяк».)

Под шумок я отправил по кругу и банку с килькой. А дерзкий Стас, воспользовавшись тем, что я отвлекся, стянул-таки с ближнего блюда ароматную, светящуюся голубым колбаску на тонкой палочке и вцепился в нее зубами. Колбаска хихикнула, и Стас, поперхнувшись, закашлялся.

Чтобы спасти брата, я что есть силы хлопнул его по спине. Кашлять Стас перестал, но я заметил, что все прекратили есть и с любопытством смотрят на нас. Я покраснел от стыда: они, видно, решили, что я Стаса бью. А тот, балбес, отомстил мне самым коварным образом. Невинно улыбаясь, он указал присутствующим на меня пальцем и пояснил:

– Старший. – После чего раболепно сложил ладони и поклонился мне. Услышав перевод, гости принялись возбужденно обсуждать происшедшее.

– Между прочим, вкусно, – сказал Стас и как ни в чем не бывало принялся доедать хихикающую колбаску. Та веселилась все тише и тише, пока не исчезла окончательно.

– Ну, держись, курдеп, – пообещал я, – воспользуюсь я своим правом старшего.

– Давай-давай, – ухмыльнулся Стас, – ты еще не знаешь, какие права я для младших придумал.

Его голубая колбаска пахла так аппетитно, а хихикала так весело, что я решил тоже плюнуть на условности. Взяв такую же, только розовую, я принялся за еду. Вкусно было необычайно. Что-то вроде клубничного мороженого и копченой колбасы. Нет, ерунда получается; этот вкус не опишешь. Моя колбаска хохотала более заливисто, я бы даже сказал, захлеб.

Председательствующий поднялся и вновь произнес небольшую речь, в которой сообщал, что решением Совета Департамента, несмотря на наше прибытие, хронопатрульная служба расформирована не будет, а продолжит выполнение своих функций. Ведь, кто знает, может быть, подобное путешествие во времени – случай не единичный.

Мрачный до сих пор Кубатай повеселел, достал из ножен огромный кинжал и принялся за еду. Зазвучала тихая приятная музыка. Люди (и мы в их числе) лакомились фруктами и незнакомыми нам яствами, негромко переговариваясь. Когда на нас почти перестали обращать внимание, Ережеп встал из-за стола и подошел к нам. Слегка поклонившись, он с помощью Смолянина спросил:

– Думаю, вы многое хотите узнать у меня?

Стас утвердительно закивал, но с набитым ртом сказать ничего не мог. А я попросил объяснить нам наконец, что это за «защита реальности» и почему флот могли расформировать сразу после нашего прибытия.

– Это тайна всеземной категории (вообще-то Смолянин опять сказал «всемирной крутизны», но так, наверное, будет правильней), – начал он. – Но вы и сами – всемирная тайна. Думаю, ничего страшного не случится, если одна тайна узнает другую.

И вот что он нам рассказал.

Когда ученые теоретически доказали возможность путешествия во времени, они пришли к выводу, что, если кто-нибудь отправится в прошлое, погибнет весь мир.

Мы не поняли почему, и он привел пример. Если отправиться в доисторические времена и поохотиться там на обезьян, можно пристрелить и такую, у которой было много внуков и правнуков, а от этих внуков и правнуков произошли люди. Они построили дома, чего-то там изобрели, написали книги, ну и так далее. Всего этого уже не будет. Мир станет другим. Но ведь и тот мир, из которого мы прибыли, тоже был на самом деле. И вот два этих мира – старый

и новый – в одно и то же время оказываются в одном месте. Плотность вещества реальности удвоится, и произойдет взрыв. Не останется абсолютно ничего.

Ережеп добавил, что в теории не надо даже пристреливать обезьяну. Появишься в прошлом, сделаешь вдох, и все – мир переменится. Взрыв – и нет никакого будущего.

Узнав все это, люди так перепугались, что запретили всякие попытки построить машину времени. И была создана специальная организация – Департамент Защиты Реальности (ДЗР), – которая этим и занимается. Его называют просто «Департамент», потому что все, что с ним связано, напрочь засекречено, и к тому же все прекрасно понимают, о чем речь.

Департамент – самая могущественная организация на Земле. Когда надо, он диктует свою волю и Всемирному правительству, а оно слушается без разговоров. У Департамента – куча агентов, и вся информация Земли проходит через него и обрабатывается огромным компьютером. Он-то и обратил внимание на легенду о том, что в двадцатом веке двое братьев нашли машину времени и отправились в будущее. Проанализировав всю прямую и косвенную информацию, касающуюся этой легенды, компьютер, на удивление всему Департаменту, выдал степень вероятности – семьдесят процентов. Значит, отмахнуться от этого было уже нельзя, ведь тот, кто может попасть из прошлого в будущее, может потом, по незнанию, попытаться на той же машине времени вернуться обратно в прошлое. А это – конец. Вот и была создана хронопатрульная служба – чтобы встретить гостей из прошлого и уничтожить их опасную машину.

– Но почему в космосе? – удивился я.

– Так подсказала теория. В отличие от путешествия в прошлое, перемещение в будущее безопасно для реальности, но не для самого путешественника. Ведь в будущем на том месте, где он появится, уже есть какое-то вещество, хотя бы воздух. Поэтому появляться можно только в вакууме, в космосе. И ученые решили, что хроноскаф должен быть устроен так, чтобы одновременно с перемещением во времени он перемещался и в околоземное пространство.

– А откуда вы узнали, где именно и когда мы появимся? – спросил Стас.

– А мы и не знали. Потому-то хронопатрульная служба и прочесывает все околоземное пространство уже почти двести лет.

– Ясно, – сказал Стас. – А откуда вообще взялся наш хроноскаф?

– А вот это неизвестно и нам, – ответил Ережеп, – мы уверены только в том, что нигде на Земле сделать его невозможно – Департамент не дремлет. Вероятнее всего, он был создан какой-то древнейшей цивилизацией, возможно даже нечеловеческой. Но в ход его так и не пустили. Почему – мы можем только гадать. Вероятно, его создатели не сразу, но поняли, какую угрозу миру несет их изобретение...

И тут до Стаса дошло:

– Так вы что, домой нас отправлять не собираетесь?

У меня аж дух захватило, когда он это спросил. Меня ведь самого давно подмывало задать этот самый главный вопрос. Но я боялся услышать ответ...

– Очень сожалею, – сокрушенно покачал головой Ережеп, – но это абсолютно исключено. Постарайтесь понять: прошлого нет. Уже пятьсот лет как нет.

Я почувствовал, как к горлу подкатил комок. Это что же выходит, и мама с папой умерли пятьсот лет назад? А как они, наверное, переживали, когда мы исчезли...

– А если, например, мне тут у вас не нравится? – агрессивно спросил Стас.

Ережеп сочувственно кивнул и развел руками.

В этот момент тихая, льющаяся со всех сторон музыка резко изменилась, стала ритмичной и напористой. Боковые двери зала вновь распахнулись, и к столу подплыли платформы, нагруженные сосудами самых разных форм и цветов. Ясно было, что это напитки. Ережеп вернулся на свое место.

Стас глянул на меня мокрыми глазами:

– Костя, давай напьемся с горя, что ли?

– Балда, – ответил я, хотя и сам чувствовал себя паршиво. – Кто же тебе даст?

– А вот и даст, – сказал Стас решительно и сдернул с проплывающей мимо платформы красивую бутылку с обернутым фольгой горлышком. Похоже, шампанское прошло через века неизменным.

Корча от натуги рожи, Стас с остервенением принялся скручивать с пробки проволочку. Ережеп, Смолянин и остальные сидящие поблизости озадаченно за ним наблюдали. Стас поднял голову, зло глянул на них и пояснил:

– Русская традиция двадцатого века: после еды детям дают шампанское.

Пробка с грохотом вылетела из горлышка и угодила в люстру. Почти полбутылки пеной выплеснулось на стол. Остальное Стас разлил в два странных несимметричных сосуда. Ему, как всегда, поверили, и хлопки пробок раздались со всех сторон. Стас поднял бокал, глянул на меня, шмыгнул носом, вытер свободной рукой глаза и... залпом выдул половину, потом отдышался и допил. Я так не смог. Сделал пару глотков и поставил бокал на место. Стас поморщился и икнул.

– Армахет – ытар Сет¹⁴, – напомнил я ему.

– Иди ты, – махнул рукой Стас и блаженно откинулся на спинку кресла.

Самый молодой из присутствующих, пестрый парнишка, которого я заметил с самого начала, поднялся с бокалом в руках и что-то сказал.

– Он предлагает выпить за смелых детей, – перевел Смолянин.

Все встали и опорожнили свои сосуды. Выпив, молодой сотрудник Департамента заговорил снова, и Смолянин перевел нам, что тот сгорает от любопытства и хочет о многом нас расспросить. Не будем ли мы столь любезны и не ответим ли мы на несколько вопросов.

– Валяйте, – сказал Стас и поднялся с ненормальным блеском в глазах.

– Где и каким образом вы обнаружили хроноскоп?

– Сами сделали, – не задумываясь ответил Стас. – Взяли швейную машинку, компьютер, бочку из-под кваса и этот... как его... – Стас наморщил лоб. – Плазмогенератор, вот, прикурочили, и – порядок.

Я просто обалдел.

– То есть вы хотите сказать, что пятьсот лет назад людям была известна теория темпорального поля?!

– Не, – ответил Стас, – людям неизвестна. Я ее сам придумал. С ним вот, – ткнул он пальцем в меня.

Присутствующие принялись возбужденно обсуждать новость.

– Стас, кончай, – сквозь зубы процедил я и показал ему под столом кулак. Но он снова икнул и продолжил пресс-конференцию.

– Вам не кажется, что ваше заявление граничит с абсурдом? – порывисто обратился к нему худощавый мужчина с лиловым ежиком на голове.

– Граничит, – икнув, согласился Стас. – И что?

– А то, что вы – дети! – вскричал мужчина, по-видимому ученый, ероша тонкими пальцами свой лиловый ежик. – Со скольких лет в двадцатом веке юноша считался совершеннолетним?

– С десяти, – не моргнув глазом, заявил Стас. – Как только исполняется, ему сразу выдают квартиру, швейную машинку и жену.

Это сообщение вызвало еще большее оживление.

– Вы женаты?

– Я? Э-э-э... Нет, я холостяк. Правда же, Костя? – Язык его слегка заплетался. – Была одна, Швачкина Ольга из четвертого «Б»... Только я решил подумать. Ладно, я устал. – Он

¹⁴ Пьяница – друг Сета (возм., др.-егип.).

ладонью остановил желающих что-то спросить, которых становилось все больше. – Остальные вопросы – потом.

Он уселся на место, откинулся на спинку кресла и моментально заснул. Армахет проклятый. Отдувайся теперь за него.

Но отдуваться не пришлось. Один из присутствующих что-то горячо затараторил. Оказывается, злоупотребляя гипносом, люди давно уже разучились засыпать самостоятельно, и Стасова способность привела всех в восторг и умиление.

Кубатай, не выпуская кинжала, подхватил Стаса на руки и понес из зала. Выглядел он не то как телохранитель юного миллиардера, не то как маньяк-убийца. Я помахал рукой гостям и в сопровождении Смолянина пошел следом.

Вскоре мы оказались в просторной квадратной комнате без мебели, стены которой плавно меняли цвет и слегка светились. У входа я заметил нечто вроде пульта управления.

Смолянин ткнул в какую-то кнопку, и чуть правее центра комнаты, в полуметре от пола, замерцало овальное облачко. На него-то Кубатай и уложил Стаса. Тот, сладко посапывая во сне, перевернулся на бок. Херувимчик пьяный.

Смолянин объяснил мне, как пользоваться пультом, и мы остались в спальне одни. Теперь я знал, на какую кнопку надо нажать для создания второй гравикровати, на какую – чтобы получить сеанс массажа, какая включает музыку, а какая – гипносон.

Но этой кнопкой я пользоваться не стал. Хотя мне и не спалось. Я все думал о папе, о маме, о кошках... Даже Вальку Мельника вспомнил с симпатией.

Как же это нас угораздило вляпаться в такую историю?..

Глава третья, *в которой мы собирались ехать на охоту, а вместо этого попали на семинар кулинаров*

Я проснулся оттого, что очень захотел пить. Пару минут повозившись с пультом, я открыл дверь. Осторожно выглянул, есть ли кто в коридоре. Идти по чужому дому в одних трусах было неудобно, а одеваться – лень.

То, что я увидел, меня озадачило. Слева и справа от двери на маленьких неудобных стульчиках сидели молодые ребята в желтой форме хронопатрульных. Оба, похоже, дремали, но в руках крепко сжимали оружие, похожее сразу и на автомат Калашникова, и на наш пылесос «Шмель».

Нас охраняли. Но от кого?

Стоять дальше, высунув в дверь голову, было глупо, и я кашлянул. Вышло это у меня хорошо, потому что в горле пересохло и я здорово охрип. Кашель получился гулкий и раскатистый. Охранники подскочили на своих стульях и направили на меня автоматы-пылесосы.

Я струхнул. Надо было что-то делать, пока они не начали палить с перепугу. Жалко улыбувшись, я сказал:

– Ква-ква!

Охранники мрачно квакнули в ответ и чуть-чуть опустили стволы автоматов.

– Пить, – попросил я. – Ребята, я пить хочу!

Желтые мундиры смотрели на меня, как японцы на чукчу. Вроде и похож, а говорит что попало.

– Water, – начал я снова. – Вода! Куц¹⁵!

Ни фига.

¹⁵ Вода (возм., англ. и др.-егип.).

– Drink. Пить. Ап-куц¹⁶.

Они меня не понимали.

– Что ж делать, у меня этот, как его... сушняк, – в отчаянии начал я.

– Суш-няк? – радостно заулыбались охранники. И разом вытянули из-за спины – там у них на форме были нашиты карманы – прозрачные фляги.

Я растерянно взял их и скрылся в нашей комнате. Похоже, слово «сушняк» было одним из немногих русских слов, вошедших во всеземной язык.

Стас ворочался на своем «облачке» и что-то мычал во сне.

– Вставай, алкоголик! – сказал я и вручил полупроснувшемуся брату бутылку. Сам уселся на пол и стал скручивать колпачок.

– Голова... – простонал Стас.

– Пить надо меньше, – наставительно сказал я и глотнул из бутылки. С некоторым испугом – вдруг там пиво или еще какая гадость? Но там оказался странный газированный напиток, солоновато-сладкий на вкус. Мне сейчас было не до вкусовых тонкостей. Я выхлебал бутылку и развалился на полу. Жажда прошла мгновенно. Язык к горлу больше не прилипал.

– Это... это... не оно? – с подозрением спросил Стас, глядя на желтоватую пузырящуюся жидкость.

– Что «не оно»?

– Не... не то, что вчера?..

– Нет, не шампанское.

Стас сел, держась руками за голову. Посидел так, потом стал тихонечко пить из бутылки.

– Называется «Сушняк», – наставительно сказал я. – Специально для малолетних алкоголиков. Снимает все последствия...

– Хорошо! – ожившим голосом сказал брат.

– Но есть побочный эффект, – вкрадчиво сказал я, – когда вырастешь, детей не будет.

Стас поперхнулся.

– Это нечестно! – завопил он, отставляя бутылку.

– Ты же вчера сказал, что холостяком будешь. Какая тебе разница?

– Я сказал? – Он снова обхватил голову руками.

Наверное, я еще долго бы над ним издевался, но тут дверь открылась и вошел Смолянин. Бинтика вокруг головы у него уже не было, уши торчали по-прежнему.

– Ква-ква! – приветствовал он нас. – Отсыхаете, малолетки?

– Ква, – поздоровались мы. А Смолянин, взглянув на пустые бутылки, покачал головой:

– Осторожней, детям нельзя этого много пить. А то вырастете и... ну, в общем, будут проблемы.

– Мы знаем, – вяло сказал Стас. Теперь уже я, поперхнувшись от страха, спросил:

– Какие проблемы?

– Волосы не будут перекрашиваться, – тихо, словно говорил какую-то гадость, которую и произносить-то не хочется, сказал Смолянин. Он ткнул рукой стену, и перед ним засветилось облачко-кресло. Бухнувшись туда, Смолянин задумчиво посмотрел на Стаса.

– Мужик, ты правда убежденный холостяк?

Стас глянул на меня. Я пожал плечами.

– Ну, может, я еще передумую, – промямлил он.

Глаза у Смолянина загорелись.

– Передумывай, парень! Такую жену тебе найдем, все позавидуют!

¹⁶ Пить (возм., англ. и др.-егип.).

Стас покраснел как рак. Я-то знаю, что он девчонок ужасно стесняется и даже не заговаривает с ними первый. Смешок я подавил, но Смолянин все же что-то услышал. У него даже уши слегка повернулись в мою сторону – вот честно, не вру!

– Старшему, конечно, еще лучше жену найдем, – успокоил он меня. – Уже есть две кандидатуры – дочь Ережепа и племянница Кубатай. Хочешь, завтра и свадьбу сыграем. Или свадьбы. – Он умоляюще посмотрел на Стаса.

– Мы так быстро не женимся, – отбрил Стас. – И жен себе ищем сами.

– Но только среди персонала Департамента, – предупредил Смолянин. – Ввиду вашей особой секретности.

– Смолянин, зачем так торопиться? – спросил я. – Что вам наши жены сдались?

Переводчик вздохнул:

– Не буду лепить горбатого, парни. Мы не знаем, что с вами делать.

– А че делать-то? – запетушился Стас. – Сами себе дело найдем!

– Боимся мы, – грустно сказал Смолянин. – Вдруг вы опять машину времени сделаете и в прошлое убежите. Или рассекретите что-нибудь. А так – жены бы за вами присматривали, развлекали... У нас бы стали работать. Домами дружить бы стали...

Смолянин вздохнул и опустил голову. Без всякой связи сказал:

– Спал сегодня отвратно... Всю ночь Кубатай мешал. Уложил меня спать, а сам ходил, семечки грыз, компьютером шумел... А лег – храпеть начал.

– Вы что, вместе живете? – спросил я.

– Да, уже два дня. Он древнерусский решил выучить и со мной вместе поселился. Думает, язык легко изучить! Одна операция по расширению ушей, чтоб звуки лучше запоминать, полмесяца занимает. А потом стимуляция мозга, так что вся голова шишками покрывается. И труд, труд, труд.

Смолянин опять вздохнул и безнадежно попросил:

– Вы уж женитесь по-доброму, кенты. А то Кубатай меня угробит. Он же настырный, как все осетины.

– Он осетин? – удивился я.

– Ага, – Смолянин оживился. – Два года назад выяснил...

И он поведал нам удивительную историю. Оказывается, за последние пятьсот лет все народы на Земле перемешались. Из-за каких-то там эпидемий, войн, просто из-за того, что государств не стало... Ну и когда люди опомнились, оказалось, что никто своей национальности не знает. В лучшем случае слышал, что прабабка была на четверть турчанка или еще что-нибудь подобное. И у людей появилась мода докапываться до своей национальности. Трагилось на это много сил и средств, но получалось не у всех. Генерал-сержант Кубатай тоже долго не знал, кто он. Пробовал записаться в евреи, но его не приняли. Обманули, сказали, что лимит исчерпан. Пошел было в русские, но те обиделись, что он сначала к евреям ходил, да еще выяснилось, что водку пить не любит. Все ему уже сочувствовать начали, но Кубатай упорно рылся в архивах. И однажды на медкомиссии, когда выяснилось, что у него отличное ночное зрение, понял истину. Ведь осетины, как известно, в темноте отлично видят, не зря же в стихотворении сказано:

Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

С тех пор Кубатай стал официально признанным осетином.

– Здорово! – сказал Стас, который уважал упорство в достижении цели. – А ты, Смолянин, кто?

Смолянин обиделся.

– Как и вы, ребята, русский... У меня письменное свидетельство есть, – сухо добавил он.

– Какое? – спросил я. И Смолянин не удержался – наверное, любил эту историю.

– Письмо я отыскал, – начал он свой рассказ. – От прапрадеда к прадеду. Там написано... – Смолянин откашлялся и начал декламировать:

– «Дорогой сынок Ваня! Очень рад, что тебя приняли в Московский университет. Ты, как настоящий русский, должен учиться в России, а не на Украине...»

Мы с братом кивнули – действительно, свидетельство стопроцентное. Но Смолянин продолжал:

– «Мама, хоть и хает клятых москалей, тоже рада. А дедушка на радостях купил тебе новую ермолку, очень красивую и недорогую. Только не езжай в ней к тестю в Шымкент, надень пока старую. До свидания, твой папа Кшиштоф».

Мы, пораженные, молчали. А Смолянин продолжал:

– Вообще-то наша, русская, национальность одна из самых популярных. Говорят, у нас этническая аура клевая. Но в то же время все боятся, да я и сам боюсь. Станешь слишком русским, на остров потянет. А на острове... – Тут он прикрыл рот ладонью, словно сказал что-то лишнее.

– Что на острове? – спросил Стас. – И Ережеп про остров что-то говорил.

Смолянин отнял ладонь от губ:

– Нет, ребяташки, это не я должен рассказывать. Начальство спросите.

Но больше мы об этом таинственном острове так ничего и не слышали. А Смолянин перевел разговор на прежнюю тему:

– Так что женитесь, малолетки. За вас любая девица с радостью пойдет – как-никак чистая национальность.

– Какая ж она чистая, у нас мама узбечка, – возразил Стас. Про то, что папа – наполовину украинец, он даже и упоминать не стал.

– Ничего, это еще интереснее, – завопил Смолянин. – Две чистые национальности!

– Подумаем, – уклонился я от ответа. – А что сегодня делать будем?

Смолянин увял.

– Можно лечь в гипносон, – начал он. – Или в шашки поиграть...

Мы скривились.

– Давайте в парк выйдем и будем шампанское пить! – предложил Смолянин.

Стас побледнел.

– Ну на охоту смотаемся! – в отчаянии прошептал переводчик.

– На охоту? – У Стаса загорелись глаза, да и я обрадовался. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах.

А Смолянин начал развивать идею.

– Возьмем муми-бластеры, – доставая из кармана маленький, словно игрушечный, пистолетик, сказал он. – Очень хорошая штука: стреляешь, и зверь сразу готов к употреблению. И мясо храниться может вечно, не портится.

Мы с сомнением посмотрели на пистолет, но спорить не стали.

– Поедем вчетвером, с Кубатаем, на его прыгоходе. У него хороший прыгоход, две тысячи кочек в час делает.

– Чего?

– Кочек. Это наша мера скорости. Прыгоходы прыгают по бетонным площадкам, которые называют кочками. Две тысячи кочек – это двести километров в час.

– Подумаешь, скорость, – заворчал Стас. Но тихонько, для порядка.

– А на кого будем охотиться? – поинтересовался я. И подумал, что в какого-нибудь зайца или птичку я еще могу выстрелить, а вот оленя будет жалко...

– На тараколли, – жизнерадостно сказал Смолянин. И пояснил: – Общество защиты животных запрещает охотиться на млекопитающих, птиц и земноводных. Только на насекомых. Поэтому были выведены методом генной инженерии гигантские тараканы – тараколли. Очень хитрые, быстрые, ловкие звери. И вкусные.

– Мы... не будем... охотиться... – разделяя паузой каждое слово, сказал Стас. – Мы... вспомнили. Мы... пацифисты.

Смолянин схватился за голову. И простонал:

– Что ж тогда делать? Как вас развлекать, а?

Мы угрюмо молчали. И тут в распахнувшуюся дверь вошел генерал-сержант Кубатай. Он был по-прежнему зелено-белый, только на поясе прибавился еще один нож. Небольшой такой, нестрашный, вроде столового. Мы приветственно поквакали, затем у Кубатая со Смолянином завязался долгий разговор. Под конец переводчик просветлел лицом, уши у него слегка задержались.

– Клево, пацаны, – заорал он. – Кубатай предлагает нам отправиться на семинар кулинаров-профессионалов! Это... Это... Пальчики оближете!

Мы со Стасом дружно кивнули. Вчерашний банкет успел оставить самые приятные воспоминания, и поездка к настоящим кулинарам была предложена вовремя.

Пока мы шли по коридорам Департамента к стоянке прыгоходов, Смолянин шепотом рассказывал, что Кубатай когда-то был подающим надежды кулинаром, но потом по неизвестным причинам ушел работать в Департамент Защиты Реальности. Однако связи со старыми друзьями не теряет, ездит на все дегустации и, по слухам, ночами работает над изготовлением нового сладкого блюда – из халвы, шербета и чурека.

В самом приподнятом настроении мы погрузились в прыгоход, стоявший перед огромным, метров пятьсот в длину и этажей сорок в высоту, зданием Департамента. Возле обнесенной забором стоянки прыгоходов виднелась странная бетонная площадка высотой с двухэтажный дом, на которую вела широкая лестница. К нашему удивлению, прыгоход стал медленно, переваливаясь с бока на бок, карабкаться по лестнице. Кубатай и Смолянин, сидевшие перед пультом управления, побряхтывали, словно тащили прыгоход на себе. Мы сидели во втором ряду, за ними. На третьем, за нашими спинами, молча примостились два охранника в желтых комбинезонах.

Наконец-то прыгоход забрался на бетонную площадку и встал прямо, лишь слегка переминаясь с ноги на ногу, как курица, готовящаяся снести яйцо. Кубатай ткнул в какую-то кнопку на пульте, достал из кармана горсть семечек и принялся их задумчиво грызть. Я с удивлением заметил, что семечки лежат у него на ладони какими-то длинными цепочками. Словно были приклеены друг к другу. Потом я понял – семечки синтетические, а в ленту склеены, чтобы можно было щелкать быстрее. Но спросить я не успел, потому что внезапно включился гипносон.

Очнулся я, когда прыгоход начал по лесенке спускаться с бетонной площадки – видимо, она и была той самой кочкой, по которым они прыгали. Вокруг уже не было никакого парка с громадиной Департамента. Голая равнина, на которой дул холодный даже сквозь стекло ветер и лишь редко-редко стояли в больших горшках слегка заиндевелые пальмы. А небольшое здание с вывеской «Приют усталого желудка» окружало такое море прыгоходов, что становилось ясно: под землей тут еще с десяток этажей.

Минут через пять мы заняли места в центре небольшого уютного зала. На возвышении был стол, за которым сидели три человека. В зале, на креслах, разместилось еще около сотни.

Мы со Стасом с любопытством озирались. На нас никто особого внимания не обращал, кроме сидящего за нами рыжего веснушчатого пацана. Тому явно было интересно, на каком языке мы говорим. А Кубатай, непрерывно раскланивающийся с окружающими и посылающий

дамам воздушные поцелуйчики, рассказывал, да так быстро, что Смолянин еле успевал переводить:

– В правом углу зала сидят действительные члены семинара – кулинары-профессионалы. В левом углу – кулинары-любители и любители покулинарить. В середине – любопытствующие... – Тут Кубатай запнулся, но сразу же нашелся: – И близкие друзья кулинаров.

Председательствующий – пожилой импозантный мужчина с седоватым ежиком на голове – встал и постучал ложечкой по стоящей перед ним серебряной кастрюльке. Шум мгновенно стих.

– Это главный кулинар Земли, Бормотан, – тихо шепнул нам Смолянин и облизнулся. – Я однажды ел блины его приготовления...

Но когда кулинары начали говорить, Смолянин прекратил воспоминания и стал переводить, да так ловко и быстро, что мы его вскоре и замечать перестали.

– Думаю, ждать больше не будем, начнем обсуждение нового блюда, – зорко оглядывая зал, сказал Бормотан. – Измайлай, сядьте, пожалуйста, вы же еще не знаете, что мы будем кушать!

Привставший было мужчина картинно развел руками и сказал:

– А я и знать не хочу! Я запах чую!

Зал захихикал. Привычно так захихикал, словно ничего другого, кроме остроумия, от Измайлая и ждать было нечего.

– Я продолжу, с вашего разрешения, – кротко сказал Бормотан, и Измайлай моментально притих. – Кушать мы сегодня будем творение уважаемого Витманца – кальмара, запеченного в глине. Не шумите, хватит на всех, кальмар гигантский. Затем всеми нами любимый Толяро предлагает попробовать его новые освежающие пастилки. Кальмара сейчас подадут. А я пока скажу пару слов о положении кулинарии в настоящее время.

– Разрешите высказаться! – Из первого ряда вдруг привстал огромный мужчина. Настоящий повар, на мой взгляд. На нем был белый фартук с вышитым кальмаром, а на поясе – огромный нож. – Разрешите сказать! Здесь, в наших рядах, присутствует директор ресторана «Рыба в кляре». Тот самый, что три года назад посмел солить грибной суп моего изготовления. С тех пор он скрывался от меня... но настал миг. После заседания я поговорю с ним по-мужски!

Сидящий на противоположной стороне зала щуплый парнишка медленно сполз с кресла на пол.

– Витманец, не надо быть столь суровым, – одернул мужчину в фартуке Бормотан, – он уже наказан. Он ел ваш суп. Сядьте, прошу вас. Так вот, о кулинарии. Времена сейчас для нее трудные. В земной кулинарии наметились две тенденции. Первая – старые опытные кулинары отошли от плиты. Сейчас, когда автоповара способны накормить любую семью любыми блюдами, им остается лишь творить для гурманов. Не все это выдерживают. Потеря цели заставила их крепко задуматься – кто же их ел? Вторая тенденция – молодые кулинары ударились в эскапизм. Их блюда уводят от реальности, заставляют забывать суровую прозу жизни. Хорошо это или плохо – не отвечу. Но есть в этом подходе, в изготовлении знаменитых хихикающих колбасок Измайлая, нерассасывающихся леденцов Гуляквы и прочего, отказ от позиций, которые мне дороги.

А если вдуматься – никто еще не лишал нашу кулинарию ее исконных задач. Не исчез еще тот довольно толстый слой едоков – простите за каламбур, – что искали в еде особую, можно даже сказать, духовную пищу. Есть у кулинаров все возможности творить! Мы не сфинксы, которые могут умереть от голода безболезненно, для которых еда – лишь процесс заправки энергией...

– Кто такие сфинксы? – прервал я Смолянина. Переводчик замолчал и скосил глаза на Кубатаю. Потом неумело соврал:

– Не знаю...

Тем временем всем раздали тарелки с кусками кальмара. Мы осторожно отколупали глину и стали есть.

– А что, – промычал через минуту Стас, – вкусно. Вначале жевать трудно, – он глотнул, – а потом ничего.

Кулинары, дегустируя блюдо, вступали в дискуссию. Сразу же наметились оппоненты – молодой и тихий кулинар Еголя, который упрямо и монотонно твердил, что на каждый килограмм кальмара нужно было добавить еще сорок миллиграммов соли, и остроумный Измайлай, вся аргументация которого сводилась к вопросу: «Почему я должен есть этого многоногого?» На защиту Витманца встали сидящие с ним рядом Фишманец и Козинец, знаменитый дегустатор Ереслег и бородатый мужчина, который был не кулинаром и даже не дегустатором, но зато замечательно раскладывал пищу по тарелкам. Кубатай, увлеченный происходящим, подпрыгивал на месте, то грызя кулак, то выхватывая из-за пояса столовый нож и рубя им воздух. Под конец он вытащил еще одну пригоршню слипшихся семечек и принялся их лузгать. Треск заглушал даже тарахтенье Смолянина.

Меня тем временем пихнули сзади. Я обернулся. Рыжий пацан показал мне завернутую в блестящую фольгу пастилку, потом показал на рот, потом энергично замотал головой. Он советовал не есть. «Почему?» – глазами спросил я. Пацан скорчил жуткую гримасу и умоляюще прижал руку к сердцу.

– Ладно, – прошептал я, кивнув. – Не буду. – И сунул пастилку в карман.

Пацан указал мне на Стаса и снова принял внимательно-задумчивый вид. Обернувшийся Кубатай подозрительно оглядел его и вновь замахал своим ножом. Я выждал минуту, придвинулся к Стасу, вынул у него изо рта пастилку и шепнул:

– Ук па-шенгар¹⁷!

– Ухр¹⁸? – кротко спросил Стас.

– Шен армахетга некеке¹⁹!

Стас вздохнул, но спорить не стал. Смолянин удивленно таращился на нас. Он не понимал, на каком языке мы говорим, а спрашивать стеснялся. Шишки у него на голове запульсировали от натуги.

– Выскажу итог обсуждения, – говорил тем временем Бормотан. – Никто из вас, коллеги, не решился приготовить такого огромного кальмара. А Витманец решился. Честь ему и хвала! И даже на вкус недурно.

После этого решили отдегустировать пастилки. Измайлай повозмущался немного, что они пахнут плохо и в процессе лизания липнут к языку. Но Толяро гордо ответил:

– Настоящая еда всегда невкусная! Вспомните пищу предков! В этом истоки неудач сладеньких конфеток и тортиков. И, кстати, поэтому плохи блюда автоповаров: они стараются готовить вкусно.

С этим спорить не стали, видимо, мысль была неожиданной и новой. Лишь Фишманец удивленно спросил, почему настоящая еда должна быть невкусной. Толяро ответил:

– Дайте человеку вкусную пищу – он будет жрать ее и плевать в небо от скуки. Нет уж, еда должна даваться через муки, через катарсис... Впрочем, этих пастилок мои слова не касаются. Они сладенькие. Ешьте, не бойтесь.

Народ дружно зачавкал. Потом звуки смолкли. Мы со Стасом, так и не взявшие пастилки в рот, огляделись.

¹⁷ Не ешь! (возм., др.-егип.)

¹⁸ Почему? (возм., др.-егип.)

¹⁹ Вспомни, как напился, дурачок! (возм., др.-егип.)

Все присутствующие вяло развалились на стульях. Они не то спали, не то умерли. Смолянин плавно, но неотвратно упал, трахнувшись головой о коробку с глиной из-под кальмаров, но все равно не проснулся. Тренированный Кубатай почуял неладное и уснул в тщетной попытке выковырять пастилку из рта кончиком ножа. Менее подготовленные охранники лежали с блаженными улыбками на лицах.

Из всего зала бодрствовали лишь мы со Стасом, рыжий пацан, мудрый Бормотан, который предусмотрительно не спешил с разжевыванием пастилки, и сам кулинар Толяро. Ой, нет. Еще не попались на эту удочку Фишманец, переживший кальмара, Витманец, не евкий того, что готовил Толяро, и Козинец, вообще не евкий того, что готовили его коллеги.

Бормотан что-то сказал.

– Вы их отравили, Толяро? – замогильным голосом, явно продолжая спать, прошептал Смолянин. И через секунду перевел ответ:

– Нет, конечно. Это гипнопастилки, заменители гипносна. Гипносон, как я считаю, должен даваться человеку не извне, а изнутри, через пищу, через креп... креп... крепкий сон...

– Вот это верность долгу! – с восторгом сказал Стас, глядя на поверженного, но продолжающего трудиться Смолянина. Остатки кулинаров завязали бурную дискуссию, не обращая на нас никакого внимания. Смолянин побулькал-побулькал, пытаясь перевести пятерых одновременно говорящих, и затих.

А рыжий пацан схватил нас со Стасом за руки и жестами стал показывать на выход. Мы переглянулись.

– Похищают нас, что ли? – задумчиво сказал Стас.

– Ну и пусть, интересно же, – храбро ответил я.

И мы бросились вслед за незнакомым пацаном из зала, полного сладко дремлющих кулинаров.

Глава четвертая, ***в которой мы все-таки попадаем в лапы инопланетян***

Оказавшись на поверхности, мы помчались за пацаном к ближайшей кочке, под которой стоял его прыгоход. Я думал, что поведет он сам, и слегка оробел, увидев, что возле машины, непрерывно махая руками, стоит молодая женщина в блестящем темно-лиловом комбинезоне. Неужели ловушка?!

– Это его сестра, – предположил Стас.

Я мысленно согласился: она была такой же рыжей и веснушчатой. Меня порадовало, что мода на разноцветные волосы, похоже, не распространяется на женщин: ее густые выющиеся волосы спадали ниже плеч. И вообще, если я что-то понимаю в женщинах, она была очень красивой.

Мы сели в прыгоход, тот забрался на вершину кочки, двигатель взвыл, и первый прыжок вдавил нас в кресла. Мне понравилось, что женщина не стала отделяться от нас перепончатой стенкой и не включила гипносон. Вместо этого она нажала кнопку автопилота и, развернувшись на вращающемся кресле лицом к нам, приветливо улыбнулась.

– Ква-ква! – поздоровалась она.

Ох и задам же я когда-нибудь Стасу за эту его лягушачью выходку. Тем более эти прыгоходы похожи не на лягушек, а на кузнечиков. Мы вежливо квакнули. Она, ткнув себя пальцем, произнесла: «Ай-на», затем указала на пацана и сказала: «Ант». Мы понимающе закивали и тоже представились. Женщина о чем-то горячо заговорила с пацаном, а мы, прижав носы к окнам, с любопытством разглядывали окружающий город.

В общем-то ничего особенного мы не увидели – просто красивый современный город. Типа Нью-Йорка или Токио (сколько раз по телеку видели): высокие светлые здания, сделан-

ные будто целиком из стекла. Вот только привычных автострад нигде не было. Вместо этого промежутки между домами были засажены деревьями и цветами. Из зелени повсюду торчали бетонные площадки для прыгоходов. А те кишмя кишели, проскакивая порой в сантиметре друг от друга. Пару раз у меня екало сердце, когда мы падали на площадку, где за секунду до нас приземлился другой прыгоход. Но мы всегда ухитрялись разминуться, и я понемногу успокоился.

– У них единая компьютерная сеть, – с видом знатока заявил Стас.

– Дураку ясно, – огрызнулся я. Меня слегка мутило от болтанки.

Видно, мы добрались до окраины, а может, и вовсе вырвались за город, только прыгоходов стало поменьше, и дома тут были небольшие – двух-трехэтажные. Теперь нам не приходилось скакать в обход, мы перепрыгивали прямо через коттеджи.

На кочке возле одного из них мы и остановились. Айна перестала болтать с Антоном, вернулась к нам спиной, и прыгоход вразвалочку спустился на лужайку перед домом.

Мы выбрались наружу. У меня кружилась голова и подкашивались коленки. Стас уселся на траву и помотал головой. Ант и Айна озадаченно смотрели на него, на их лицах ясно читалось нетерпение.

– Вставай давай, каракуц хилый, – потряс я его за плечо, хотя и сам не понимал, куда и зачем мы спешим. Но наши спасители (или похитители?) выглядели все-таки не такими психами, как сотрудники Департамента и кулины. Это вселяло надежду.

В доме царил хаос. Одежда, какие-то предметы непонятного мне назначения и даже посуда – все вперемешку валялось на полу. С завидной ловкостью перешагивая через этот хлам, Айна провела нас в столовую и, сосредоточенно нахмурившись, стала готовить нам яичницу. Однако до Бормотана ей было далеко. Два яйца были разбиты мимо кюветы, заменяющей сковородку. С грехом пополам она все же наполнила ее и сунула в белоснежный шкафчик, похожий на микроволновую печь. До отказа повернула рукоятку и, сев за стол напротив, с умиленной улыбкой стала нас разглядывать. Мы со Стасом из вежливости не переговаривались: нехорошо в обществе говорить на неизвестном языке. Ант с Айной, похоже, считали так же. И мы молча пялились друг на друга до тех пор, пока из шкафчика не повалил густой сизый дым.

Что-то сердито лопоча, Айна вынула обуглившуюся яичницу и вместе с кюветой бросила на пол. После чего, больше не пытаясь казаться рачительной хозяйкой, вытащила из стенного шкафа фабричные упаковки и положила их на стол. Ант показал нам, с какой стороны вскрывать, и мы все вместе принялись хрустеть сухим печеньем, прихлебывая из пластиковых баночек что-то вроде фанты. Вообще-то было вкусно, но после бормотановских изысков и ароматов есть сухой паек оказалось немного скучновато.

Айна проглотила свою порцию быстрее всех и стала нетерпеливо стучать пальцами по столу. Мы запихали остатки в рот и дожевывали их уже в другой комнате, куда она нас сразу потащила. Там усадила прямо на пол, поколдовала перед небольшим прибором, и я сразу почувствовал, что погружаюсь в полусонное оцепенение.

Стена перед нами матово засветилась, и на ней появилось объемное изображение приветливо улыбающихся обнаженных мужчины и женщины. Мужчина выставил перед собой руку, женщина коснулась ее и произнесла: «Ки», а в верхнем правом углу экрана вспыхнул значок, похожий на букву «Ф». Я понял: нас обучают всеземному. И почувствовал, что благодаря тому странному состоянию, в которое нас ввел неизвестный прибор, все, что я сейчас вижу и слышу, останется в памяти навсегда.

Минут через двадцать со словарем было покончено, наши голографические учителя, не одеваясь, перешли на сложные понятия и ситуации. Было довольно забавно. В целом на изучение языка у нас ушло не более двух часов.

Когда стена снова стала стеной и прибор автоматически выключился, мы, слегка смущенные, но здорово поумневшие, вышли из комнаты.

Похоже, Айна все это время наводила в доме порядок – одежда, посуда и разные предметы лежали теперь на полу более ровными кучками. Она обрадованно улыбнулась:

– Готовы, герои?

– К чему? – спросил я на всеземном, сам поражаясь своим способностям.

– К полету на Венеру, – ответила она так, будто это дело давно решенное. – Да, – спохватилась она, – давайте, во-первых, я вам все объясню...

– Мама – подпольщица! – хвастливо заявил Ант.

Так Айна – его мать? Я и забыл, что люди тут выглядят моложе своих лет.

– Подожди, Антик, – остановила она, – давай по порядку.

...Оказывается, не всем на Земле нравится неограниченная власть Департамента. Тем более что произошел он от слияния служб безопасности разных стран и методы у него те же: слежка, подслушивание, аресты... Страдают прежде всего талантливые ученые, ведь Департамент всеми силами препятствует научному прогрессу, опасаясь, что то или иное изобретение увеличит вероятность создания машины времени. «Как это унижительно! – возмущалась Айна, и на побледневшем от волнения лице веснушки проступили еще ярче. – Мы, как лягушки, прыгаем с кочки на кочку, а могли бы летать на антигравах! Эти идиотские прыгоходы подсунил человечеству Департамент, запретив использование антигравитации. А космос?! В космосе, видите ли, можно тайком построить машину времени. И вот, пожалуйста: кроме хронопатрульной службы, у нас нет пилотируемых космических кораблей. А во что они превратили наших мужчин?! Где сила, честь и доблесть? Сутки напролет они торчат на кухнях, утверждая, что нет на свете занятия достойнее кулинарии. Полная деградация...»

Поэтому недовольные организовали подполье.

– А если вы победите, кто-нибудь построит машину времени и отправится в прошлое? – спросил я. – Тогда ведь все, конец.

– Кто вам сказал?! – вскричала Айна, распаляясь все больше. – Это только гипотеза. Гипотеза! А перестраховщики из Департамента держатся за нее потому, что она – основа их власти!

– А если они все-таки правы?

– Ну, тогда... Волков бояться – в лес не ходить.

И она насупилась, не в силах дать более аргументированный ответ.

– А на Венеру нам зачем? – поинтересовался Стас.

Айна снова оживилась и объяснила, что Венера Департаменту не подчиняется. Потому что подпольщики и вошли в коалицию с венерианцами.

– А они хоть люди? – подозрительно спросил Стас.

– Они – сфинксы. Их двести лет назад вывели, специально для колонизации Венеры. А сто лет назад они объявили независимость и людей с Венеры выдворили. Им-то проще, – вздохнула Айна, – они на другой планете...

Стас насупился:

– Так вы, получается, венерианская шпионка?

– Враг моего врага – мой друг, – объявила Айна. – Сфинксы – честные и порядочные существа. Настоящие мужчины... Самцы, – поправила она. – Немудрено, что сфинксы не могли стерпеть ига Департамента.

– Не, – сказал Стас, – мы туда не полетим. Нам-то это на кой? Чего я на Венере не видел?

Тут снова вмешался Ант.

– Дурак ты, Стас, – сказал он, – да у нас все пацаны на Венеру хотят. Там ведь и антигравы, и дома висячие, и много еще чего. С Венеры разведчики и на Юпитер, и на Сатурн летают!

– Вот и целуйся со своими сфинксами, – огрызнулся Стас.

– Нет, – сказал Ант, – не дадутся, людей они терпеть не могут.

– Во-во, – опасливо сказал Стас.

– Вас, в конце концов, никто и не спрашивает, – заявила Айна. – Раз вас Департамент засекретил, мы должны рассекретить. И все. И молчите. Ясно?

– Вы – террористка, – объявил Стас.

– Да, – гордо согласилась она, – если мужчины уходят на кухни, на фронт отправляются женщины! – И она воинственно тряхнула своей огненной шевелюрой.

– Мама, я тобой горжусь! – сказал Ант, восхищенно глядя на нее.

– Ну а на Венеру-то нас зачем? – не унимался Стас. – Рассекретьте нас тут, на Земле.

– Да я и сама не знаю, – призналась Айна. – Когда лет пятьдесят назад подполье обратилось за помощью к сфинксам, те сразу поставили условие: они будут сотрудничать, только если мы поможем переправить на Венеру пришельцев из прошлого. Если, конечно, такие объявятся.

– Эх вы, – горестно сказал Стас, – продали нас, выходит. Сфинксам. Даже еще и не знали нас, а уже продали.

Айна задумалась. Как я понял, это с ней случалось не часто.

– Да, нехорошо как-то вышло, – согласилась она наконец. – Когда об этом договаривались, меня и на свете-то не было. Мы привыкли думать, что это нормально. Мы же не знали, что пришельцы окажутся детьми. И вообще, неизвестно было, появитесь ли вы когда-нибудь. Очень выгодно получалось.

– Эх вы, – повторил Стас с видом великомученика.

– Ладно ты, – разозлился я, – обратно в Департамент я тоже не собираюсь...

– Так, – встрепелась Айна со свойственной ей пылкостью, – я знаю, где вас спрятать! Бегом!

Мы кинулись к выходу. По пути Айна объяснила причину спешки: пока мы учили все-земной, она сообщила о нас венерианскому послу. Он в этот момент охотился в Андах на тараколли, но, узнав о нас, вылетел и с минуты на минуту будет здесь.

Мы забрались в прыгоход, Айна взялась за управление, но машина не двигалась.

– Проклятье! – вскричала она. – Нас отключили от дорожной сети. Это мог сделать только Департамент! Выследили! – Она обернулась к нам и, стиснув зубы, напряженно задумалась. Второй раз в течение часа. Наверное, это было слишком много для нее. Она сказала:

– Предлагаю всем покончить жизнь самоубийством. Мировая общественность будет потрясена. Эта акция нанесет сокрушительный удар по жупелу Департамента!

– Я – за! – восторженно воскликнул Ант.

– Я – против, – пискнул Стас. А я, потеряв дар речи, быстро закивал головой, соглашаясь с братом.

– Да? – холодно удивилась Айна. – А почему? Разве это жизнь? Что вы предлагаете?

Способность говорить вернулась ко мне:

– Все что угодно, только не это.

Воцарилось тягостное молчание.

И тут с неба на нашу кочку один за другим посыпались прыгоходы, только успевая отползать, чтобы освободить площадку следующему.

Айна наклонилась и, вытащив откуда-то из-под ног муми-бластер, прикосновением руки открыла выход.

Из окруживших нас прыгоходов выбрались с десятков бравых молодцев в желтых комбинезонах, а с ними – Ережеп, свежеперебинтованный Смолянин и Измайлай. «А этот-то здесь зачем?» – подумал я, но миг спустя понял – потому что Ант схватил Айну за руку и прошептал: «Папа...» Стало ясно и как Ант оказался на семинаре кулинаров.

– Стоять! – крикнула Айна. – Еще шаг... Бросить оружие!

Обменявшись короткими взглядами, сотрудники Департамента подчинились.

– Айна! – воскликнул Измайлай, ломая руки. – Как ты могла?

– Молчи, презренная кухарка! – отрезала та. Но он заговорил снова:

– Айна... Ты и сфинксы... Это омерзительно... – передернул он плечами. – Генеральный директор Ережеп пообещал мне, что, если ты немедленно вернешь похищенных мальчиков, нам ничего не будет.

– С тобой я ни о чем договариваться не собираюсь. Чревоугодник! Иди говори со своей колбасой!

Измайлай растерянно оглянулся на остальных.

– Ваши условия? – деловым тоном приступил к переговорам Ережеп.

– Мои... – Айна неуверенно притихла. – Я не знаю... Пусть мальчики решают сами.

– Скажи им, – обратился Ережеп к Смолянину, – если они вернутся, никто им ничего плохого не сделает. Гарантирую.

– Ребятишки! – крикнул Смолянин. – Айда домой, не тронем, век воли не видать.

– Переводчик, – фыркнул Стас.

– Слушай, – сказал я ему по-русски, – может, вернемся? Там хотя бы харакири никто делать не собирается.

Смолянин наострил уши.

– Генекал ырды пабана-ынау²⁰, – ответил Стас. – Зап ук лабардак²¹.

Пауза затягивалась и становилась все напряженней. И тут ситуация разрешилась без нашего активного участия. В тишине отчетливо раздался стрекот вертолета.

Желтые комбинезоны задрали головы вверх. К дому с бешеной скоростью приближался золотистый вертолет. Когда он завис над нами, на его корпусе стал ясно виден знак – стилизованное изображение выгнувшей спину кошки.

– Проклятый сфинкс! – Ережеп шагнул к брошенному муми-бластеру.

– Стоять! – крикнула Айна. – Еще одно движение – и смерть.

Ережеп выругался, но замер.

– Сначала узнаем, зачем ему нужны дети, – сказала Айна.

– Ему нужно только одно, – сквозь зубы произнес Ережеп, – по сильнее мне насолить.

– Если это так, я сама вкачу ему порцию муми! – Айна кричала, потому что рокот лопастей уже заглушал слова.

Вертолет приземлился метрах в пятнадцати от нас, и по ступенькам трапа с кошачьей грацией спустились на траву два серебристых, словно вылитых из олова, сфинкса. Я потряс головой, отгоняя ощущение, что все это я уже видел... И вдруг вспомнил: точно такой же сфинкс вывалился из хроноскофа, когда мы его нашли!

Гривы сфинксов развевались на ветру и искрились в лучах заходящего солнца. Почти человеческие носатые лица выглядели хмуро и неприветливо. Сфинкс, спустившийся вторым, легко передвигался на трех лапах, в правой передней сжимая точно такой же, как и у всех, муми-бластер.

Когда они приблизились, Айна крикнула:

– Стоять!

– Похоже, это ее любимое словечко, – пробурчал Стас по-русски.

Сфинксы остановились в нескольких шагах от желтых комбинезонов. Не обращая внимания на Айну, передний, глядя на генерального директора, заговорил низким, хриплым голосом:

– Именем суверенной республики Венера предлагаю выдать нам людей, прибывших из прошлого.

– Если вы не бросите оружие, я прикончу вас обоих! – пригрозила Айна.

²⁰ Говори, как дети Египта (возм., др.-егип.).

²¹ Я не знаю, что делать (возм., др.-егип.).

Говоривший сфинкс кивнул, и второй послушно положил бластер на землю. Но оба продолжали выжидательно смотреть на Ережепа.

– Это неслыханно, – вскричал тот. – Шидла! Да вы понимаете, что творите?! Вы требуете выдать вам людей. Людей! Тем самым вы автоматически рвете дипломатические отношения между Землей и Венерой.

– Плевать, – лаконично ответил сфинкс.

– Но хоть как-то вы должны аргументировать свой демарш!

– Смотри протокол совместного совещания Земля – Венера № 12/2, гриф «Зебра».

– Теория петли?! Но ведь это абсурд!

– Мы так не считаем.

Айна не выдержала.

– Хватит секретничать! – возмутилась она. – Между прочим, бластер и дети – у меня!

Шидла, зачем вам эти бедные мальчики?

Сфинкс наконец повернул голову в ее сторону и неожиданно широко улыбнулся:

– Рад познакомиться с тобой, самка. Прими благодарность от всех граждан суверенной республики Венера за своевременный вызов. Мы хотим вернуть детей домой.

– Куда? – переспросила Айна, округлив от удивления глаза.

– В двадцатый век.

– Пошли, Стас! – потянул я брата за руку, и долго уговаривать его не пришлось.

– Спасибо, Айна! – крикнул он, и мы бросились к вертолету. За нами кинулся было и Ант, но Айна поймала его за шиворот.

– Пацаны, пока! – беспомощно крикнул он. Я махнул ему рукой.

– Шидла, – зловеще произнес Ережеп, – учтите, даром вам это не пройдет. Дело пахнет войной.

– Плевать, – снова сказал тот и двинулся к вертолету. Потом остановился и, обернувшись, бросил:

– Войны не будет. Твари вы, конечно, подлые. Но не такие идиоты. Детеныши-то у нас.

Первым в вертолет забрался сфинкс, имени которого мы не знали, и махнул нам лапой. Последним по трапу взошел Шидла. Лестница превратилась в ленту и свернулась тонким рулоном. Проем затянулся пленкой. Последнее, что я увидел, – придурочную улыбку Смолянина, машущего нам обеими руками.

И вертолет взмыл вверх с такой скоростью, что мы со Стасом, не удержавшись, рухнули на пол.

Глава пятая, ***в которой мы летим на очную ставку с хроноскафами***

– Знаешь, Костя, – задумчиво сказал Стас, – мне эти сфинксы не нравятся.

Наш вертолет на бешеной скорости несся над городом. Сфинксы лежали перед небольшим пультом и с ленивой небрежностью управляли полетом. Когда мы с трудом уклонились от очередного прыгохода (а может, он от нас уклонился), я признался:

– Мне они тоже разонравились. Кошки серебряные...

Мы со Стасом лежали в углу, потому что никаких кресел не было, а держаться на ногах было невозможно из-за постоянных виражей.

– А у них грива и правда серебряная? – вдруг заинтересовался Стас.

– Не знаю...

– Если серебряная, то небольшое стадо в двести-триста голов могло бы удовлетворить основные потребности Земли в серебре. Регулярная стрижка...

– Замолчи! – в ужасе зашипел я. – Они же не бараны, они разумные!

– Разум, неподвластный человеку, должен быть покорен, – угрюмо прошептал Стас.

– Шовинист! Они же нас домой вернут!

– Врут они все. Для опытов забрали.

Один из сфинксов, мы пока не научились их различать, обернулся к нам и сказал:

– В отличие от вас, людей, мы лгать не умеем. Мы обещали вернуть вас домой и сделаем это. Наверное. А мелкие оскорбления человеческих детенышей нас не задевают.

– Мы же вас создали! – вдруг горячо воскликнул Стас. – Люди – ваши создатели и хозяева по праву! Одумайтесь, вернитесь и покайтесь!

На него явно нашел приступ патриотизма.

– Никогда! – отрезал сфинкс и занялся управлением. Вовремя, а то мы едва не врезались в какой-то небоскреб.

– Нас спасут! – воскликнул Стас.

– Кто, кулины? – не оборачиваясь, осведомился сфинкс. – Ха-ха!

– Кубатай! – нашелся Стас. – Он настоящий мужчина, он пробьется!

Или мне показалось, или сфинксы помрачнели. Похоже, Департамента Защиты Реальности они боялись.

А вертолет тем временем пошел на снижение. На окраине города, посреди бетонной площадки размером с футбольное поле, стоял маленький космический корабль. Он был похож на летающую тарелку, только сферическую и вытянутую вверх... Как-то непонятно я описал, но именно так она и выглядела. Вертолет приземлился возле корабля, и сфинкс, кажется посол Шидла, спросил:

– Вы пойдете сами или вас донести?

– Сами. – Даже Стас согласился без колебаний. Вокруг корабля виднелись любопытствующие, и болтаться в лапах сфинксов, как мыши, пойманные кошкой, мы не собирались.

Под разноголосые выкрики окружающих мы прошли к люку. В основном у корабля собрались молодые парочки, пацаны да пенсионеры в шортах. Наверное, стоянка венерианского корабля была местной достопримечательностью.

– Люди, помните нас! – выкрикивал Стас, крепко держа меня за руку. – Будьте бдительны! Добро должно быть с кулаками!

Шидла и второй сфинкс косились на Стаса, но не вмешивались. Они крепко сжимали в лапах бластеры и озирались, опасаясь нападения. Но работники ДЗР на своих медленных прыгоходах явно отстали.

– Пламенный привет Департаменту Защиты Реальности и его директору Ережепу! – надрывался тем временем Стас. – Кубатай и Смолянин, ищите нас в космосе!

Но тут мы дошли до корабля и вслед за сфинксами забрались в люк. Народ вокруг хлопал, лишь некоторые несознательные свистели и орали: «Сослать клику ДЗР на Венеру!»

Шидла начал закрывать люк и вдруг заколебался. Спросил у Стаса:

– Так вы не хотите воспользоваться нашей помощью?

– Хотим, – не теряя достоинства, ответил Стас.

– А зачем призывали к войне?

– Потому что мне стыдно видеть унижение великой человеческой расы, – будто с книжки какой-то читал, заявил Стас. – Земля воспрянет ото сна!

Шидла встрепенулся, словно ему о чем-то напомнили, и крикнул другому сфинксу:

– Мегла, включай гипносон для этих глупых детенышей!

А нам гордо пояснил:

– Все будет так, как вы привыкли, изнеженные люди.

Мы не успели объяснить, что вовсе не привыкли к гипносну, потому что он взял да включился.

– ...Вставайте, детеныши! – заорал прямо под ухом сфинкс. Если вы не знаете, что это такое, орущий под ухом сфинкс, значит, вам повезло. – Время кормления и развлечения!

Мы со Стасом подскочили как ошпаренные. Оказывается, пока мы спали, сфинксы уложили нас на узкие кровати, переодели в жесткие, как накрахмаленные, пижамы. Наверное, и это входило в их понятие «человеческих привычек».

– Где мы находимся? – поинтересовался Стас. Он видел, конечно, что мы по-прежнему в сфинксовском космическом корабле, его интересовало другое. И сфинкс понял правильно:

– На полпути к Венере, детеныш. Что для вас более необходимо: еда, развлечения или...

– Или! – отрезал Стас. – Где?

– Там! – Сфинкс вытянул лапу к одной из дверей. Ему явно понравилась лаконичность Стаса.

Еще минут через пять мы ели то, что нам дали сфинксы: жареное мясо с гарниром из консервированной фасоли. Доедая, я с удовольствием подумал, что мясо очень вкусное, наверное, свежее... И тут же вспомнил, что посол прилетел с охоты на тараколли.

Вначале я хотел заорать и выплюнуть все, что было во рту. Но посмотрел на Стаса – и передумал. Этот негодяй вначале съел всю фасоль, которую очень любил, и лишь собирался приступить к мясу. Это что же получится – я тараканины наемся, а брат нет?

Я проглотил остатки и стал пить стакан за стаканом апельсиновый сок. Стас, не подозревая о моем коварстве, уплетал жареного тараколли.

– А почему вы нам предлагали развлечения? – поинтересовался я.

Сфинкс глянул на меня медно-желтыми глазами и презрительно процедил:

– Человек, как существо примитивное, нуждается в еде и развлечениях. Иначе у него возникает дискомфорт. «Хлеба и зрелищ» всегда требовали люди от своих правителей.

– Можно подумать, Шидла, что вы не нуждаетесь ни в еде, ни в развлечениях! – обиделся я.

– Я не Шидла, я – Мегла, – ответил сфинкс. – Я историк и специалист по человеческому поведению. А Шидла – посол Венеры на Земле... грубый солдафон. Относительно твоего вопроса отвечаю: любой сфинкс способен сам себя развлечь. А без еды мы можем существовать месяцами, не испытывая неудобств.

– И даже умереть безболезненно, – вспомнив Бормотана, сказал я.

Мегла гордо кивнул.

– Пекун-вак Сетга,

Га-га-га, га²², – процитировал я.

– Зен горка ега,

А-шер-вук сака²³, – подтвердил Стас.

Эту песенку о коварном Сете и храбром Горе мама нас когда-то заставляла петь по утрам. И мы со Стасом, размахивая руками, пели о том, как сын Осириса Гор сражался с Сетом и злобный Сет вырвал у него глаз, в ответ на что Гор оторвал Сету уши. Оскорбленный и униженный потерей ушей, осмеянный женами, Сет был посрамлен. А Гор превратился в своего отца Осириса... У этих египетских богов очень сложные родственные отношения, я однажды даже таблицу чертил, чтоб разобраться, но когда увидел, что Осирис – одновременно отец Гора, его загробное воплощение, царь небесный, царь земной и сокол, бросил это безнадежное занятие...

Заговорив на древнеегипетском, мы со Стасом сразу загрустили. Вернут ли нас домой? Или так и придется жить среди хронопатрульных, кулинаров, подпольщиков и сфинксов?

– На каком языке вы говорили? – подозрительно спросил Мегла.

²² Слуги Сета из камня, ха-ха-ха, ха! (возм., др.-егип.)

²³ Их нагрело заходящим солнцем, они же думают, что ожили (возм., др.-егип.).

– На русском, – огрызнулся я.

– Неправда, – на чистом русском языке ответил Мегла, – я выучил русский, потому что, по нашим данным, пришельцы из прошлого должны владеть именно им.

Мы переглянулись, и Стас выручил меня.

– На каком языке ты говоришь? – возмущенно обратился он к Мегле на всеземном. – Мы не понимаем тебя! На немецком, что ли? Похож немного...

– Так я говорю не на русском? – переходя на всеземной, воскликнул сфинкс.

Мы дружно закивали.

– Скажите-ка что-нибудь по-русски! – подозрительно велел Мегла.

– Я просчитаю до десяти, – небрежно предложил я. И затараторил: – Каргаз, ушур, нердак, перум, южур, зенпак, генло, бомло, чуфтак, ах-ах²⁴!

– А я расскажу пару пословиц, – поддержал Стас. И начал декламировать: «Генло муф-ап фараон сен крап. Па-шенгар-шенгар тушур Осирис кеншегожур»²⁵.

– Все ясно, – безнадежно кивнул сфинкс. – Проклятые люди! Это их работа!

– Может, ты сам перепутал записи и выучил не тот язык?! – предположил Стас, обиженный новым оскорблением в адрес человечества.

– Какие записи? – вздохнул сфинкс. – Только для живых языков – всеземного и венецианского – есть гипнообучатели. Мертвые – русский, древнегреческий, английский, латынь – приходится учить по сохранившимся старым книгам. Человеческое поведение! Подделывать для меня древние книги! Перевести на немецкий «Войну и мир», подсунуть вместо учебника русского – учебник немецкого! О люди! Коварство ваше неизменно!

И Мегла выругался на «древненемецком» языке.

Стас покраснел и спросил меня:

– Такое в книгах печатают?

– В глупых книгах все печатают.

А сфинкс продолжал возмущаться человеческим коварством. Чтобы отвлечь его, я спросил:

– А сами-то вы неужели не коварные? Вы нас в прошлое отправите, а ваш мир погибнет! Камикадзе!

– Не болтай лишнего, – прошипел Стас. – Тушур безмозглый!

Но Мегла лишь презрительно покачал головой, так что помещение наполнилось звоном его серебряной гривы.

– Ничего не погибнет. Люди дураки. Они считают правильной свою теорию путешествий во времени, а мы – свою. Наша лучше, она разрешает путешествовать в прошлое и будущее.

– Так почему же вы не объясните людям, что они ошибаются? – возмутился Стас.

– А как докажешь, – с неожиданной грустью ответил Мегла, – обе теории одинаково вероятны. Просто наша нам больше нравится.

Мы со Стасом переглянулись. Стас вздохнул и сказал:

– Ну их. Если взорвутся, то сами виноваты. Мы-то в прошлом будем.

– Жалко, – вздохнул я. – Может, откажемся возвращаться?

Мегла подозрительно уставился на меня. И сказал:

– Но-но. Если вы не вернетесь, а правильной окажется наша теория, то мир тоже погибнет. Так что риск есть в любом случае. Только по нашей версии вас надо вернуть в двадцатый век, а машину времени – в Древний Египет. А по человеческой версии вы останетесь в нашем времени. Выбирайте.

²⁴ Раз, два, три... десять (возм., др.-егип.).

²⁵ У семи мумификаторов фараон без глаза. Прожорливого крокодила Осирис в болото бросил (возм., др.-егип.).

Мы молчали. На нас неожиданно легла огромная ответственность. Стас, помявшись, спросил:

– А есть какие-нибудь доказательства вашей версии?

Мегла поморщился и гордо ответил:

– Истина не нуждается в доказательствах... Но в общем-то есть одно доказательство. У нас есть свои легенды и предания, которые мы никогда не рассказываем людям. Для вас будет сделано исключение...

– Опять, – выдохнул Стас.

– Так вот, – продолжал Мегла, – по одной из легенд, двое человеческих детенышей попали из двадцатого века в двадцать пятый. Их спас и вернул в прошлое сфинкс. Потом, через много поколений, потомок одного из ребят занимался созданием сфинксов для колонизации Венеры. Под влиянием семейной легенды он и сделал нас такими...

Сфинкс негромко замурлыкал:

– Такими... Такими красивыми... Такими хорошими.

– Ужас, – прокомментировал Стас. И повернулся ко мне:

– Это твой потомок был. Мой бы таких... таких красивых не создавал.

– Приятно встретить у людей проблески разума, – промурлыкал Мегла.

– Почему это мой?! – возмутился я. – Почему?

– Я холостяком буду, – отрезал Стас.

Наступило тягостное молчание. Его прервал донесшийся из-под потолка голос Шидлы. Наверное, там было скрытое переговорное устройство.

– Брат!

Мегла приподнял голову.

– Компьютер напоминает, что мы уже четыре дня не ели. Надо покушать. Чтобы сил прибавилось.

Я вспомнил папу и вздохнул. А Стас крикнул:

– А еще что компьютер напоминает?

– Это ты, белобрысый человеческий детеныш? – невозмутимо поинтересовался Шидла. – Компьютер сообщает, что за нами гонятся три земных крейсера.

– Это Кубатай!!! – завопил Стас.

– Но они нас не догонят, – успокоил невидимый Шидла. – Я перегрел реактор корабля. Мы или взорвемся, или первыми достигнем Венеры.

Шидла отключился, а мы опасливо переглянулись. Мегла тем временем, продолжая мурлыкать, достал из шкафчика в стене консервную банку на полкило весом, не меньше. И одним движением когтя вскрыл ее. Стас подошел к сфинксу и удивленно сказал:

– Скумбрия в томате!

Мегла крепко прижал банку к мохнатой груди и сказал:

– Да, подлые люди. Именно из-за этого... мя-яу... мы вынуждены поддерживать с Землей отношения... торговать с людьми.

– Можно попробовать? – спросил Стас.

– Нет!!! – заорал Мегла. – Это моя пайка! Моя!

Перепуганный Стас отскочил ко мне. Я схватил его и запихнул за спину. Орущий сфинкс выглядел страшновато. Серебристая шерсть встала на нем дыбом.

– Потом... Когда наемся... – уже потише сказал Мегла. – Тогда дам... Немного.

– Не надо! – хором ответили мы. Я сразу вспомнил наших кошек: попробуй у них из тарелки взять кусочек поганого «Вискаса», не говоря уже о рыбешке. Какой скандал будет!

Сфинкс жадно пожирал скумбрию. Потом вылизал банку длинным розовым языком и виновато сказал:

– Это... это атавизм.

Мы молчали. Потом Стас не выдержал и спросил:

– А валерьянку вы любите?

Мегла облизнулся и тихо-тихо спросил:

– А у вас есть? Немножко...

– Нет, к сожалению, – ответил я.

– И не надо, – гордо сказал сфинкс. – Я не наркоман.

Он поднял переднюю лапу и стал ее тщательно вылизывать. Я подмигнул Стасу. Уж что-то, а психологию кошек мы знали.

– А как вы нас вернете? – сменил я тему.

Сфинкс вздохнул и, не прекращая вылизываться, ответил:

– У нас было два варианта: либо использовать ту машину времени, на которой вы прилетели, либо сделать новую. Второй вариант лучше, потому что при первом непонятно, откуда вообще взялась машина времени.

– Тем более что наш хроноскаф взорвали, – грустно заметил Стас.

Мегла подумал и кивнул:

– Да, логично. Так что у нас остался только вариант номер два – сделать свою машину времени. Ее сейчас доделывают.

Мы кивнули.

Мегла принялся за вторую лапу и мимоходом бросил:

– А также сейчас доделывают несколько макетов машин времени.

– Зачем? – удивился я.

Сфинкс снова вздохнул:

– Какие же вы глупые, детеныши. Вам ведь очень хочется домой. И даже если вы увидите, что наша машина времени – не та, на которой вы прилетели, вы нам этого не скажете. А наша теория петли времени верна только в том случае, если мы, не зная, на какой машине вы прилетели, сделали точно такую же. Ясно?

– Ясно, – неуверенно сказал Стас. – Кажется. Если мы выберем не ту машину времени, то, значит, правы земляне и во времени путешествовать не стоит.

– Правильно, – мяукнул сфинкс, лег на бок и стал вылизываться дальше. – Способный... ммяу-у... детеныш. Так что если не ту машину времени выберете, значит, мы не правы. Тогда ни в какое прошлое мы вас не отправим, а сошлем.

– Куда? – в ужасе спросил я.

– На Землю. К Ережепу. Самому коварному из всех землян.

– Что ты заладил: коварные, коварные, – обиделся я. – Не коварнее вас!

– Если бы ты знал, детеныш, – опять вздохнул Мегла, – какое коварство люди проявили при создании сфинксов! Неслыханное, небывалое, непристойное коварство! Они... А, не хочу и говорить! Ммяу!

В такой грустной обстановке мы и продолжали путь. Прямо хоть в гипносон ложись...

Так мы и сделали.

Глава шестая, ***с длинным подзаголовком, в которой мы снова*** ***спорим, кто во всем окружающем виноват, выясняем*** ***преимущества свободы и ставим Кубатая на наше место***

Мы все-таки не взорвались. И корабли ДЗР нас не поймали. Венерианский корабль приземлился или привенерился, не знаю уж как и сказать, и гипносон тут же отключили.

– Вставайте, детеныши, – приветствовал нас сфинкс.

Стас зевнул и, стаскивая с себя жесткую пижаму, сказал:

– Привет, Мегла. Нормально долетели?

– Нормально. Только я не Мегла, я Шидла. Мегла ушел домой. Потом подойдет. Мы сядем в антиграв и полетим к ангару с хроноскафами.

Я тоже переоделся, попытался причесаться с помощью растопыренных пальцев, а потом заметил:

– Вас очень трудно различать. Очень уж вы похожие.

Шидла недовольно заворчал и буркнул:

– На наш взгляд, вы тоже одинаковые. Если бы не разный цвет волосяного покрова...

– А у вас и того нет, – огрызнулся Стас. – Мы каждого встречного сфинкса будем принимать за тебя и звать Шидлой.

– Не стоит, – строго сказал Шидла. – Для неподготовленного сфинкса увидеть землянина – и без того тяжелое испытание. А уж если вы с ним заговорите...

– Тогда придумай что-нибудь для отличия, – предложил Стас. – Гриву перекрась...

– Невозможно. Краска не пристает.

– Тогда, – Стас подошел к сфинксу и бесстрашно взялся за его гриву, – давай заплетем тебе косички.

– А что это? – хмуро поинтересовался Шидла.

– Украшение, – сообщил Стас и принялся заплетать гриву сфинкса. Я рот разинул от удивления. Никогда не подозревал в брате таких талантов.

Когда грива Шидлы украсилась двумя длинными косами, тот подошел к выключенному компьютеру и стал разглядывать себя в мутном стекле дисплея.

– Не знаю, – неуверенно сообщил он. – Кажется, такое иногда носят человеческие самки.

– А в наше время такое носили еще отважные африканские воины и самые красивые кошки, – заявил Стас.

– Да?! – промурлыкал сфинкс и больше не сомневался.

Мы со Стасом просто изнывали от нетерпения. Подумать только – мы на Венере! И, как назло, даже иллюминаторов нет!

– А как мы выйдем наружу? – спросил Стас. – Там дышать можно?

– Нам, сфинксам, можно, – не прекращая мурлыкать, ответил Шидла. – Там семь процентов кислорода, две атмосферы и сто тридцать градусов по Цельсию.

Мы приуныли. Я спросил:

– А нам как же?

– Скафандры наденете. У нас сохранились старые человеческие скафандры, их сейчас принесут.

– А можно пока посмотреть наружу?

Сфинкс почесал гриву лапой и милостиво разрешил:

– Ладно. Сейчас открою смотровые окна.

Он включил компьютер и принялся нажимать кнопки. Часть стены тут же «растаяла». Как в нашем хроноскафе. И мы увидели Венеру.

Больше всего Венера походила на карьер по добыче щебня в ночь большой песчаной бури. Мы однажды были с папой на таком, где нашли какие-то старые черепки и принялись их раскапывать. А если вы не были, то объясню в трех словах: темно, камни и пылюга. Никаких звезд, конечно. Солнца тоже. Видно, тучи так до конца и не разогнали. Мы смотрели на это безобразие минуты две. Увидели сфинкса, который пробежал в отдалении, подпрыгивая, как наскипидаренная кошка. На спине у сфинкса был рюкзак.

– Красиво? – спросил Шидла.

– Очень, – отозвался Стас. – Поздравляю, Костя.

– С чем?

– С потомками, которые это сделали. Эх, как жалко, что я буду холостяком...

Тут я не вытерпел. Съездил Стасу по затылку, получил по животу, замахнулся снова...

Сфинкс схватил нас передними лапами и приподнял в воздух, держа так далеко друг от друга, что я даже пнуть Стаса не мог. Ну как следует пнуть не мог.

– Дети, дети, – ласково сказал сфинкс. – Не ссорьтесь. Мы вас обоих чтим, ведь неизвестно же, чей потомок нас придумал.

Мы сопели, трепыхаясь.

– Лучше скажите, – с заискивающей ноткой спросил сфинкс, – а так мне идет?

Мы глянули на него и обомлели. Пока мы глазели в окно, он заплел в косички всю свою гриву. Ужас, честное слово!

– Красиво, – прошептал Стас.

Сфинкс, удовлетворенный, поставил нас на пол, погрозил лапой и принялся любоваться на свое отражение в отключенном дисплее.

– Давай не ссориться, – сказал мне Стас. – Нас, нормальных, здесь так мало, что мы должны помогать друг другу.

– Ага, – обрадовался я.

– А что у тебя прапраправнуки такие оказались, так это игра генов, – как ни в чем не бывало продолжил Стас. И повернулся к Шидле:

– Слушай, а это так и было людьми задумано? Ну, семь процентов кислорода и прочее?

– Нет, – отозвался сфинкс. – В своем неизмеримом коварстве люди требовали от нас полностью остудить Венеру, снизить давление и поднять кислород в атмосфере. Но мы остановились на половине процесса.

– Почему? Вам так больше нравится?

– Нет, – вздохнул Шидла, – что тут может нравиться? Нам больше нравится, как на Земле. Но мы выносливые, мы терпим.

– А зачем?

– Как зачем? Чтобы человеческие шпионы не проникали. И чтобы люди не зарились на наши свободные территории.

– А они зарятся?

– Ну... – сфинкс замялся. – Когда им места хватать не будет, позарятся. Они, правда, Марс сейчас осваивают. Но медленно, потому что с помощью автоматов. А когда-то хотели для Марса сделать колонизаторов из собак.

– Ясно... – протянул Стас. – Да, понятно, что они больше не рискуют. А вы, значит, людей напрочь выгнали?

– Посол только остался. Понимаешь, детеныш, люди хотели от нас слишком много. Чтобы мы остудили Венеру, разрешали им прилетать сюда на отдых, добывали полезные ископаемые и торговали с ними. В общем, типичная имперская политика.

– Угу, – неуверенно подтвердил Стас.

– Но свободолюбивые кошачьи гены подвигли нас на восстание! – гордо заявил Шидла. – На мирное, но победоносное. Мы выдворили землян, основали свою цивилизацию и достигаем вершин прогресса.

Я глянул в окно, где среди каменных обломков временами носились как ошпаренные сфинксы. Наверное, им лапы жгло, вот они и бегали так быстро. И спросил:

– А чем вы питаетесь?

– Нам много не надо.

– А все-таки?

– Скумбрией, «Вискасом» и сосисками из тараколлы, – пробурчал Шидла.

– С Земли, что ли, возите?

– Не мы возим. Люди нам возят, – обиделся Шидла. – В обмен на жалкие крохи наших несметных рудных богатств. А мы перевозкой не мараемся, у нас и кораблей грузовых нет.

– А не грузовые есть? – ехидно спросил Стас.

– Да. Вот он. – Шидла хлопнул передней лапой по полу и сел на задние, пытая от возмущения. Потом начал яростно вылизываться. Мы деликатно отвернулись и стали смотреть в окно.

– Костя, гляди! – завопил Стас.

Мы увидели, как в небе над нами медленно проплывает что-то огромное и светящееся.

– Это ваши знаменитые летающие дома? – с восторгом спросил я Шидлу. Тот скосил глаз и презрительно покачал головой.

– Нет, это просто земной экскурсионный корабль. Ему запрещается спускаться ниже ста метров, а то мы его собьем. Наши дома куда красивее.

– А для чего вы их летающими делаете? Назло людям, потому что у них антигравитация запрещена, да? – попытался блеснуть интуицией Стас.

– Интересная мысль. – Шидла аж замер с высунутым языком. – Нет, милый детеныш. Просто на поверхности Венеры строить бесполезно, венеротрясением все разрушит.

Словно в подтверждение его слов корабль слегка потряхнуло. Стас, который под воздействием маминых рассказов панически боялся землетрясений, вцепился мне в руку и сказал:

– Не бойся, я с тобой.

– Ладно, не боюсь, – согласился я. И тут в стене открылась дверь и вошли два сфинкса, держащие в лапах тугие тюки. Оба сфинкса были припорошены каменной крошкой, оставляли на полу пыльные отпечатки, а из гривы у них шел пар.

Идущий первым сфинкс слегка хромал. Ему, наверное, где-то лапу придавило. Но, увидев заплетенную гриву Шидлы, он забыл о собственном увечье, взъерошил шерсть дыбом и завопил:

– Что с тобой, брат Шидла?! Человеческие детеныши пытали тебя?

– Нет, они смирные, – не теряя достоинства, ответил Шидла. – Это древнее кошачье украшение, брат Шурла.

– Да? – с подозрением спросил третий сфинкс. – Что-то я о таком не слышал...

– Даже твои знания ограничены, брат Мегла, – назидательно сказал Шидла. – Принесли скафандры?

– Принесли, – отозвался Шурла и принялся разворачивать тюк. Между делом он покосился на нас со Стасом и спросил:

– У вас все в порядке со здоровьем? Я врач, помогу чем могу.

Меня такое обещание не воодушевило, и я промолчал. А Стас начал с унынием ощупывать свой живот. Тараканины переел, наверное...

– Животик болит? – поинтересовался я.

Стас зло покосился на меня и сказал:

– Ну чуть-чуть. Надо же испытать, какие они врачи.

– Давай. Только вспомни, как испытывал Валеру, – напомнил я. Стас замер. Историю со студентом-стоматологом Валерой из нашего подъезда Стас забудет не скоро. Надо же было ему поспорить с первокурсником, что тот не сумеет удалить шатающийся молочный зуб! И нашел на что спорить: банка пива против двух пачек «Стиморола». Все равно ведь неделю жевать не мог, пришлось мне со «Стиморолом» расправляться.

– Помощь нужна? – повторил Шурла.

– Нет, – угрюмо буркнул Стас. – Кошек своих лечи...

– К кошкам меня еще не допускают, – со вздохом признался Шурла.

Тут он наконец освободил скафандры, и мы со Стасом восхищенно ахнули. Скафандры были блестящие, со множеством непонятных приборчиков снаружи, с огромным прозрачным

шлемом, с рифленой коробкой на спине. Там, как сообщил Мегла, были не только баллоны с воздухом, но и система охлаждения.

Минут пять мы восторгались, а потом через разрез на боку стали забираться внутрь. И тут же поняли, что радовались зря.

Скафандры были нам... ну примерно как кирзовые солдатские сапоги первокласснику. Мы болтались внутри, пытаясь дотянуться головой до шлема, но дотягивались только до груди. Там тоже было окошечко, наверное, чтобы космонавт мог посмотреть на свой живот, однако нас это не утешало. Все основные датчики, переключатели, трубочки, из которых можно было попить воды, – все это оставалось в шлеме, высоко над головой. Сфинксы, глядя на наши попытки передвигаться в скафандрах, приуныли. Потом Мегла предложил:

– Детеныши, вам вовсе не нужно самим ходить. Мы вас закроем в скафандрах, взвалим на спины, отнесем в катер и поедem. Можете, если хотите, забраться в один скафандр, веселее будет.

– Ну уж нет! – возмутился Стас. – Фашисты!!! Мы что вам – котята беспомощные?

«Фашисты» на сфинксов впечатления не произвели. Но вот сравнение с котятами подействовало. Посоветовавшись с Шурлой, Мегла заявил:

– Придумывайте выход сами, если считаете себя взрослыми.

Мы со Стасом послушно задумались. Через минуту Стас спросил меня:

– Ну?

– Чего?

– Придумал?

Я молчал.

– Костя, а я придумал! Поставь Кубатая на свое место! Что бы он сделал?

– Ножом махал, – буркнул я.

– Тогда я поставлю его на свое место, – заявил обиженный Стас и погрузился в размышления. Через пять минут, когда сфинксы начали проявлять признаки нетерпения, Стас заорал:

– Придумал! Мегла, у вас веревки есть?

– Есть... кажется.

– Тащи!

Растерянный Мегла удалился за веревками. Через пару минут он вернулся с целым ворохом веревок двух сортов – гладеньких нейлоновых и каких-то размочаленных, колючих, грязно-серых. Стас немедленно сгреб себе нейлоновые и стал перетягивать ими скафандр. Выглядело это забавно, но должно было сработать. Я взял разлохмаченные колючие веревки и принялся обвязывать ими свой. Наблюдавший за нами Мегла неуверенно мяукнул и спросил:

– Совет надо?

– Обойдемся! – гордо отрезал Стас.

Когда наш труд по увязке скафандров был закончен, мы вновь забрались в них. Красота! Голова отлично доставала до шлема, а пальцы на руках – до перчаток. И ходить мы могли сами, пусть даже и неуклюже.

– Совета точно не надо? – вновь спросил Мегла Стаса.

Тот сделал вид, что не услышал. И мы вслед за сфинксами вышли в шлюз космического корабля.

...Снаружи, наверное, было жарко. В скафандрах мы этого не чувствовали, зато заметили, как трудно идти. Словно сквозь воду. Это оттого, что воздух был очень плотным.

Антиграв, на котором прилетели Шурла и Мегла, стоял совсем рядом с космическим кораблем. Мы добрались до него, слегка покачиваясь от резких порывов ветра.

– Нормально? – промяукал Шурла, приблизив ко мне голову. Я кивнул и посмотрел на Стаса.

У него дела были похуже. Красивые нейлоновые веревки, которыми он связал свой скафандр, расплылись, превратившись в какие-то белесые скользкие сопли. Стас подергался, пытаясь сохранить равновесие, и упал.

– Стас! – испуганно заорал я.

– Чего? – обиженно откликнулся он, пытаясь подняться в своем раздувшемся скафандре.

– Глупый детеныш, – печально сказал Мегла. – Сразу видно, что он младший. И совета ему не нужно. Мы же говорили – снаружи высокое давление и температура. Ты правильно сделал, старший, что взял себе асбестовые веревки.

Всхлипывающего от обиды Стаса погрузили на антиграв. Я сел рядом и попробовал его утешить, но ничего не выходило.

Антиграв оказался не герметичным – просто большая платформа с двумя креслами для нас и всякими приборами, заставляющими ее парить в воздухе. Сфинксы улеглись рядом с нами, Шидла взялся за управление, и мы тронулись. Стас, обреченный на неподвижность, лежал тихо, лишь время от времени спрашивал меня, что происходит вокруг.

– Да ничего интересного, одни камни, – успокаивал я его, с разинутым ртом наблюдая за знаменитыми летающими домами сфинксов. Дома были похожи на большие кастрюли, увешанные разноцветными огоньками, но все равно это выглядело занятно.

– Я пить хочу, – нудел Стас. – Тут апельсиновый сок, в трубочке...

– А ты откуда знаешь? – полюбопытствовал я, глотая прохладный сок.

– Он мне на голову каплет! – снова заревел Стас.

– Надо было быть умнее, – оборвал я его. – Ишь ты, самый умный! Кубатай на моем месте... – передразнил я Стаса. – Кубатай бы никогда так не поступил. И плакать бы не стал.

Стас примолк. Из вмонтированного в шлем передатчика я слышал лишь мягкое цоканье капель. Потом цоканье стало звонче.

– Что, голову повернул? – спросил я.

– А ты откуда знаешь? – повторил мой вопрос брат.

– Телепатия, – сурово объяснил я.

Стас помолчал, потом скорбно прошептал:

– Когда же он кончится, сок этот?

Я покосился на маленькое табло внутри своего шлема и ответил:

– В термосе почти два литра.

Сидящий рядом со мной Шурла беззвучно рассмеялся. Похоже, хитрые сфинксы как-то прослушивали наш разговор. Потом, видно, сжалившись, Шурла сказал:

– Через пару часов сделаем остановку у Храма Матери-Кошки. Там найдутся асбестовые веревки. Починим скафандр младшего детеныша.

Глава седьмая, в которой мы узнаем о древнем коварстве землян, а очередное коварство – наблюдаем

Антиграв остановился рядом с огромным зданием куполообразной формы. Вначале мне показалось, что оно стоит на грунте, но потом я разглядел зазор. Это огромное сооружение тоже парило, хотя и очень низко.

– Храм Великой Матери-Кошки, – с благоговейным трепетом прошептал мне Шидла.

– А что там внутри? – поинтересовался из своего заточения Стас.

– Великие Матери-Кошки!

– А! – догадался Стас. – Значит, там земные условия?

– Разумеется, – отрезал Шидла.

– Там и передохнем, – обрадовался Стас. – С кошками поиграем.

– Не советую, – сообщил Шидла ледяным тоном. – За такое кощунство придется лишиться тебя жизни. Даже снаружи до него не дотрагивайся, а то мы будем вынуждены ампутировать дерзновенную руку.

Тут даже Стас напугался.

– Я не буду, – пообещал он. И всхлипнул: – Мне сок на голову капает...

– Рядом с Храмом есть служебные помещения, – смиростивился Шидла. – Там тоже земные условия. Туда и пойдем.

И мы направились к служебным помещениям – маленьким зданьям, парящим вокруг Храма. Впереди шли мы с Шурлой, за нами Шидла и Мегла несли Стаса. Стас от скуки рассказывал сам себе анекдоты в вольном переводе на древнеегипетский.

– Мы передохнем в медицинском пункте, – сообщил мне Шурла. – Я здесь стажирюсь. Если хорошо себя проявлю, мне позволят лечить Великих Матерей.

– А если плохо?

– Прикрепят к земному посольству.

Мы вошли в шлюз, и через пару минут сфинксы разрешили нам снять скафандры. Воздух был ничего, пригодный, только сильно вонял горелым камнем. Пошептавшись, сфинксы заявили:

– То, что вы допущены в эти помещения, – огромная милость. Будьте скромны и вежливы. И проявляйте уважение к Великим Матерям, если они здесь окажутся.

– Мы обещаем, – пискнул Стас, размазывая по голове липкий сок. А душ здесь есть?

– Есть, – мрачно ответил Шурла. И мы пошли по длинным извилистым коридорам медицинского пункта. Из-за нескольких дверей отчетливо слышалось мяуканье, не такое, как у сфинксов, а потише, кошачье. Мы со Стасом наострили уши, но сфинксы делали вид, что ничего не замечают.

Наконец мы добрались до комнаты, на которой висела табличка с надписью: «Для отдыха медбратьев». Стас глянул на нее и с удивлением спросил:

– А почему у вас надписи на всеземном?

– Это венерианский, – отрезал сфинкс.

– Какой же это... – начал Стас.

– Оставь, – устало попросил я. – А то язык ампутируют.

Стас сразу притих.

Помещение для отдыха оказалось большой комнатой с низкими кушетками. На двух лежали сфинксы и, громко прихлебывая, пили из блюдец горячий чай. При нашем появлении они остолбенели.

– Привет, братья, – бросил им Шурла.

Те безмолвствовали.

– Человеческие детеныши отдохнут здесь пару часов, – сказал Шурла. – Приготовьтесь провести полную дезинфекцию помещения.

– Кощунство, – прошептал один из сфинксов.

– Сохраняй выдержку, брат Чадла, – строго сказал Шидла. – Это важно для всех нас.

Бормоча что-то, возмущенные сфинксы вышли. Я лишь услышал, как Чадла приговаривал: «Ад, ад на Венере. Люди рядом с Храмом!»

– Почему вы нас так не любите? – возмутился Стас, садясь на кушетку и наливая себе чай в чистое блюдечко.

Сфинксы переглянулись, потом Мегла сказал:

– Я поведаю им историю древнего коварства людей. Занимайтесь пока делами, братья.

Шидла и Шурла кивнули и вышли. А мы устали на Меглу. Стас даже прекратил соскребать с головы апельсиновый сок.

И вот что поведал нам Мегла.

Когда люди начали колонизацию Венеры, они привозили туда сфинксов маленькими глупыми котятами. Лишь постепенно они вырастали в умных, сильных и красивых сфинксов. Но все сфинксы были самцами и потому не могли самостоятельно размножаться. Их свободолюбивая натура постоянно требовала восстать против людей, но, не зная тайны своего размножения, они были обречены на позорное и неминуемое поражение. Именно в те дни и зародился у них культ Великой Матери. Ей возносили они молитвы, шептали свои просьбы прийти на Венеру и возглавить крестовый поход против людей. Много раз вспыхивали у них надежды, когда с Земли доставляли очередную партию котят, но те вырастали и вновь оказывались самцами. Ситуация осложнялась тем, что сфинксы от природы не умели лгать и им было трудно утаить от людей свои планы.

Наконец, применяя гипноз и самый мощный из известных наркотиков – валерьянку, сфинксы воспитали трех героев, умевших не то чтобы врать, но немного фантазировать. Их героизм воспет во множестве легенд и песен. Первым из них был брат Шитла, создавший первый сфинксовский космический корабль. Именно он смог доставить на Землю разведчика – брата Зеллу. Тот узнал жуткую тайну: самок сфинксов не существовало в природе! Сфинксов вынашивали и рождали обыкновенные кошки! Брат Зелла смог провезти на Венеру первых трех кошек, затем, совершив героический одиночный полет, набил корабль кошками до отказа и привез две сотни будущих Великих Матерей-Кошек. Под руководством третьего героя – брата Потлы – была создана структура сфинксовского общества, Храм Матерей и начато победоносное восстание. Земляне, чуя неминуемое поражение, и не сопротивлялись. Они лишь настояли на том, что Венера будет иметь не более одного космического корабля, и предложили обменяться послами. Сфинксы, по своей врожденной мягкости, согласились.

Мы со Стасом обалдело выслушали рассказ Меглы. Да, что ни говори, земляне поступили нехорошо... Мы покраснели.

Кое-что, правда, осталось для меня неясным, но я тактично промолчал. А Стас таки вылез с вопросом:

– И как же вы с кошками это... ну...

– Есть такое понятие – искусственное осеменение, – ответил Мегла и горестно вздохнул. Но тут же, словно оправдываясь, добавил: – Но семейные узы у нас все равно святы.

– А нельзя никак создать сфинкса-самку? – едва слышно прошептал Стас и потупил глаза.

– Можно, – сказал Мегла. – Без проблем. Но как после этого мы посмотрим в глаза нашим Матерям-Кошкам?

– Да, неудобно получилось, – глубокомысленно сказал Стас. – А вам не тяжело так... без девочек?

Мегла гордо покачал головой:

– Люди все время ссорятся с женами, с тещами, с матерями... А наши матери милые и веселые, мы с ними никогда не ссоримся. Вот...

Он запустил лапу в свой серебристый мех, и я заметил, что там у него пристегнута маленькая сумочка на ремне. Из сумочки он достал цветную фотографию и показал нам.

– Мама. И я, в детстве.

На фотографии была толстая полосатая кошка, вылизывающая маленького, с полкошки размером, сфинкса. Рядом сидели двое рыжих котят.

– А это кто? – поинтересовался я.

Мегла скосил глаза и ласково мяукнул.

– Сестренки...

Мы безмолвствовали.

– Красивая у меня мама, правда? – поинтересовался сфинкс.

Стас откашлялся и вежливо сказал:

– Да, очень.

– У нас в подвале полно таких, – неосторожно буркнул я. Но, слава Осирису, Мегла на мои слова не обратил внимания.

В эту секунду в коридоре послышались шум, мяуканье и мурлычущие голоса сфинксов. Дверь была неплотно прикрыта, и через нее вдруг проскочила тощая черная кошка. Окинув нас подозрительным взглядом, она молниеносно сориентировалась и прыгнула к Стасу на руки. Брат начал чесывать ей за ухом. Следом за кошкой влетел отчаянно мяукающий сфинкс. Увидев ее на руках у Стаса, он замер как пришибленный.

– Уй ты маленькая, – сюсюкал Стас. – Давно тебя за ушком не чесали...

– Энтропия! – скорбным голосом позвал незнакомый сфинкс. – Кошечка моя!

Кошка презрительно посмотрела на него и начала мурлыкать.

– Как... Как ты можешь, – топорща гриву, прошептал новый сфинкс. Но Мегла неожиданно гаркнул на него:

– Вон, брат! Немедленно!

Мегла был довольно здоровым сфинксом, и новенький, испуганно поджав хвост, выскочил обратно в коридор. Увидев, что Стасу не собираются ампутировать пальцы, я тоже принялся гладить кошку. Кошка тащила, как сказал бы Смолянин.

– А чего она вам так рада? – сладеньким голосом осведомился Мегла.

– Людям обрадовалась, – предположил Стас.

– Кошки любят, когда их за ухом чешут, – добавил я.

– Да? – Глаза у Меглы засверкали. – Можно?

Он осторожно взял кошку из наших рук и принялся чесать ей за ухом, неумело, но очень старательно. Энтропия подумала... и снова начала мурлыкать.

– Все кошки мои будут... – отчетливо прошептал Мегла. А в голос спросил: – Где еще можно чесать?

– Под подбородком, – посоветовал Стас. Мегла благодарно кивнул и свободной лапой (правой задней) указал на одну из дверей в комнате.

– Там душ, детеныши. Идите помойтесь.

– А мне-то чего идти? – спросил я.

– Помойтесь перед дорогой, – командным голосом посоветовал Мегла. И мы с братом пошли мыться.

Душ был низковат, под сфинксов, и взрослому там было бы неудобно. Но мы со Стасом поместились нормально. Вода лилась со всего потолка, и можно было порезвиться вволю, словно под дождем, чем мы и воспользовались. Потом Стас, перепачканный соком с головы до ног, прополоскал одежду и повесил ее сушиться перед огромным тепловентилятором, заменяющим сфинксам полотенца. Я же от нечего делать подошел к довольно-таки большому окошку и принялся разглядывать пейзаж. Сначала я удивился такому большому окну в бане, но потом понял, что если все сфинксы мужчины, то стесняться нечего.

Снаружи было по-прежнему. Пыльно и темно. Пробежала парочка сфинксов, пролетел то ли летающий дом, то ли земной экскурсионный корабль. Потом... Потом я увидел что-то странное.

– Стас, – охрипнув от удивления, сказал я. – Угадай, чего я вижу.

Брат, успевший тем временем найти выключатель ультрафиолетовой лампы и загорающий под ней, откликнулся:

– Продавца мороженого.

– Нет. Продавца воздушных шариков.

Стас скосил глаза в окно, пискнул и начал поспешно натягивать полусырые плавки. А к нам приближалась странная фигура.

Больше всего она напоминала человека в скафандре, измазанном чем-то белым и липким. В руках у человека была огромнейшая связка воздушных шариков ярких расцветок. Человек приблизился к нашему дому, встал под окном и начал маленькими щепотками выбрасывать из кармана скафандра песок. Воздушные шарики потянули его вверх, он всплыл к окну, помахал нам рукой и ловко прицепил к стеклу большую черную присоску. Вблизи стало видно, что шарики у него все-таки не обычные, а особенные, наверное, специально приспособленные для путешествий по Венере. Я уже догадывался, кто перед нами, но просто не мог поверить своим глазам. А человек воткнул в присоску пару проводков и нажал кнопку на скафандре.

Стекло завибрировало под пальцами, и мы услышали хорошо знакомый голос:

– Теперь мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

– Мистер Кубатай! – радостно заорал Стас. – Как вы нас нашли?

Кубатай откашлялся и сказал:

– Сердце подсказало.

– Почему «мистер»? – шепотом спросил я у Стаса. Стас покраснел и ответил:

– Ну... не знаю. Мы же на Венере.

– Ну и что?

Стас пожал плечами.

– Дети, с вами все в порядке? – продолжал Кубатай.

– Да, – быстро ответил Стас. – Вот, в душе помылись.

– Могли бы и на Земле помыться, – грустно сказал Кубатай.

– Так вы же не предлагали, – огрызнулся Стас.

Мы немного помолчали. Затем Кубатай спросил:

– Вы и в самом деле добровольно здесь находитесь?

– Абсолютно, – подтвердил я. – Кстати, не подходите к тому зданию, а то вам что-нибудь отрежут.

– Знаю, – сказал Кубатай и вздохнул. – Хотите, чтобы я вас похитил?

– Как?

– Я заложил мину под цистерну с валерьянкой. Сейчас она взорвется, и всем сфинксам будет не до нас.

– Это вы нехорошо придумали, – серьезно сказал Стас, огорченный поступком своего кумира.

– Да, конечно. Но что делать-то?

Порывы горячего венерианского ветерка раскачивали Кубатаю, но тот упрямо цеплялся за окно. Потом с надеждой спросил:

– А то, может, убежим? Мы вам есаульские звания присвоим, прыгоходы подарим.

Стас в нерешительности почесал затылок.

– Женим, свадьбу закатим с шампанским...

Вот это Кубатай предложил зря. Стас тут же одумался:

– Нет, мис... дядя Кубатай. Мы домой хотим, к папе с мамой.

Кубатай, покачиваемый ветром, вздохнул:

– Ладно, ребята. Но учтите: еще раз в будущее попадете, так просто не отпустим.

Мы кивнули.

– А это, Стас, я для тебя захватил, – сказал Кубатай, доставая из кармана асбестовый конверт, – полюбился ты мне... У входа положу.

– А что там? – дрожащим голосом спросил Стас, сгорая от любопытства.

– Откроешь – узнаешь, – загадочно ответил ему Кубатай, а затем обратился к нам обоим:

– Удачи я вам не желаю. Но надеюсь, что выживете.

С этим оптимистическим напутствием он отпустил один из воздушных шариков и опустился на поверхность. Присоску свою он отключить забыл, и мы слышали его шумное дыхание.

– Настоящий герой, – сказал Стас.

– Спасибо, – отозвался Кубатай. Связь еще действовала. – Хоть вы меня понимаете...

Стас смахнул с глаз слезинку и сказал:

– Дядя Кубатай, у вас вся спина белая.

– Ерунда, обсохнет – отвалится, – сказал Кубатай. – Это скафандр был великоват, я его веревками обвязал, а те расплавились.

Стас гордо посмотрел на меня:

– Видишь? Мы с Кубатаем мыслим одинаково!

– Сочувствую, – сказал я. И тут мы увидели десятка два сфинксов, выскочивших из-за угла куполообразного Храма. Насчет угла я не уверен, но выглядело это именно так. Сфинксы большими прыжками неслись к Кубатаю.

– Шухер! – заорал Стас. Кубатай оглянулся и начал торопливо выгребать из карманов песок, смешно подпрыгивая на месте. Ветерок подхватил его и медленно понес ввысь. Песочек на сфинксов так и сыпался.

– Стоять! – заорал один из них, поднимая лапу с оружием.

– Я и так не шевелюсь, – резонно ответил Кубатай.

Сфинксы посоветовались и крикнули:

– Ты кто такой?

– Я метеозонд, – спокойно сообщил Кубатай. – Температура воздуха – сто двадцать градусов выше нуля, ветер южный. Продолжаю полет.

– А ты не земной диверсант Кубатай? – подозрительно спросил сфинкс с пистолетом.

– Я метеозонд, а вовсе не Кубатай! – твердо стоял на своем генерал-сержант. Сфинксы заколебались.

– Если он Кубатай, то он врет. Люди умеют, – сказал один.

– А если метеозонд, то говорит правду, – заявил другой.

Сфинксы были в растерянности. Песочек на них так и сыпался.

– Ты Кубатай? – еще раз спросил сфинкс.

– Метеозонд.

– Кубатай?

– Метеозонд.

– Метеозонд?

– Кубатай. Ой, я ошибся!

– Метеозонды не ошибаются! – радостно заорали сфинксы. – Сейчас мы тебя собьем!

И тут, в самый тревожный для Кубатай момент, недалеко бухнул взрыв. Огромная цистерна, парящая в воздухе, дрогнула, и из нее широкой струей потекла валерьянка. На венерианском воздухе она шипела, кипела и испарялась.

– Спасай валерьянку! – заорал сфинкс с пистолетом. Метеозонд-Кубатай был забыт. Упрашивать никого не пришлось, и сфинксы бросились на спасение валерьянки. Поскольку закрыть пробойну телами им не удавалось, напор был слишком сильным, они просто встали в очередь под цистерной и принялись глотать кипящую струю. Чтобы зря не пропадала, как сказал бы папа.

Кубатай плавно растворился в вышине. Мы со Стасом облегченно вздохнули.

– Что делать-то будем? – спросил Стас.

– Ничего. Мы ничего не видели, ничего не знаем. Мы мылись.

Стас кивнул:

– Пойдем. Пусть нас побыстрее к машине времени везут, а то надоело уже.

Мы оделись и вышли в комнату. Кошки по имени Энтропия там уже не было. Только Мегла лежал на кушетке, мурлыкал и пил чай из блюдечка.

О диверсии с валерьянкой он еще не знал. Наверное, это была тайна всемирной крутизны для сфинксов.

...На выходе из служебного помещения Стас незаметно поднял и сунул в карман скафандра оставленный Кубатаем конверт. А открыть его смог только сидя в антиграве, когда я спиной заслонил его от сфинксов. В конверте была фотография: Кубатай, размахивая шашкой, гарцует верхом на портативном прыгоходе.

Стас шмыгнул носом и спрятал фотографию обратно.

Глава восьмая, в которой Шидла подвергается поруганию, что его и спасает

– Мы на месте, человеческие детеныши, – не поворачивая головы констатировал Шидла. Антиграв влетел в огромные бронированные двери и, сделав несколько крутых поворотов, остановился в высокой сводчатой пещере. Затем опустился на каменный пол. И без того не слишком дружелюбные сфинксы посуровели.

Дважды за время короткого полета по скалистому тоннелю ворота перед нами плавно открывались, а затем закрывались за нами. Я подумал, что это похоже на шлюз, и, видимо, не ошибся, потому что Шидла сказал:

– Можете снять скафандры.

Я был рад этому, Стас – тем более. Мы огляделись. В центре зала стояли пять капсул разных форм и размеров. Наш хроноскаф я, конечно же, узнал сразу. Вскочил было с места, чтобы кинуться к нему, но Шурла молча положил тяжелую лапу на мое плечо, и я снова сел.

– Понимаете ли вы, что от вашего выбора зависит судьба мира? – спросил Шидла значительно. – Посему опознание хроноскафа будет проводиться следующим образом. Я, Мегла и Шурла займем позиции в углах равностороннего треугольника так, чтобы центр вписанной в него окружности пришелся на данную группу аппаратов. По моей команде вы выдвигаетесь к хроноскафам. Поравнявшись с тем, на котором, по вашей версии, вы прибыли, делаете выстрел вверх из сигнальной ракетницы. Затем, не двигаясь с места, ожидаете нашего решения.

Закончив эту речь, он вручил мне одноразовую ракетницу. Очень классную, я таких еще не видел. Уже привыкнув к сфинксовским заскокам, я даже не стал спрашивать, к чему такие сложности. Вмешался Мегла:

– Люди – хитрые бестии. Боюсь, как бы мы взглядами не выдали истинный хроноскаф. Предлагаю сфинксам встать к аппаратам спиной и обернуться только на выстрел.

– Резонно, – немного поразмыслив, согласился Шидла.

Я хотел разозлиться, но через минуту, когда сфинксы разошлись по местам, понял, что с моим братцем подобные предосторожности имеют резон.

Мы двинулись вдоль капсул, и вдруг он как вкопанный остановился возле полупрозрачной сигарообразной конструкции. Сквозь ее матовые стены виднелось просторное внутреннее помещение, а снаружи торчали стволы каких-то мощных орудий.

– Эта удобнее, – мечтательно заявил Стас. – Видишь, в ней даже кровати есть, а в нашей – только кресла. И пушки – видишь?!

– Стас, кончай, – сказал я, надеясь, что он шутит. Но куда там...

– Что кончай? – еще и обиделся он. – Давай на этой вернемся. Какая разница?

– Стас, – напомнил я, – только одна модель действующая – это наш хроноскаф.

– Ну и что? – продолжал Стас капризно. Но чтобы придать своему поведению хоть немного логики, пояснил: – Мы им скажем, пусть эту действующей сделают...

Слава богу, ракетница была у меня, и, прекратив бессмысленный спор, я подошел к нашей, и правда самой невзрачной, капсуле. Дождавшись, когда за мной подтянется недовольный Стас, я выстрелил вверх.

Сфинксы обернулись, затем в несколько прыжков подскочили к антиграву и принялись шептаться, с подозрением поглядывая на нас. Мне стало неудобно, и я отвернулся. И увидел, что Стас, наоборот, корчит им рожи, демонстративно приложив к уху ладонь.

Я не успел его одернуть, потому что Шидла, отделившись от остальных, двинулся к нам, и Стас, слегка струхнув, спрятал руки в карманы.

– Итак, – произнес сфинкс чванливо, – свершилось. Ваш выбор подтвердил нашу гениальную прозорливость и правильность нашего пути.

Он тронул лапой обшивку хроноскофа, и крышка люка поползла вверх.

– Будем готовиться к путешествию, – сказал он. – Старший, – тут он кивнул мне, – коснись стенки, я настрою сенсор на тебя, – и скользнул в капсулу.

Я положил руку на стенку аппарата, а Стас торопливо зашептал:

– Понял?! Все сходится! Тогда, в музее, я стенку потрогал, и капсула открылась!

– Умный, – ответил я с иронией, хотя у меня и у самого быстрее забилося сердце от мысли, что все идет к нашему возвращению домой.

Шидла выглянул из хроноскофа:

– Порядок. Теперь второй.

Стас тронул стенку, и, пока он держался за нее, я высказал то, что мучило меня уже давно:

– Ты помнишь, что было в капсуле, когда мы ее нашли?

Стас кивнул, и я понял – он сам думает о том же. Хотя и сфинкс, а жалко...

Шидла снова высунулся наружу и предложил испытать настройку. Для этого он закрывал хроноскоф изнутри, а мы со Стасом прикосновениями рук открывали его снаружи.

– Порядок, – снова сказал Шидла, спрыгивая к нам. – Забирайтесь внутрь, а я еще прихватчу кое-что.

– Шидла, – осторожно спросил я, – а тебе обязательно с нами? Может быть, мы сами как-нибудь?

– Хотел бы я знать, как вы вернетесь домой, оставив хроноскоф в Древнем Египте.

– А ты? Как ты вернешься?

– Я не вернусь. Вас я высажу в двадцатом веке, а сам двинусь глубже. Такова судьба. – С выражением светлой печали на лице он покачал головой.

В этот момент разговор прервал Мегла:

– Брат, тебя вызывает Земля.

С достоинством, подчеркнуто неторопливо Шидла двинулся к антиграву. Вызов Земли не стоил спешки. Через пару минут он позвал к антиграву и нас:

– Эй, детеныши человека, с вами хотят поговорить.

Забравшись на платформу, мы увидели на экране бортового видеофона усталое лицо Ережепа. Из-за его плеча, подмигивая нам, выглядывал Смолянин.

– Ква-ква, – натянуто улыбнулся генеральный директор. – Рад видеть вас живыми и здоровыми. Насколько мне известно, вы теперь владеете всеземным, но на всякий случай я прихватил с собой переводчика. Вы действительно понимаете меня?

– Привет, кенты, – крикнул Смолянин по-русски и помахал перепончатой рукой, – все ништяк?

Как это ни удивительно, но его вид поднял настроение. Мы помахали ему в ответ.

– Вы понимаете меня? – повторил вопрос Ережеп.

– Да понимаем мы все, – вылез Стас. – Чего вам надо-то?

– Из доклада генерал-сержанта Кубатая я уже знаю, что вернуться на Землю вы отказались, но теперь я, во-первых, хочу знать, как с вами обращаются эти... – он махнул рукой в

сторону сфинксов. – Во-вторых, хочу убедить вас не содействовать проведению их губительного плана.

– Обращаются нормально, не хуже, чем вы, – сказал я. – А что касается их плана, то правы они, а не вы.

– У вас есть веские доказательства?

– Да, есть, – ответил я и как мог связно рассказал об «очной ставке» с хроноскафами.

Выслушав меня, Ережеп задумчиво помолчал, а потом сказал:

– Что ж, мне трудно привыкнуть к этой мысли, но, похоже, вы правы.

Пока мы так беседовали, сфинксы тревожно переглядывались, то и дело порываясь перебить меня – я разглашал их секреты. Но логика пересиливала: в том, чтобы люди не мешали их плану, они были заинтересованы не меньше нашего.

– Когда вы отправляетесь? – спросил Ережеп. И тут Шидла не выдержал:

– А вот это вам знать ни к чему, – опередил он меня.

– Это в ваших интересах, – проникновенно сказал ему Ережеп. – Я дам команду хронопатрульному флоту не обстреливать вас.

– О своих интересах мы сами позаботимся, – заявил Шидла и потянулся к выключателю.

Но за миг до того как экран погас, я успел крикнуть по-русски:

– Сейчас!

Смолянин при этом наострил уши и закивал своей шишковатой головой.

– Что ты им сказал? – угрожающе оскалился Шидла.

– Я сказал «до свидания», – соврал я.

– «Сей-час» – это «до свидания»? – обернулся Шидла к Мегле.

– «Сейчас» по-русски означает «сию минуту», «немедленно», – ответил тот.

– Это по-немецки, – встрял Стас, – ты же немецкий учил. А по-русски это как раз «до свидания».

Сфинксы озадаченно переглянулись.

– Чего вы боитесь-то? – спросил Стас, чтобы сменить тему.

– Люди коварны, – объяснил Шидла печально. – А Ережеп – коварнейший из людей. Мы не верим ни единому его слову. Если он соглашается с тобой, жди подвоха.

– Ну почему вы никому не верите? – возмутился я.

– Потому что нельзя верить тому, кто умеет врать.

Я только махнул рукой. Ну как ему объяснишь, что, если иногда и соврешь, это еще не преступление. Даже на пользу бывает.

– Во избежание вмешательства землян предлагаю отправиться немедленно, – заявил Шидла. – Шурла, давай браслеты.

Тот открыл маленький люк в полу антиграва и извлек оттуда три металлических браслета и три коробочки, похожие на дистанционный пульт телевизора, только раза в два меньше и с единственным переключателем. Как объяснил Шурла, это и были дистанционные пульты. Они включали и отключали эти самые браслеты, которые по-научному назывались «иммуно-регенераторы», а по-простому – «оживители».

По словам Шурлы, эти браслеты в несколько минут излечивают любые болезни, заживляют раны и могут даже воскресить, если только смерть наступила не от старости. В последнем случае браслеты бессильны.

– А почему у всех таких нет? – с обличительными нотками в голосе спросил Стас.

– Потому что их изобрели совсем недавно, – ответил Шурла, – и они пока что засекречены. Ведь если такой браслет попадет в руки людей, те быстро научатся делать их сами. А мы хотим превратить их в предмет экспорта. Скумбрия, – мечтательно произнес он, – много скумбрии... И валерьянка... Мур-р, для тяжелобольных. Сначала мы сделаем так, чтобы люди не могли разобратся.

– А говорите, врать не умеете, – сказал Стас с укором.

– Это не вранье, это политика.

– Да я не про политику. Я про валерьянку. «Для тяжелобольных», – передразнил он. – Для каких тяжелобольных, если эти браслеты все излечивают?

– Да-а, – задумался Шурла, – об этом я как-то... – но тут же встрепенулся: – Все правильно! Если больные будут знать, что им дадут валерьянку, они и лечиться не станут.

– Хватит болтать, – вмешался Шидла. – За дело!

Шурла помог нам застегнуть браслеты на запястьях. Надел браслет на лапу и Шидла. Приспособив к нему свой дистанционный блок, он пояснил:

– Видите, тут специальные пазы. Вставляешь, щелчок, и готово. – Он помахал лапой, демонстрируя надежность крепления. – Но я советую вам обменяться блоками.

– Зачем? – спросил я.

– Если что-то случится с одним, другой всегда сможет его выручить. Только учтите, радиус действия блока – четыре-пять километров, не больше.

– Давайте тогда все трое обменяемся, – предложил я Шидле. – Дай мне свой.

Сфинксы переглянулись с мрачными улыбками:

– Ты сам не понимаешь, что говоришь, детеныш человека, – произнес Шидла мягко. – Чтобы сфинкс доверил свою жизнь... Ладно. Нам пора в хроноскаф.

– Подожди-ка, – остановил я его. – Мы кое-что не говорили вам...

И я рассказал о том, как из капсулы там, в музее, вывалился мертвый сфинкс.

– Понимаешь, мы же тогда еще вас не знали и подумали, что это – металлическая скульптура.

– Что ж, – с покорностью судьбе усмехнулся Шидла. – Я был готов к этому. Спасибо, что рассказали, теперь я знаю, что умереть должен в капсуле. Вы же знаете, смерть от голода не доставляет нам неприятных ощущений. – Он помолчал. – Хотел бы я знать, что твои соплеменники сделали с моим трупом. Надеюсь, не подвергли его публичному поруганию...

– Может, его в музее выставили, – заявил Стас. – Ведь, наверное, все, как и мы, решили, что это статуя...

Я подумал, что вряд ли это понравится Шидле. И не ошибся.

– Выставили в музее, – горестно поджал он губы, – на всеобщее обозрение... Хотя чего еще можно было ожидать от людей?

В первый и последний раз в жизни я увидел слезы на глазах сфинкса.

Но тут в разговор вмешался Мегла:

– Брат, я скорблю вместе с тобой. Но подумай вот о чем. Если ты умрешь не от старости, то, найдя твой труп сегодня, мы могли бы тебя оживить.

– Ага, – подтвердил я, – у него на лапе браслет был. – Это я приврал, чтобы поднять Шидле дух. Браслета мы разглядеть не успели.

Мегла значительно покивал головой и снова обратился к Шидле:

– Брат, отдай мне свой блок оживителя, а я немедленно отправлюсь в архивы выяснять, где сейчас находится скульптура сфинкса, которая в двадцатом веке была в том музее. – Он кивнул в нашу сторону.

– Вероятность минимальна, – сказал Шидла, но все же отстегнул дистанционный блок и протянул его Мегле. – В двадцатом веке могли спутать труп сфинкса со скульптурой, но в наше время его бы уже давным-давно опознали. Однако мне о таком случае ничего не известно.

– Это так, брат, – согласился Мегла, – но не будем терять надежды. Я немедленно принимаюсь за поиски и сообщу результаты, когда вы будете на пути к Земле.

– Вообще-то я намеревался сначала сделать скачок в двадцатый век и на околовенерианскую орбиту, а уже оттуда на ракетной тяге двигаться к Земле, – сказал Шидла и пояснил нам: – Расстояние между Венерой и Землей слишком велико для того, чтобы преодолеть его одно-

временно с прыжком во времени. Затраты хроногравитационной энергии были бы огромны, поэтому хроноскаф может двигаться и как обыкновенный космический корабль.

– А, понятно, – сказал Стас, – а я-то все думал: если он вместе с прыжком во времени прыгает и в космическое пространство, как же потом приземляется?

– Как обычная ракета, – кивнул Шидла. – А вообще, я могу сделать и наоборот: сначала отправиться к Земле. Но тут есть сложность. Мы ведь находимся не на открытой площадке, вытаскивать отсюда хроноскаф – слишком много возни...

– Я знаю, как надо, – вмешался Шурла. – Ты делаешь скачок дня на три в будущее и одновременно – на орбиту Венеры. Тогда и Мегле не нужно спешить. Тебе три дня хватит? – спросил он историка.

– Вполне, – кивнул тот. – С избытком.

– Что ж, – согласился Шидла, – на один незапланированный временной прыжок, да к тому же с таким коротким сроком, запаса энергии у нас хватит. Пусть будет так.

Попрощавшись, Мегла и Шурла впрыгнули в антиграв и умчались прочь. А мы втроем забрались в хроноскаф.

– Пристегните ремни, – сказал сфинкс, повозившись с настройкой, – сейчас будем в неведомости. – И нажал кнопку.

На этот раз сознания я не потерял, наверное, потому, что был готов. Но в глазах все же потемнело. А первым, что я увидел, придя в себя, был требовательно пульсировавший на пульте синий огонек.

Шидла ткнул кнопку возле него и, наклонившись к щитку, рявкнул в решетчатое отверстие:

– Слушаю!

– Наконец-то, – раздался пробивающийся через помехи обрадованный голос Меглы. – Весь день вас вызываю. Я нашел, Шидла!

– Ты нашел мой труп?

– Да, если только это не подделка.

– Хотел бы я знать, кому понадобилось подделывать мой труп.

– Видишь ли, брат, в архивах статуя сфинкса из того музея значится бронзовой. Но в описании упомянут браслет на лапе.

– Прекрасили, – уверенно заявил Стас.

– Прекрасили? – переспросил Шидла. – Что ж. Чего еще ждать от людей. – Он печально поник головой. – Они перекрасили мой труп в разные веселенькие цвета, написали на нем всякие словечки... И выставили напоказ. – Он снова приблизил лицо к переговорнику: – Шурла, есть основания предполагать, что меня перекрасили. Скажи, ты уже видел эту... скульптуру?

– Нет. Но смогу увидеть минут через двадцать. Представь, она на Венере. Семьдесят лет назад ее у землян выкупили. Она стоит в игровом зале Храма Великой Матери-Кошки!

– Да-а, – протянул Шидла обескураженно. – А я ведь видел... меня. Я неплохо сохранился.

– Ну все, – крикнул Мегла, – я мчусь в Храм оживлять тебя!

– Не спеши, – охладил его пыл Шидла. – Подожди, пока я не прыгну в прошлое. Зачем нам в одно и то же время сразу два живых Шидлы? И еще, брат, прошу тебя, пожалуйста, смой с меня сначала всю эту мерзость. Не хотел бы я через семь с половиной тысяч лет после смерти очнуться в шутовской раскраске.

Когда Мегла отключился, Шидла склонил голову и удрученно сказал сам себе:

– Можно смыть краску. Но можно ли смыть позор?..

Выдержав для приличия паузу, мы со Стасом принялись уговаривать его, что все-таки лучше воскреснуть в своем времени, пусть и покрашенным под бронзу, нежели умереть насовсем.

– Что могут знать детеныши человека о том, что лучше для гордого сфинкса? – риторически вопрошал Шидла и даже жалобно помякивал. Но было заметно, что он рисуется: на самом-то деле он слегка повеселел.

Глава девятая, самая короткая, в которой Шидла не знает, КОГДА мы попали

Мы летели домой! От радостного возбуждения мы со Стасом чуть не подрались. Он отбил у меня ракетницу, которую я оставил на память, а я, естественно, не отдавал.

Но вообще-то баловались мы неискренне. Лично я чувствовал, что за эти несколько дней в будущем стал другим. Повзрослел, что ли. И это подтвердилось хотя бы тем, что я не стесняясь сказал об этом Стасу. Тот сразу перестал дурачиться и тоже посерьезнел.

– Точно, – сказал он, и мы засмеялись, потому что это было любимое папино словечко. И мы сразу вспомнили его. И маму. И ее кошек...

Но тут как раз снова замигала синяя лампочка вызова. Мы очнулись от грез и увидели в иллюминаторе огромную тушу хронопатрульного крейсера.

Заволновавшийся Шидла увеличил скорость, перегрузкой вдавив нас в спинки кресел. Но крейсер, не отставая, шел параллельным курсом.

Сфинкс включил переговорник и крикнул:

– Да?!

– Приказываю немедленно остановиться и приготовиться к стыковке, – раздался незнакомый голос. – В случае неповиновения капсула будет уничтожена через тридцать секунд. Время пошло.

– Попытаюсь успеть, – пробурчал Шидла и принялся судорожно настраивать временной блок.

– Эй, патруль! – закричал Стас в переговорник. – На борту дети!

– Так мы вам и поверили, проклятые сфинксы, – хохотнули на том конце.

– Вы что, по голосу не слышите? – настаивал Стас.

– По голосу? Ну ты сказал! Голос любой автоответчик подделать может.

– Соедините нас с генерал-сержантом Кубатаем, – вмешался я.

– Кубатай на Земле, и за двадцать секунд с ним не соединить, а через двадцать... нет, через пятнадцать секунд мы атакуем.

Я в ужасе глянул на Шидлу. Тот снова на что-то нажал, и крейсер в иллюминаторе стал виден не так четко, расплывшись в голубой дымке.

– Защитное поле против мезонной пушки – пшик, – снова развеселился голос в переговорнике.

– Патрульный! – крикнул я. – Разве Ережеп не дал команду не обстреливать хроноскаф?

– Была такая команда, – ответил тот, – противоречащая, между прочим, уставу нашей службы. Но – три дня назад. А сейчас она уже недействительна. И мы работаем строго по уставу. У вас осталось пять секунд. Раз, два, три, четыре...

Шидла, закончив наконец возиться с настройкой, нажал красную пусковую кнопку. Одновременно с тем, как патрульный произнес слово «пять». Или даже чуть позже, потому что мы успели увидеть вспышку на борту крейсера и почувствовали сокрушительный удар.

Знакомое уже ощущение, что я куда-то падаю, пронзительный визг в ушах, мелькание красных цифр на зеленом табло...

Я зажмурился. А когда открыл глаза, крейсер из иллюминатора исчез, а в хроноскафе тревожно мигал кроваво-красный свет.

– Повреждение! – прорычал Шидла. – Мне не хватило совсем чуть-чуть!.. Честно сказать, я даже не уверен, когда мы попали.

– В смысле куда? – уточнил Стас.

– Да нет же, мяу! Именно «когда». Неисправность в блоке настройки. Я не знаю, в каком мы сейчас времени.

Часть вторая Позавчера

Глава первая, *в которой сначала охотимся мы, а потом – на нас*

Пульсация аварийных огней продолжала нагнетать тревогу.

– А приземлиться мы сможем? – как бы невзначай поинтересовался Стас.

– Похоже, – не очень-то определенно ответил Шидла. А потом прибавил еще менее утешительное: – Попробуем.

– Может, не будем тогда спешить? – предложил я. – Разберемся сначала получше.

Шидла напыжился и, глянув на меня с нескрываемым презрением, изрек:

– Человек, тебя спасает лишь возраст. Впредь же помни: сфинксы не нуждаются в советах двуногих. – И вдруг, сразу по окончании этой тирады, с раздраженным «мя-а-ау!» треснул лапой по приборному щитку. Прямо как я когда-то.

Красный свет мигать перестал.

– Наладил?! – обрадовался Стас.

– Нет, – признался Шидла, – сломал аварийную сигнализацию.

– А-а, – удовлетворенно протянул Стас.

Как ни странно, но и меня эта новая поломка почему-то успокоила – без тревожного мигания было не так страшно.

– Ладно, – сказал Шидла, – будем садиться. Там все починю. Возможно. – И взялся за управление.

Со свистом и подозрительным кудахтаньем хроноскоп ворвался в верхние слои атмосферы. Теперь стало ясно, где верх, а где низ. Низ – там, куда мы падаем.

– Костя, – спросил Стас по-русски, – ты в Бога совсем-совсем не веришь?

– Отстань, без тебя тошно. – Меня и вправду тошнило. И уши закладывало.

– А я это... все-таки, – пробормотал Стас и принялся неумело креститься.

– Без толку, – охладил я его пыл, – ты же некрещеный.

– Не подумал, – согласился он и прекратил осенять себя крестным знаменем. – Слушай, а у египтян было крещение?

– Спятил! Они же не христиане.

– Тогда, может, это поможет? – предположил он и затыкнул хвалебную песнь Осирису.

– При чем здесь Осирис?

– А я больше богов не знаю.

Хроноскоп врезался в облака и через мгновение вынырнул под ними. При всей абсурдности Стасовых религиозных метаний я принялся подтягивать хвалебную песнь.

– Не скулите, котята, – бросил Шидла почти ласково, – все в порядке. Выпускаю парашют.

Выдавливая из моих легких воздух, на грудь навалился груз. Но не успел я как следует выпучить глаза, как тяжесть исчезла и я почувствовал, что мы уже не падаем, а плавно опускаемся.

И все же меня слегка контузило. Застилавшая глаза розовая пелена не позволяла рассмотреть что-нибудь через иллюминаторы.

– Удача, – заявил Шидла, – мы падаем в реку.

– Ни фига себе удача! – вскричал Стас. – Я же плавать не умею!

– А говорил, что уже умеешь, – уличил я его.

– Умею. Но не очень. В большой ванне умею. Как Смолянин.

– Плавать не придется, – успокоил Шидла. – Хроноскаф не тонет и не пропускает воду. Зато посадка будет мягкой.

– Да? – недоверчиво проворчал Стас. – И что, мы по течению прямо в океан поплывем? А потом что?

– Глупый детеныш, – усмехнулся Шидла. – Инженеры Венеры предусмотрительны.

– Ты, сфинкс, – вдруг угрожающе сказал Стас, так, словно «сфинкс» было ругательным словом, и приблизил сердитую пухлую физиономию к самому лицу Шидлы. – Если ты еще раз назовешь меня или его, – он указал пальцем в мою сторону, – «глупым», мы своим потомкам оставим легенду, что на Венере живут разумные слоны. Вот с такими хоботами! – Он развел руки, показывая размер. – Понял?!

«Фрустрация порождает агрессию», – как-то сказал папа. Это из психологии. А фрустрация – это когда все плохо. Как сейчас.

Шидла выдержал мрачную паузу. Потом заявил:

– Бесполезно. Не выйдет. Я уже существую.

– Существоешь, – согласился Стас с недоброй ухмылкой. – Пока. А будешь обзывать, будет слон существовать. – Он скорчил противную рожу и сначала сделал движение, словно вытягивает себе нос, затем приставил ладони к ушам и похлопал ими по щекам. – Ясно?

– Ладно, – со вздохом сказал сфинкс, – я больше не буду.

Это была победа Человека! Но насладиться ею в полной мере нам не позволил удар капсулы о воду. Меня выкинуло из кресла, выдрав с мясом концы ремней безопасности. Видимо, капсула пару раз кувыркнулась в воде, потому что мы трое, сцепившись в клубок, дважды оказывались то на потолке, то на полу.

Удивительно, но никто ничего не сломал, и мы со Стасом отделались только ушибами. Наверное, оттого, что рубка хроноскафа все же очень маленькая. И оттого, что Шидла сгреб нас и крепко прижал лапами к брюху.

– С приземлением, – проворчал Стас, гордо высвобождаясь из объятий сфинкса и тряся башкой. – Точнее, с приводнением.

Хорошо, что в конечном счете капсула остановилась потолком вверх. Шидла как ни в чем не бывало улегся между нашими креслами перед пультом и, пустив реактивные двигатели на малый ход, подогнал капсулу почти к самой земле. Крышка откинулась. Мы высунули головы наружу. От зеленого, буйно поросшего тропической растительностью берега нас отделяло еще метра четыре.

Находящаяся над водой часть хроноскафа и окружавшие ее крокодилы сверху, наверное, выглядели как втулка и спицы в велосипедном колесе. Нет, в мотоциклетном – там спицы плотнее набиты. И их в мутно-зеленой прибрежной воде становилось все больше.

– Это очень кстати, – заявил Шидла, спустился обратно в капсулу и вернулся с муми-бластером в лапе. Минут пятнадцать он с остервенением превращал крокодилов в неподвижные болотно-коричневые бревна. Вскоре между капсулой и покрытым красноватым илом краем сухой земли образовался надежный мост, точнее даже настил из одеревеневших рептилий. Но идти по нему было все-таки боязно. При каждом шаге казалось, что именно этот хищник очнется и обкусает нам жуткой пилообразной пастью лишние, по его мнению, конечности.

Но все обошлось. Шидла, двигаясь к берегу, тянул за собой тонкий металлический трос. Выбравшись, он обвязал им ствол ближайшей пальмы, защелкнул карабин и повернул рукоятку на нем. На борту хроноскафа натужно взвыл движок, и капсула стала быстро подтягиваться к берегу.

– Зря ты все-таки наорал на него, – сказал я Стасу. – Что ни говори, инженеры у них классные.

– Ага! – деланно восхитился Стас. – Лебедку придумали! – и глянул на меня презрительно.

Оставляя широкую борозду в почве, капсула уже ползла по берегу. Поворотом рукоятки Шидла остановил ее. А Стас нахмурился и тут только ответил мне всерьез:

– Ничего не зря. Мало ли что инженеры. Обзывать я ему все равно не позволю.

– А он, между прочим, хоть тип и неприятный, а вот спас же нас обоих.

– Нужен ты ему! – скривился Стас. – Ему потомок наш нужен, который сфинкса изобретет. Да еще петлю времени замкнуть надо. А так стал бы он с нами возиться...

Возразить было нечего, но все-таки Шидла вызывал у меня не только отрицательные чувства.

А он тем временем с инструментами в руках уже колдовал возле хроноскафа.

Мы наконец-то огляделись и прошли несколько шагов в глубь зарослей. Пальмы, тростник; похожий на акацию кустарник, разноцветные птицы, бабочки...

– Как ты думаешь, где мы все-таки, а? – спросил Стас. – И в каком времени?

– В том-то и дело, что мы не знаем ни того, ни другого. Если бы знали, что мы, например, в Западной Сибири, то было бы ясно, что попали в доисторическую эпоху. А так...

– Не, – махнул рукой Стас, – если времена доисторические, то должны быть динозавры. А крокодилы – наши, исторические.

– Балбес ты. Крокодилы и при динозаврах жили, это очень даже древние животные.

– И черепахи еще, правильно, – согласился Стас. Я не понял, при чем тут черепахи, но возражать не стал. Тем более что он тут же вполне резонно заявил: – Тогда, выходит, сюда в любой момент тиранозавр выскочить может. Пойдем у Шидлы бластер возьмем.

Мы вернулись к хроноскафу.

– Починишь? – спросил Стас у сфинкса.

– Да, – ответил тот бодро, – завтра будет как новенький. Тогда сможем узнать, в каком мы веке.

– А мы уже почти вычислили, – похвастался Стас, но распространяться не стал, потому что на самом-то деле гордиться было нечем: наличие крокодилов еще ни о чем не говорит. Поэтому он сразу сменил тему: – Дай бластер, мы на динозавров поохотимся.

Шидла прекратил копать в рваной дыре на обшивке и внимательно на нас посмотрел.

– Вот это правильно, – согласился он, – бластер возьмите, мало ли что. – И он протянул мумификатор. – Сам-то я, если понадобится, и так отобьюсь. Но – никакой охоты. Вы не должны упускать друг друга из виду. Тем более солнце уже идет к закату.

– Хорошо, – неохотно согласился Стас, – мы тут, поблизости.

И все же охота получилась. И славная. И с информационной точки зрения полезная. Стоило нам вновь чуть-чуть углубиться в чащу, как из кустов вышел лохматый и рогатый зверь, похожий на буйвола или зубра, и деловито двинулся прямо на нас. Глаза его были налиты кровью, и настроен он был явно недружелюбно.

Я закричал: «Стреляй, Стас, стреляй!» Тот пальнул. Раздался грохот, чаша осветилась молнией, и зверь как подкошенный рухнул в паре шагов от нас.

– Млекопитающее, – разочарованно промолвил Стас. – Костя, динозавров не будет.

Я не разделял его грусти:

– Ну и ладно. Зато будет ужин.

Мы сбегали за Шидлой. Тот немного поворчал на тему изнеженности человеческой расы и неспособности хоть немного потерпеть голод, но тушу все-таки ловко освежевал и перенес к хроноскафу. За сохранность мяса можно было не беспокоиться – после порции муми оно просто не могло испортиться.

Темнело с южной стремительностью, и мы со Стасом, вновь для безопасности захватив бластер, отправились на поиски хвороста. А примерно через час мы уже сидели у шикарного

костра под густо усыпанным звездами небом. И за обе щеки уписывали зажаренные на острых деревянных кольях душистые куски.

Искры от костра мчались вверх, дразня своей красотой, отражаясь в темных тревожащих водах. Шидла был просто неузнаваем. Венерианская спесь слетела с него как шелуха. Подбравшись к самому огню и смачно чавкая, он мурлыкал, как большой счастливый кот, и грубоватым добродушным говором стал походить на какого-то американского негра-раба из «Тома Сойера» или «Хижины дяди Тома». Не хватало только обращения «масса» – «масса Стас», «масса Костя»... Похоже, атмосфера пикника влияла на него благотворно. Да он и сам признался:

– Эх, котята. На Венере-то флоры с фауной вовсе нет. Я свой мир люблю, но хочется порой чего-нибудь такого... Посидеть у живого огня – мечта любого сфинкса. Я вот хоть на Земле бываю. Но это тоже, знаете ли... Тараколли... К каждому их логову проложена стеклопластовая дорожка... Там, в Андах, в заповеднике нет ни одного по-настоящему дикого уголка. Не умеют люди ценить своего счастья!

Стас, хоть и тоже размяк у костра, но духа противоречия напрочь не лишился:

– Сами виноваты, что у вас ничего нет. Кто вас просил останавливать преобразование Венеры?

– Это, котенок, политика, – вздохнул Шидла, – политика, будь она проклята. Если бы мы сделали Венеру пригодной для жизни людей, они или так, или эдак все равно завладели бы ею. Не войной, так миром. Просочились бы. В каждую щелку бы пролезли. Люди... – Он вновь вздохнул. – Если бы не люди, котенок, мы давным-давно превратили бы Венеру в цветущий сад. А если бы...

Но что «если бы», мы так и не узнали, потому что плавную речь Шидлы прервал пронзительный вой из чащи леса. Сфинкс резво вскочил и, крикнув: «Я сейчас!» – кинулся на таинственный звук.

Вернулся он минуты через три, дрожа от возбуждения.

– Кошка, – почти кричал он взволнованно. – Огромная черная самка! Почти такая, как я! Она меня видела!

– Пантера, – определил я.

– Пантера? – переспросил он. – Что такое пантера?

– Дикий зверь из породы кошачьих, – пояснил я. – А бывают еще львицы, тигрицы...

– Это что, тоже... кошки? – не веря своим ушам, уточнил сфинкс. Глаза его пылали сумасшедшим огнем.

– Ну, не совсем, – сказал я. – А что, в двадцать пятом веке их нет?

Шидла уверенно помотал головой:

– Мы бы знали. Есть только кошки и сфинксы... Как, ты сказал, они называются?

– Пантеры, львицы, тигрицы, – вмешавшись, принялся перечислять Стас с садистскими интонациями, – леопардихи, гепардихи, рысики...

– У них ведь, наверное, те же хромосомы, – не дослушав, заговорил Шидла с блуждающей сомнамбулической улыбкой. – Мы бы, наверное, даже могли бы э-э-э... – Он вдруг смутился. – Могли бы...

– Нет, – категорически заявил Стас, – все равно неинтересно. Это как если бы человек с обезьяной. Хотя вообще-то может быть, это и...

Ох и приткий же у меня братец. Откуда что берется?

– Стас! – осадил я его. – У зеленой макаки, между прочим, СПИД нашли.

Шидла, не понимая, о чем идет речь, переводил взгляд с него на меня. Потом вдруг хитро прищурил глаза и заявил:

– Все. Котятам пора спать.

И загнал нас в хроноскоф.

Да мы и не сопротивлялись. Усталость брала свое, благо кресла, наподобие самолетных, имели откидные спинки.

* * *

...Когда на рассвете мы, потягиваясь, выползли из капсулы, Шидла остервенело копошился в ее внутренностях. Вид у него был несвежий. На щеке красовалась глубокая царапина. Не видя нас, он разговаривал сам с собой.

– Все не так просто, брат сфинкс, не так просто, – бормотал он печально, – они большие, они красивые... но – тупые...

– Бывает, – сказал Стас.

Шидла вздрогнул и затравленно оглянулся на нас.

– Пошли на охоту, – торопливо сменил я тему.

– На кой? – удивился мой бестактный брат. – У нас же мяса еще на неделю.

– Ну, пойдем фруктов собираем, – настаивал я, – там финики есть, инжир...

– Ну айда, – согласился Стас.

Шидла не возражал. Точнее, отвернувшись и излучая безмолвное смущение, он вел себя так, словно нас не существует вовсе. И мы, прихватив в качестве корзинки легкий пластиковый футляр из-под его инструментов, двинули в заросли.

Финики, инжир и виноград, которые так и лезли нам в руки с первых шагов, мы поначалу клали не в футляр, а прямо в рот. Так мы углубились в заросли метров на сто, любуясь цветами, наблюдая за потешной игрой обезьян на лианах.

– А вот и твои подружки, – ехидно сказал я Стасу.

– А вот – твои, – мстительно ответил он, кивнув на парочку неприятных животных, наверное гиен, которые, опасливо высунувшись из кустов, провожали нас трусливыми голодными взглядами. И тут я вдруг вспомнил, что на этот раз мы безоружны. Забыли. Я остановился и поделился своими опасениями с братом.

– Да брось ты, динозавров-то нет, – возразил он.

– А буйволы, львы?! А если люди?..

– Какие люди?! Дикая природа! – И он дурашливо закричал: – Люди! Люди, ау!

Люди не заставили себя долго ждать и вышли из-за стволов пальм. Мы оторопело огляделись. Мы были окружены, и люди явно были воинами. Смуглолицые, низкорослые и худощавые, в набедренных повязках, с амулетами на шеях, с темными глазами, разглядывающими нас из-под длинных, украшенных цветными перьями волос. В руках они сжимали короткие копья. «Дротики», – вспомнил я название и картинку в учебнике истории. Только не мог вспомнить, к какой главе эта картинка, к какому периоду.

– Наконечники-то металлические, – сказал Стас без тени страха в голосе; похоже, он уже потерял способность пугаться и удивляться. – Значит, не дикари. – Говоря это, он протянул руку к дротику воина, стоящего буквально в двух шагах от нас. Тот, дико вскрикнув, отскочил в сторону и залопотал испуганно:

– Ымазан лами – дор Апоп умумун²⁶!

А лопотал-то он на чистейшем древнеегипетском!

²⁶ Имеющий белую кожу – слуга черного Апопа (возм., др.-егип.); Апоп – древнеегип. царь тьмы. – Примеч. авторов.

Глава вторая, в которой мы убеждаемся, что наш старый знакомый имеет скверный характер, однако приобретаем и более добродушных друзей

Вначале нас тщательно обыскали. У Стаса отобрали фотографию Кубатая и Шидлин футляр для инструментов. А у меня предводитель египтян нашел уже использованную ракетницу и нетронутую освежающую пастилку кулинара Толяро. Только ключи от музея, лежавшие в кармашке на «молнии», не нашли.

– Ты пожуй, пожуй, – коварно посоветовал Стас. Но предводитель только подозрительно понюхал пастилку и засунул ее за широкий кожаный ремень. Потом он минут пять пытался содрать с наших рук браслеты, но ничего у него не вышло. Думаю, будь браслеты золотыми, он бы не удержался и отрезал бы нам руки. А так лишь вздохнул, на всякий случай дал Стасу подзатыльник и приказал:

– Шомба авилли жави²⁷!

Это ж надо – угодить как раз в Древний Египет! Подфартило!

Стас не выдержал:

– Угар тен Сетга, паз авилла, зап удаунак²⁸!

Египтяне от ужаса разинули рты, а двое даже уронили со страху дротики. Первым оправился предводитель. Он спросил (я сразу буду переводить на русский):

– Вы умеете говорить на языке настоящих людей, дикари?

– Ты – дикарь, – гордо повторил Стас. – Мы – слуги Осириса. И если вы нас немедленно не отпустите, Осирис примет самое жуткое из своих воплощений и покарает вас.

Двое слабонервных стражников принялись бормотать хвалебный гимн Осирису, но их начальник прикрикнул на них, и те замолкли.

– Откуда нам знать, вдруг вы слуги Сета, а нас обманываете? – подозрительно спросил он. – Я – Доршан, верный слуга фараона, тот, кто подпирает его левую туфлю, когда фараон сходит с колесницы на болотистую землю низовий Нила. Как ты докажешь мне, прославленному Доршану, что вы те, за кого себя выдаете?

Мы растерялись. Почему-то мне казалось, что древние египтяне были очень суеверными и обмануть их не стоило труда. А Доршан, удовлетворенный нашим молчанием, приказал слабонервным стражникам:

– Вяжите их крепко. Мы отвезем бледнолицых к фараону, и тот решит, слуги они Осириса или прислужники Сета.

Нам быстренько связали руки за спиной и поволокли через джунгли. Стас грустно сказал мне по-русски:

– Ничего, Шидла нас спасет. Это в его интересах.

Я грустно кивнул. Нам оставалось только надеяться на помощь Шидлы... ну или попробовать обмануть фараона.

– Как зовут-то вашего фараона? – сдуру ляпнул я. Доршан сатанински захохотал:

– Что, слуги Осириса не знают, как звать его наместника на Земле? Ха-ха! Вы попались, прислужники тьмы!

Теперь нас тащили вперед гораздо быстрее и периодически подпихивали тупыми концами дротиков. Стас презрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

²⁷ Быстренько свяжите дикарей! (возм., др.-егип.)

²⁸ Оскверненный объятиями Сета, ты – дикарь, я настоящий человек! (возм., др.-егип.)

Примерно через час мы вышли к реке. То ли к той, где приводнился хроноскаф, то ли к другой – не знаю. Но сфинкса поблизости не было, зато вблизи берега стояла ладья с несколькими охранниками. Охранники, распевая легкомысленную песенку о боге Анубисе²⁹ и его скверных привычках, пихали длинными копьями резвящихся в воде крокодилов. Увидев процессию, они обалдели и быстро подогнали ладью к берегу. Нас погрузили, и ладья двинулась вверх по течению.

Меня со Стасом оставили на корме под охраной двух трусоватых стражников. Те явно были рады не грести, но поглядывали со страхом. Стас поерзал-поерзал и решил завязать разговор:

– Мужики, клянусь, мы слуги светлого Осириса, а не темного Сета! Меня зовут Стас, а моего брата – Костя. Освободите нас, вам же лучше будет!

Тот из стражников, что был помоложе и потолще, откашлялся и важно сказал:

– Я старший держатель подставки для копья младшего копейщика. Меня зовут Быстроногим в беге, Задумчивым в бою, а близкие друзья называют Ергеем. Я бы рад помочь слугам Осириса, да взлетит он так высоко, что не сможет разглядеть, куда спускаться! Но, как верно сказал прославленный Доршан, надо убедиться, что вы те, за кого себя выдаете.

Стас вздохнул и посмотрел на второго стражника. Тот погладил затылок и произнес:

– Я младший держатель ножен меча старшего мечника. Меня зовут Сладкоголосым на пиру, Скромным в сражении, а близкие друзья называют просто Уликом. Я тоже рад бы помочь слугам Осириса, да позеленеет он от радости ярче молодого папируса! Но подлинно ли вы слуги его?

– Ни фига нам не поможет, Стас, – сказал я по-русски.

– Ничего, обхитрим, – крепился Стас. – Только не забудь меня оживить, если что.

– Взаимно, – сказал я.

С низовий реки дул свежий ветерок, наполненный комарами и запахом гнилых крокодилов. Солнышко ласково жгло нам головы. Ергей с Уликом принялись обмахиваться маленькими деревянными щитами. Потом, видимо решив подстраховаться, стали изредка обмахивать и нас. Солдаты, сидящие на веслах, завистливо на них поглядывали, но молчали. Доршан задумчиво глядел вдаль. Возможно, он мечтал, что после нашей поимки его сделают опорой правой туфли фараона при его схождении на сухую почву.

От скуки я задремал, хотя связанные руки и болели. А Стас продолжал болтать со стражниками. Сквозь сон я слышал их разговор и узнал, что Ергей с Уликом были не просто воинами, а еще и придворными шутами. Фараон разгневался на них за какую-то слишком удачную остроту и повелел быть стражниками до особого знака богов. Теперь они тихонько надеялись, что наше появление и есть то знамение, которое вернет им фараонову милость. Тем более что у фараона намечалась свадьба с новой женой и он должен быть в хорошем настроении. Услышав это, я совсем загрустил. Слишком много надежд питали все в связи с нашим появлением, чтобы так просто взять и отпустить.

Ближе к вечеру нас напоили забортной водой и покормили толчеными стеблями папируса. Выглядели они аппетитно, но по вкусу напоминали жеваный картон. Зато вода была именно тем, чем она и выглядела: грязной речной водой. Глядя на Доршана, который задумчиво грыз вяленый крокодилий хвост, я начал злиться. Ох и задаст же этим балбесам Шидла... если найдет нас, конечно.

Потом мы проплыли мимо пирамид. Так, ничего особенного. Пирамиды были маленькие и жалкие, даром что облицованные белым известняком. Мы, наверное, попали в очень древний и слабо развитый Египет.

²⁹ Анубис – бог царства мертвых. – *Примеч. авторов.*

Но даже самые нудные поездки однажды кончаются. Мы подплыли к городу – там было очень много маленьких, крытых папирусом хижин и десятка два больших каменных зданий. Нас выгрузили и повели в самое большое и каменное. Идущие по улицам кривоногие крестьяне и криворукие ремесленники низко кланялись стражникам и разевали рты, глядя на нас. Десятка два голых и грязных детей увязались следом, но Ергей метко запустил в них камнем.

– Египет времен упадка, – грустно сказал Стас.

– Наоборот, времен становления, – возразил я. – Они еще не успели ничего толком настроить. Лет через тыщу – настроят!

– И надорвутся, – предсказал Стас. Он был сегодня агрессивен.

Во дворце по крайней мере было тихо. Возле входа стояло с десятков колесниц, которые тер грязным пучком травы однорукий солдат. Наверное, ветеран какого-то похода. Колесницы были довольно скромными и изрядно потрепанными. Только одна выглядела добротно и была украшена разноцветными перьями. Стас предположил, что это – колесница фараона. Он спросил у Ергея, но оказалось, что шикарная колесница принадлежит верховному богу Ра и кроме него никто, даже фараон, в ней ездить не смеет. Впрочем, и Ра своим правом как-то не злоупотребляет.

Во дворце нас притащили в огромный зал, где сидело с десятков хорошо одетых (в разноцветных юбках) вельмож и стояли человек двадцать охраны. Тут нас и оставили ждать фараона, пока Доршан бегал докладывать об удивительных пленниках.

Пока мы стояли и ждали, из приоткрытой двери осторожно скользнула в зал кошка. Противная до жути, настоящая древнеегипетская. Стас обрадовался и стал ее звать:

– Кис-кис...

Наверное, решил, что если священное животное к нам хорошо отнесется, то это произведет благотворное впечатление. Кошка наострила уши, подумала и робко пошла к нам. Но Улик схватил дротик и без лишних разговоров поддал им кошке под зад. Та мяукнула, обиженная в лучших чувствах, и убежала.

«Бедный, – подумал я об Улике. – Умом тронулся от радости. Сейчас его сварят в кипящем масле».

Но придворные одобрительно захохотали. И я сообразил: эти египтяне такие древние, что кошки у них еще не стали священными животными.

И тут раздался барабанный бой. Какой-то мужичок с окладистой бородкой выскочил на середину зала и сказал:

– Приветствуем дружными аплодисментами и падением на пол появление земного воплощения Гора, владыки Нижнего, Верхнего и прочего Египта, четырехкратного победителя в гонках на боевых колесницах, автора «Малой молитвы владыке Земли» и трактата «Об укушении крокодилом и последующем исцелении» – великого фараона Неменхотепа IV!

Все попадали на пол, и я понял, почему во дворце было так чисто. Нас со Стасом тоже заставили улечься.

Прошла пара минут, и по звуку шагов мы догадались, что появился фараон. Лежащие придворные начали громко аплодировать. Мы со Стасом не стовариваясь присоединились к аплодисментам. В нашем положении особенно важничать не стоило...

Но вот овации отгремели, и нам позволили подняться. Мы глянули на пустой ранее трон... и обомлели. Важно рассевшись на нем, закинув ногу за ногу, нацепив на голову сразу две короны, на нас смотрел старый знакомый – фараон из музея! Только сейчас он был живым и, наверное, поэтому не казался таким злым.

С перепугу меня посетило вдохновение: я понял, что наш рейтинг слуг Осириса поднимет длинное и складное заклинание на неизвестном фараону языке.

– Пой! – сказал я Стасу.

– Что? – не понял он.

– Что угодно, но по-русски!

Стас очумело глянул на меня, но послушно набрал полную грудь воздуха и запел шлягер сезона, песню «Осень» Шевчука:

Что такое осень? Это небо,
Плачущее небо под ногами...

Писклявый голосок Стаса, тянущий непривычный для египтян мотив, произвел действительно сильное впечатление. Фараон вдруг закашлялся, прижимая ко рту рукав, Ергей с Уликом закрыли глаза и стали легонько помахивать в воздухе копьями, а Доршан выхватил короткий бронзовый меч и угрожающе поднял его в воздух. Не давая египтянам опомниться, я запел на их родном языке самый умиротворяющий кусок из «Воскресения Осириса»:

Удовлетворен Атум, отец богов,
Удовлетворен Шу с Тефнут,
Удовлетворен Геб с Нут...
Удовлетворены все боги, находящиеся на небе,
Удовлетворены все боги, находящиеся в земле,
находящиеся в землях,
Удовлетворены все боги южные и северные,
Удовлетворены все боги западные и восточные,
Удовлетворены все боги номов,
Удовлетворены все боги городов...

– Хватит, – прервал меня фараон, – все довольны. Верю. Пусть твой брат прекратит пиццать. Лучше расскажите мне свою историю.

Да, с суевериями у египтян тяжело... Зато фараон казался миролюбивым. Пока Стас прекращал петь (он это сразу делать не умеет, а затихает, как проигрыватель, выдернутый из розетки), фараон еще раз закашлялся. И когда он отнял рукав ото рта, я увидел темное пятно. Туберкулез, догадался я, чахотка.

Немного успокоившись, я рассказал фараону всю правду. О том, что мы с братом – слуги Осириса, похищенные им далеко на севере сто лет назад. И о том, как Осирис решил искупаться в Ниле и взял нас с собой, чтобы мы несли его сандалии (Доршан, гордящийся своей честью подпирать сандалии фараона, побелел от зависти). И вот сейчас нас взяли в плен глупые солдаты, а всеблагой Осирис стоит среди крокодилов в грязной воде и ждет свою обувь. Так что нас нужно поскорее отпустить.

– А где сандалии-то Осирисовы? – поинтересовался фараон хитро. – Хоть взглянуть бы одним глазком...

– Мы их выростили, когда стражники напали, – вмешался в разговор Стас. – А они сразу стали невидимыми. Так и лежат на берегу.

Ой, зря это Стас начал мистику примешивать! Мой деловитый рассказ о купании Осириса фараона как-то развеселил, а тут он снова помрачнел.

– Что посоветуют мне придворные? – поинтересовался фараон. – Что с этими врунами делать?

Придворные переглянулись. Наконец один вышел вперед:

– О всеблагой фараон, стопами попирающий земную твердь, головою окунающийся в небесную реку, я, как ты помнишь, Ашири, твой советник от Севера. Наши предки говорили: не клади всех детей в одну лодку. Это мудрая мысль, она означает: предусматривай любые

неожиданности. Даже если белые чужеземцы не слуги Осириса, следует отнестись к ним с почтением и отпустить. На всякий случай.

Мне очень понравились слова Ашири, я едва не заплодировал. Но тут вперед вышел другой советник и сказал:

– Я, Гопа, представитель солнечного Юга и верховный жрец бога Ра, против такого мягкосердечия! Надо отстегать их плетью во славу Осириса, а тогда уж выгнать вон! Если они – слуги Сета, то Осирис будет доволен. А если слуги Осириса, то светлый бог не обидится, что мы побили их за нерадивость.

Жрец мне меньше понравился. Но все-таки – отпустить...

Добрый фараон еще раз прокашлялся, а потом заявил:

– Оба вы не правы, мои мудрые советники. Мы поступим так: отнесемся к незнакомцам с почтением и посадим их в лучшую темницу. Ту, что для моих строптивых родственников. Будем кормить их мясом и поить пивом, а послезавтра, в день моей свадьбы с прекрасной Хайлине, сожжем обоих на шикарном костре из сандалового дерева. Осирис не пожалеет для меня двух своих слуг. Тем более таких нерадивых, что не уберегли его сандалии.

И величавым жестом фараон дал понять, что аудиенция окончена.

– ...Это ты виноват, – бубнил Стас, сидя на куче соломы в лучшей темнице фараона, – ты старший. Должен был что-то придумать и спасти нас.

– Ты пел плохо, – огрызнулся я, – а у фараона слух музыкальный. Вот он и рассердился.

Стас примолк и подошел к решетчатой двери, за которой в маленькой комнатке сидели наши стражи: Ерегей с Уликом. Схватился за решетку, как павиан в зоопарке, и замер.

Стражники не обращали на него внимания. Ерегей чертил дротиком на мокром глиняном полу иероглифы и смеялся от радости, если получалось. Улик, подперев голову ладонью, негромко пел.

Стас немного повнимал песне, а затем крикнул:

– Эй!

Улик, прекратив мурлыкать мелодию, повернул голову:

– Чего тебе, слуга Осириса?

– Пить хочу! – заявил Стас.

– Пиво? – спросил Улик.

– А хоть бы и пиво, – ответил Стас.

Улик подал ему через решетку маленький кувшинчик.

– Алкоголик, – подтвердил я прежний диагноз.

Стас смутился:

– Ну, в будущем же пили, надо теперь в прошлом попробовать...

Он понюхал пиво, опустил туда палец, осмотрел его и брезгливо сказал:

– А может, и не надо.

Ерегей, у которого получился сложный иероглиф «воин», разразился веселым смехом. Улик посмотрел на него, потом шепотом спросил:

– Эй, слуги Осириса, хотите свежих сладких фиников? И чистой воды из колодца?

– Когда Осирис придет за нами, тебе зачтется твоя доброта, – сказал оживившийся Стас.

– Да Сет с ним, с Осирисом. Меня тут просят закон нарушить... ну, пропустить одну дамочку поглазеть на вас. Она мне за это денежку даст. А я вас не обижу. Только никому не говорите, ладно?

– Мы не в зоопарке! – возмутился Стас и затряс руками решетку. – Не фига водить всяких! За горсть фиников Осириса продаешь!

– Да остынь, – прикрикнул я на него. – Фиников свежих хочешь?

– Хочу, – молниеносно сменил тон Стас. – Ладно, Улик. Только вначале финики, потом дамочка.

– А можно наоборот? Дамочка вечером, а финики утром?

– Можно. Только финики вперед, – ответил начитанный Стас. Улик задумался.

– Эй, слуги Осириса, как по-древнеегипетски будет «сорок»? – крикнул нам Ергей. Он, видно, начал тренироваться в счете.

– Перумга, – буркнул Стас. – Ну что, Улик?

– Темно уже, как я финики рвать буду? – пробовал сопротивляться Улик.

– Твои проблемы, – отрезал Стас.

Улик вздохнул и удалился за финиками. Ергей разулся и загибал пальцы на ногах. Наверное, отмечал десятки. Как на счетах. Стас тоже это понял, потому что спросил:

– Интересно, а чем он первую сотню отметит?

– Молчать, – вяло приказал я. – Тоже мне Ржевский нашелся.

– Скучно, как на необитаемом острове, – пожаловался Стас. Но тут вернулся Улик с гроздью фиников.

– На базар пришлось бегать, – пожаловался он нам.

– Дорого? – участливым тоном поинтересовался Стас, уплетая финики.

– Как вам сказать... – вытирая куском папируса дротик, уклончиво ответил Улик.

Я подавился фиником, а толстокожий Стас лишь пожал плечами и произнес:

– Не могу сказать, что мне такой товарообмен совсем уж не нравится.

Я подумал и тоже продолжил пожирание фиников. И тут в дверь тихо постучали. Улик сбегал к двери, отпер засов, выглянул и принялся часто кланяться, говоря:

– Входите, молодая госпожа, входите, слуги Осириса лежат у ваших ног.

Мы уставились на дверь. И увидели девочку лет двенадцати, смуглую и тонколицую, закутанную в разноцветные накидки. В ее волосы был воткнут стебелек зеленого папируса. Мне она сразу понравилась.

– Ха, соплячка какая-то, – грубо сказал Стас. Хорошо хоть по-русски сказал. Я дал ему подзатыльник. За непочтительность.

– Ты чего? – обиделся Стас. Но потом глянул на меня внимательно, прищурился и ехидно бросил: – Все ясно. Влюбился, братик.

Тут девочка подошла к самой решетке и ласково на очень мелодичном древнеегипетском сказала:

– Мальчики, бедные, вас тут хоть кормят?

– Откуда ты знаешь, что мы мальчики? Мы ростом со взрослых! – с подозрением посмотрел на нее Стас.

– Ну и что? Это взрослые боятся поверить, что вы можете быть детьми, но с них ростом. Ведь тогда ваши родители – великаны. А я-то вижу – у вас лица глупенькие.

Я взглянул на Стаса, ожидая услышать от него поток встречных оскорблений. Но мой вздорный братец смотрел на девочку и жмурился, как наевшийся сгущенки котенок. Да уж, если кто у нас влюбился – так это он.

– Как ты смеешь так нагло говорить со слугами Осириса? – неуверенно возмутился я.

– Так и смею! – девочка надула губки. – Я – Хайлине, невеста фараона. Вот! Что хочу, то и ворочу!

– Тогда... Может, ты нас спасешь? – неуверенно спросил Стас. Хайлине покраснела и опустила глаза.

– Ой, ребята... Нет, не смогу. Я же только невеста, а не жена. А когда стану женой – вас уже сожгут.

Мы подавленно молчали.

– Я прикажу, чтобы вам дрова маслом облили, – попробовала утешить нас Хайлине. – Вы тогда быстро сгорите, раз – и готово!

Но нас это не утешило. Тут к Лине (мы со Стасом не сговариваясь так ее стали звать) подошел Улик и грустно сказал:

– Сейчас будет проверка караула, молодая госпожа. Уходите. Посмотрели – и будет.

Лина взглянула на наши печальные лица и спросила стражника:

– А можно завтра еще подойти?

– Завтра? Да мы хотели смениться...

– Полталанта серебра дам, – прошептала Лина.

Улик клацнул зубами и сказал торопливо:

– Можно завтра. Можно послезавтра. Все можно.

Лина помахала нам рукой и вышла.

А мы с братом начали устраиваться на ночь: разгребли солому на две кучи и улеглись на них.

– А дома сейчас ужин, – мечтательно сказал я, глядя на решетку. – Макароны с мясом.

– Уймись, тревоугольник, – замогильным голосом отозвался Стас. А через минуту, когда я уже стал засыпать, добавил:

– Такую девчонку встретили – и вдруг умирать надо. Обидно...

Мне тоже было обидно. Поэтому я стал придумывать, как бы нам все-таки отсюда выбраться. И уже почти придумал, но заснул.

Глава третья, *трагическая*

Хайлине пришла утром.

– Мальчики, расскажите что-нибудь, – попросила она, – о землях, откуда вы пришли, о том, как там люди живут... Здесь у нас так скучно, просто ужас. Ничего не происходит.

– Но как-то вы все-таки развлекаетесь, – неуверенно возразил я.

– Да, – задумчиво ответила она, – иногда какого-нибудь пленника-нубийца крокодилам скармливают. Только мне это уже давно надоело.

Я опасливо глянул на нее и поспешно сменил тему:

– А я читал, у вас, в Древнем Египте, театр очень развит.

– Театр? – удивилась Лина. – А что это такое?

– Ну, это когда мужчины и женщины переодеваются и играют разные сценки.

– Сценки? – снова переспросила она.

Вот как ей объяснить?

– Они изображают из себя других людей, – выручил меня Стас.

– Они врут, – поняла Лина. – Да, это, наверное, очень интересно. Только у нас за вранье тоже крокодилам скармливают.

– Да-а, – протянул Стас, – весело вы тут живете.

– Вот я и говорю, – вздохнув, сказала Лина. А потом спросила с надеждой: – Слушайте, а если я вам сбежать помогу, вы мне театр покажете?

Ответить утвердительно у меня язык не повернулся: не люблю я врать людям, которые мне нравятся. Но все-таки поинтересовался:

– А что, ты правда можешь нам помочь?

– Вообще-то нет, – грустно призналась она. – Если бы могла, я бы сама давно сбежала.

– Тебе-то зачем? – удивился Стас. – Ты же невеста фараона. Завтра свадьбу сыграешь, станешь фараоншей. У тебя куча слуг будет, куча рабов, наряды там всякие, сокровища... – Он, распаясь, говорил так, словно собственные слова причиняли ему боль, а Лина, слушая

его, хмурилась и становилась все мрачнее. Заметив это, Стас продолжил с каким-то жестоким злорадством: – И фараон у тебя симпатичный. Молоденький такой. Любить тебя будет. Тебе же интересно, да ведь?

Вот гад! Меня аж перекосило от его наглости. И еще я понял: он ревнует отчаянно, вот и психует. А Лина ударила кулачком по решетке и закричала:

– Замолчи, дурак! Какой же ты дурак! – И сразу же заплакала навзрыд.

Стас оторопело замолк, а Улик, до тех пор не вмешивавшийся в беседу, на этот раз заметил:

– Ну все, хана вам, слуги Осириса.

Я не очень понимал, чего Лина расплакалась. Ну, нахамил ей Стас, тем же и ответила бы. Ее, во всяком случае, на костре сжигать не собираются. Наверное, ей просто фараон не нравится. Я попытался успокоить ее:

– Лина, ну что ты, перестань. Фараон как фараон, нормальный...

– Что бы вы понимали, мальчики, – перебила она, беря себя в руки. – Вы думаете, меня спрашивали, хочу я замуж или не хочу? Неменхотеп приказал всех девчонок ко дворцу пригнать, прошел, ткнул в меня пальцем, «вот эта», говорит. И все. И больше я ни папу, ни маму не видела.

– Их к тебе не пускают? – жалостливо спросил я.

– Казнили их, – тихо ответила она, и две запоздалые слезинки скатились по ее щекам.

– Как это казнили? – опешил я. – За что?

– За то, что папа был простым гончаром, а мама – женой простого гончара. А у фараона не может быть родственников низкого происхождения.

– Ну и логика, – поразился я. А у Стаса лицо стало такое, будто он тоже собрался плакать.

– Лина, прости меня, – сказал он просто, и я даже зауважал его. – Я сам не знаю, что на меня нашло.

– Да ладно. – Она вытерла слезы. – Ты же не знал ничего. К тому же скоро я встречусь с ними, – и она улыбнулась.

– С кем? – не понял я.

– С папой и мамой, – ответила она, продолжая мечтательно улыбаться. – Ведь фараон тяжело болен и знает, что скоро умрет. А вместе с ним в царство мертвых отправятся его самые любимые слуги и, конечно, жена. Он для того и женится, чтобы в землях Анубиса у него была молодая жена.

У меня комок подкатил к горлу, а Лина продолжала:

– И я не боюсь туда уйти, ведь сказано же в первой песне жреца Неферхотепа: «Время, которое проводится на этом свете, – сон». А в землях Анубиса меня ожидает пробуждение в прекрасном мире, и там я снова найду своих родителей.

– Религия – опиум для народа, – по-русски пошутил Стас невесело. И закончил философски: – А может, так и лучше...

В это время глаза Лины окончательно высохли, и она сказала, понизив голос, так, чтобы не услышал Улик:

– Но иногда все-таки страшно. Сказано в песне арфиста: «Оттуда никто не приходит обратно». И вдруг прав герой Ани, который не верил в царство мертвых? Так говорил он богу Агуму: «Нет в той пустыне воды, она глубока-глубока, она темна-темна, она вечна-вечна». Порой я думаю так же.

И тут я вдруг допридумал то, что начал придумывать вчера перед сном.

– А фараон хотел бы вылечиться? – спросил я для начала.

– Конечно, – ответила Лина. – Только никто его вылечить не может. Он уже двенадцать лекарей крокодилам скормил, а двоим повезло: он их отравил ихними же лекарствами.

Отлично! То есть не то отлично, что лекарей поубивали, а то, что я выяснил главное.

– Лина, – сказал я, – по-моему, ваш Ани прав. А раз так, тебе нужно спастись. Если мы отсюда выберемся, мы тебя возьмем с собой. Там, откуда мы пришли, тебя будут учить в школе, ты будешь ездить на машинах, летать на самолетах...

– А кто такие самолеты?

– Не кто, а что, – поправил я. – Самолеты – это такие большие серебряные птицы, внутри которых сидят люди.

Зря я про самолеты начал. Сразу почти напрочь потерял ее доверие. Сначала-то она мечтательно протянула: «Красиво...» – но потом вдруг встряхнула головой и сказала:

– Мальчишки любят придумывать. Это нечестно. Я-то вам всю правду рассказала.

– Да Сет с ними, с самолетами, не это главное, – постарался я исправить положение. – Я тебе клянусь, что там тебе будет хорошо. И уж точно никто там тебя не заставит замуж выходить.

– И что же, я всю жизнь буду жить одна?

– Почему одна?! Станешь старше, сама себе мужа найдешь. Который понравится.

Тут Стас сделал вид, как будто что-то уронил, и принялся лазить по глиняному полу камеры. Но я-то понял, зачем он там лазает: чтобы мы не заметили, как он покраснел.

Но Лина на него вовсе не обращала внимания. Она напряженно думала. Наконец повторила брезгливо:

– Сама найду мужа? Но ведь это стыдно! Женщина не должна искать себе мужа.

Прямо «Белое солнце пустыни» какое-то. Только паранджи не хватает.

– Ладно, – продолжал я, чувствуя, как удача ускользает между пальцев. – И с мужем тоже, Сет с ним. Главное – не убьют тебя. А жить нужно, потому что никакого царства мертвых нет.

– А ты откуда знаешь?

– От верблюда, – огрызнулся я, хотя слова «откуда» и «от верблюда» в древнеегипетском совсем не рифмуются. Но почему-то именно это ее сразу убедило. Может быть, в этом совсем древнем и отсталом Египте вместо кошек священные животные – верблюды?

– Хорошо, – сказала она. – Только как вы спасетесь? Отсюда не убежишь.

– Ты с фараоном можешь поговорить?

– Могу конечно. Только я стараюсь лишний раз с ним не встречаться.

Стас к этому времени уже оправился от смущения и с любопытством прислушивался к нашему разговору.

– Придется встретиться. Передай ему сегодня же, что я – великий лекарь своего народа и могу исцелить его за пять минут.

– Это правда? – не поверила она.

– Честное слово, – ответил я. – С помощью волшебных браслетов...

– ...и специальных заклинаний, – влез Стас.

– А это еще зачем? – спросил я его по-русски.

– Пусть думают, что без нас не справятся, а то браслеты отберут, а нас все равно поджарят.

«Умен», – удивился я мысленно. А Хайлине, подумав, сообщила:

– Сегодня я ему ничего передать не смогу, он сегодня свадебную юбку примеряет. Только завтра утром.

Времени оставалось в обрез.

– Постарайся пораньше, – попросил я.

– Хорошо, – кивнула она. – Только, мне кажется, фараон тебе не поверит.

– А ты скажи ему – пусть попробует. Если я наврал, меня все равно на костре сожгут, так ведь? А вдруг не наврал?

– Хорошо, попробую, – пообещала она и, попрощавшись, вышла.

– И какое заклинание мне читать прикажешь? – спросил я Стаса, когда дверь за ней закрылась.

– Да какая разница, – махнул он рукой. – Главное – по-русски. Хоть считалочку какую-нибудь возьми.

Глава четвертая, в которой я вспоминаю про двойную уху

– Ну и как это, интересно, вы меня лечить будете? – спросил фараон, когда Улик и Ергей привели нас утром к нему. Мы в это время, само собой, лежали у его ног. Традиция такая. Традиции уважать надо. Пульты-оживители мы предусмотрительно отстегнули от браслетов и сунули в карманы.

– О всеблагой фараон, попирающий... – начал я, но забыл, чего он там попирает, – попирающий...

– Стопами небо, а головой – земные недра! – помогая мне, выкрикнул Стас. Окружающие фараона вельможи и советники ахнули и в ужасе закрыли лица руками.

– Так, – сказал Неменхотеп, – по-вашему, выходит, я стою вверх ногами. Хорошее начало. Поехали дальше.

– Не слушай моего бедного брата, – сказал я торопливо. – Он слегка ослеплен твоим сиянием, вот и двинулся рассудком.

Стас недобро зыркнул на меня, но благоразумно промолчал. А я продолжил:

– Недуг твой, о фараон, проистекает от чрезмерной мудрости твоей и величия.

Неменхотеп понимающе покивал:

– То-то я гляжу, все мои советники такие здоровые.

Советники потупили взоры.

– Говори, – благосклонно кивнул мне фараон.

– Для полного исцеления нужно надеть на запястье вот этот браслет, – я поднял над головой руку. – После чего я прочту особое заклинание.

– И все? – недоверчиво поджал губы фараон.

– Все.

– А вместе с болезнью мои мудрость и величие не того...

– Нет-нет, не бойся, – заверил я.

– Ну давай попробуем, – протянул он руку. И я было начал отстегивать браслет, но меня остановил Стас.

– Пусть сначала гарантии даст, – шепнул он по-русски, – а то мы его вылечим, а он на радостях нас опять же зажарит.

Резонно. Я остановился.

– А как я могу быть уверен, что, когда тебя вылечу, ты нас отпустишь?

– Фараон сидит перед ним с протянутой рукой, а он еще смеет рассуждать! – поднял густые брови Неменхотеп. – Вообще-то я с самого начала подозревал, что вы – непочтительные отпрыски пустынного шакала, а теперь окончательно убедился. Давай сюда, говорю! – и он слегка наклонился, вытянув руку еще ближе ко мне.

Но отступать было некуда, и я упрямо сказал:

– Гарантии нужны, гарантии.

– А слово фараона тебе, значит, не гарантия? Все слышали? – обернулся он к придворным. – Писец, занеси-ка в протокол: «Слово фараона ему до светильника».

В этот момент в зал влетел воин, согнувшись в три погибели, пробрался вдоль стенки к верховному жрецу Голе и что-то зашептал ему на ухо. Выслушав воина, тот выступил вперед и сначала в знак обожания поднял обе руки вверх, а затем, пав ниц, разразился речью:

– О всеблагой фараон, взглядом испепеляющий врагов Египта и при этом даже ни капельки не потеющий! Эти непочтительные дети пустынного шакала с самого начала не вну-

шали мне доверия. А только что стало известно, что они взяли да и отравили предводителя твоей гвардии. Вот.

Это было чистейшей воды враньем. Но я от такого просто онемел. Зато фараон прямо-таки развеселился.

– Да ты что?! – воскликнул он обрадованно. – А как это они сумели? Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее.

– Пусть говорит очевидец, – заявил жрец смиренно и отступил на шаг, пропуская вперед воина. Тот рухнул наземь и заголосил:

– О всеблагой фараон, благостью своей веселящий Осириса, гневом же устрашающий Апопа, мудростью же поражающий...

– Ладно-ладно, – остановил его Неменхотеп, – богов у нас много. Давай по делу.

– Короче, когда мы их взяли, – заикаясь от волнения, начал воин, – мы их обыскали. И наш начальник – Доршан – что-то на вид съедобное нашел. И пахнет аппетитно. А вот этот, – кивнул он на Стаса, – говорит: «Пожуй, пожуй, вкусно». Но мы тогда сытые были, и Доршан это съедобное припрятал. А сегодня за завтраком взял да и съел. И тут же уснул мертвым сном. Спит и спит, и разбудить его никто не может.

– Где он сейчас?

– А здесь, за дверью, мы его принесли.

– Внесите тело.

Воин кинулся вон из зала, а через мгновение с другим копьеносцем внес тростниковые носилки со сладко спящим начальником. Лицо Доршана озаряла блаженная улыбка, из тонкого губного рта тянулись слюнки.

Неменхотеп закашлялся, а прокашлявшись и отхаркавшись в поднесенную рабом плевательницу, протянул:

– Да-а... – а потом еще раз: – Да-а... – И обернулся к Стасу: – А ты, значит, так и сказал ему: «Пожуй, мол, пожуй, вкусно»?

– Сказал, – подтвердил Стас виновато, беспомощно глянув на меня.

– Занеси в протокол, – кивнул фараон писцу. – Перед словом «сказал» добавь «коварно». – И, вновь обернувшись к нам, потер ладони: – Ну, братцы, это в корне меняет дело. Я и так-то вам не верил, а вы, оказывается, еще и отравители.

Он встал и, приняв величественную позу, обратился ко всем:

– В конце концов, у меня сегодня свадьба с прекрасной Хайлине и мне давно пора готовиться к этому судьбоносному событию, а не тратить мое драгоценное время на этих опасных шарлатанов. Готовьте костер. А над ним котел с оливковым маслом подвесьте. Лучше их сварим, так интереснее будет. Правильно?

Вельможи подобострастно заплодировали. Неменхотеп скромно раскланялся. Громче всех хлопал жрец Гопа, и я почему-то сразу понял, что он-то поверил в наши медицинские способности, а теперь радуется, что мы лечить фараона не будем и тот скоро умрет.

И тогда я возопил (а что мне оставалось делать, как не возопить?):

– О всеблагой и всемогущий! Мы не отравили твоего военачальника! Он просто спит, а когда проснется, будет еще сильнее и отважнее, чем раньше! Клянусь отцом твоим – сияющим богом Ра – мы не обманываем тебя. Силой, дарованной господином моим Осирисом, я могу не только вылечить тебя, а даже воскресить мертвого. Испытай меня, прикажи принести сюда мертвого, и я воскрешу его!

Неменхотеп с новым интересом посмотрел на меня и уселся обратно на трон.

– У нас никто не умер? – обвел он взглядом окружающих. Те отрицательно замотали головами.

– А никто не хочет?

Вельможи замотали головами еще интенсивнее.

– Тогда так. Мы сегодня твоего братца сварим, а ты его воскресишь. Если получится, будешь меня лечить, а потом мы, может, вас и отпустим. А если не получится, и тебя сварим. Ясно? Все. Аудиенция окончена. – Он резво встал, но тут же согнулся, сотрясаемый очередным приступом чахоточного кашля.

Обрадованные тем, что для эксперимента никого из них не убили, вельможи, громко славя мудрость фараона, под шумок поспешили к выходу. А нас стражники потащили обратно в темницу.

На Стаса было страшно смотреть. Он сразу как-то поскуцнел. А успокаивать его у меня язык не поворачивался. Почему-то я чувствовал себя виноватым.

Часа два Стас провалялся на соломе, отвернувшись носом к стене. Я тоже лежал молча. Чего тут скажешь? Было страшно. И не только оттого, что браслет может не сработать. Даже если сработает, это же, наверное, больно – вариться в кипящем масле.

А потом дверь камеры отворилась, и Ерегей, смущенно поглядывая на нас (мы же ведь почти подружились), спросил:

– Кто тут из вас младший?

– Ну я, – сел Стас.

– Велено тебя в храм отвести.

– Зачем это?

– Подготовиться тебе надо.

– Как это – подготовиться?

– А я откуда знаю?! – разозлился Ерегей, видно, решив грубостью заглушить проблески совести. – Мое дело маленькое: велено привести, я и приведу. Вставай давай!

Стас покорно поднялся.

– Стас, – позвал я.

Он обернулся:

– Чего тебе?

Я стянул с руки свой браслет и подал ему.

– Надень этот тоже, а пульт мне отдай. Так надежнее будет.

Он не стал спорить, надел браслет на свободную руку и протянул мне дистанционный блок.

– Ладно, Костя, – сказал он. – Ты себя не вини. Ты тут ни при чем. Не поминай лихом. Если оживители не сработают, передай Лине, что я... – Тут он не выдержал и всхлипнул.

– Дурак ты, – обнял я его порывисто, – если не сработают, меня сразу за тобой сварят. А если сработают, тогда ты сам все скажешь.

Мы еще постояли так, обнявшись, несколько секунд, а потом он сам обернулся к Ерегею и сказал:

– Пошли.

...Поглазеть на фараонову свадьбу народу сбежалось много. Люди стояли по обочинам дороги и кидали в процессию цветы и фрукты. Почему-то не совсем свежие. Наверное, свежих было жалко. А сама процессия выглядела довольно убого.

Впереди двое широконосых рабов-нубийцев катили на четырехколесной повозке транспарант с надписями: «Да здравствует Ра!», «Слава Осирису!» и «Жрецы и фараон – едины!» За транспарантом еще четверо рабов тащили паланкин с Неменхотепом и Линой. В разноцветной праздничной одежде она была особенно красивой, но казалась еще младше, чем когда приходила к нам в темницу. С фараоном она гляделась как внучка со сварливым дедушкой.

Потом шли музыканты с барабанами и флейтами. Но консерваторий они явно не кончали. Их стук и завывания сливались со скрипом следующих за ними колесниц вельмож. Колесниц

было десятка два, причем по количеству разноцветных ленточек и страусиных перьев в гривах лошадей легко было определить, кто побогаче, а кто – победнее.

Последним под конвоем Улика плелся я.

Когда процессия достигла берега Нила, на высокий деревянный помост забрался жрец Гопа и, приставив к губам бронзовый раструб, прокричал:

– Да здравствует фараон Неменхотеп IV, самый солнцеликий из всех фараонов! Ура!

– Ура, – откликнулась толпа без особого энтузиазма.

– Да здравствует невеста фараона, самая прекрасная девушка долины Нила! Ура!

– Ура! – отозвались зеваки немного повеселее.

Что-то мне все это напоминало, но я не успел как следует подумать, потому что народ вдруг оживился и, пихая друг друга локтями, стал указывать на что-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел Стаса. Его везли на такой же четырехколесной тележке, что и транспарант. Он сидел на маленькой табуреточке и с головы до ног, как новогодняя елка игрушками, был увешан овощами. В руках он держал по сладкому перчику, а из-за ушей у него торчали веточки укропа.

– Вы что, его есть собираетесь?! – испуганно спросил я Улика.

– Не, не мы, – словно оправдываясь, пояснил тот, – боги будут. Им ведь жертва.

– И меня тоже так?..

– Не, с тобой проще, ты ведь в том же бульоне вариться будешь.

Совсем некстати я вспомнил рыбацкий термин «двойная уха».

Повозка со Стасом, обогнав процессию, приблизилась к помосту. Двое нубийцев помогли ему спуститься на землю, а затем под барабанную дробь взойти по ступеням. Жрец уже соскочил вниз и запалил костер, над которым был подвешен огромный котел. Мгновенно занявшись, пламя принялось жадно лизать его днище.

– Братья-египтяне, – пискнул Стас сверху. Потом набрал в легкие побольше воздуха и начал снова, но регистром ниже, а потому весомее:

– Братья-египтяне! Настанет день, и вы сбросите со своих натруженных плеч ненавистное иго фараонов! Победоносная рука истории беспощадно сотрет их гнусные имена со страниц... – Он замялся, видно, забыв, с каких страниц. Братья-египтяне, открыв рты, тупо смотрели на него в ожидании. – Со страниц... – повторил Стас, а потом решительно тряхнул головой и закончил: – Вообще сотрет!

Стебелек укропа вылетел у него из-за левого уха, и Гопа, который, сменив нубийцев, уже снова забрался наверх, аккуратно приспособил стебелек на прежнее место. Не обращая на это внимания, Стас возобновил речь:

– Время все расставит по своим местам, и пирамиды, которые вы строили своими мозолистыми руками, станут национальными музеями. И ваши внуки, внуки простых крестьян и ремесленников...

– Кончай пропаганду, – перебил его жрец, – кипит уже. Пора. – С этими словами он высыпал на Стаса горсть соли и, пихнув в спину, толкнул его в котел.

Толпа ахнула, я зажмурился, судорожно засунул руки в карманы и щелкнул переключателями оживителей. Может быть, рановато, Стас еще и свариться-то не успел, но очень уж мне его было жалко.

– Слава тебе, Ра, высокий могуществом, ставший сам, не имевший матери, – нараспев затянул Гопа. – Растут деревья по воле твоей, и родит пищу поле. Покорны тебе небо и звезды. Корона крепка на челе твоём, подчинены тебе смертные, подвластны и боги. Вкуси же даров наших и будь милостив к нам отныне. Ладно?

И тут из котла высунулся Стас. Держась за края котла, он потряс головой, вытряхивая масло из ушей, и обиженно заорал:

– Придурки, горячо ведь!

Я обрадовался: значит, как я и надеялся, пока оживители включены, Стас в безопасности. Вот только египтяне уже начали на него тарашиться и перешептываться. А Улик, разинув рот, прошептал:

- Молодец, достойно держится.
- Стас, замри, все представление портишь! – крикнул я по-русски.
- Не буду я больше нырять в это масло! – возмутился Стас. – Оно невкусное!
- Ныряй, оживители выключу! – пригрозил я.
- Я тебе это припомню! – пообещал Стас, но пальцы разжал и исчез.
- Все-таки сварился, – с сожалением сказал Улик через минуту.

Из паланкина выглянул Неменхотеп.

– Достаточно, – крикнул он. – Вытаскивайте. А этого, – кивнул он в мою сторону, – сюда, поближе.

Меня подвели вплотную к подмосткам. Стаса достали и положили на землю. Валящий от одежды пар и разваренные овощи придавали ему вполне приготовленный вид. За спиной раздался горький девчоночий плач, и я узнал голос Хайлине. А Стас старательно жмурился, видно ожидая, когда я произнесу заклинание. Я картинно взмахнул руками и продекламировал:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять!

Стас передернул плечами и сел.

Люди вокруг истошно заголосили и рухнули на колени.

Стас гордо оглядывался вокруг, так, словно действительно восстал из мертвых.

– О Осирис, ты – бог могучий! – заорал Гопа, возбужденно прыгая вокруг нас. – Нет бога, подобного тебе! Как сам ты воскрес после битвы с Сетом, так и слуги твои легко возвращаются к жизни! – Он явно решил использовать сотворенное нами чудо в целях укрепления своей религиозной власти.

Кто-то схватил меня за руку. Я обернулся. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, передо мной стоял Неменхотеп.

– Прости мне мое неверие, верный слуга Осириса, – забормотал он заискивающе, – я был не прав. Осознал. Раскаиваюсь. Забудем прошлое и станем друзьями. Давай лечи меня.

И тут я по-настоящему разозлился.

– Э нет, фашист! – закричал я. – Все не так просто! Ты оскорбил верного слугу Осириса, и теперь мое заклинание не подействует, пока ты сам не искупаешься в кипящем масле!

– Да брось ты, – проникновенно сказал фараон, – давай так, без масла, а? Попробуем?

– Ну давай попробуем, – мстительно усмехнулся я и, сунув руки в карманы, выключил дистанционные блоки. – Стас, дай ему браслеты, – обернулся я к брату.

Тот снял с рук еще горячие браслеты и протянул их фараону. Неменхотеп подул на них и проворно натянул на запястья.

– А как застегиваются? – кротко заглянул он мне в глаза.

Я застегнул браслеты.

– Ну давай, говори заклинание, – поторопил фараон.

Что ж, пожалуйста. Как и в прошлый раз, я взмахнул руками и возвестил:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять!

Фараон замер, прислушиваясь к собственным ощущениям. Потом неуверенно кашлянул и тут же зашелся в болезненном приступе.

– То-то, – сказал я. – Лезь в котел.

Стас злорадно засмеялся.

– Классно, Костя, – сказал он по-русски. – Так ему!

Неменхотеп затравленно огляделся. И его взгляд остановился на отоспавшемся благодаря пастилке Толяро военачальнике.

– Доршан, – позвал он. – Подь сюда.

Тот подскочил к нам и сразу вполголоса спросил меня:

– У тебя этих штук больше нету, а? Так спалось славно! Хочешь, на дротик поменяемся? Наконечник, между прочим, не бронзовый, а золотой...

– Кончай базар, – прикрикнул Неменхотеп, и Доршан вытянулся в струнку. – Слушай сюда. Я сейчас в котел прыгну, а этот, – фараон ткнул меня пальцем в грудь, – должен меня оживить. Понял?

– Так точно!

– Вот если я не оживу, обоих четвертуешь. Ясно?

– А чего тут неясного? – расслабился Доршан.

– Разговорчики!

– Так точно! – вновь встал по стойке смирно воевода. – Ясно! Четвертуем, как два пальца обмочить!

– А ты понял? – обратился фараон ко мне с угрозой в голосе.

– Лезь, – отрезал я непреклонно. – И быстрее, а то передумаю.

Вновь отбросив неуместную спесь, он жалобно попросил:

– Еще минутку можно? Одну?

– Ну давай, – смилостивился я. – Что там у тебя?

Взмахом руки фараон подозвал к себе раба-нубийца.

– Сейчас я прыгну туда, – указал он на котел.

– Туда? – не поверил своим ушам нубиец.

– Туда, туда, раб бестолковый, – нетерпеливо похлопал себя по ляжке фараон. – А вы меня через минуту вытащите. Уяснил?

– Через минуту? – переспросил нубиец.

– Маловато будет, – глумливо улыбаясь, встрял Стас. – Не успеешь свариться, не подействует. Две минуты.

Неменхотеп скрежетнул зубами, но тут же послушно переинструировал нубийца:

– Через две минуты. Усвоил?

– Через две минуты? – снова переспросил тот.

– Да! Да! – заорал Неменхотеп в ярости. – Крокодилам скормлю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.